

Евгеній Мазепинъ.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

ИЗЪ СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ.

НАДНИКОВЪ.
Типографія М. П. Киселевскаго
1906.

•
~~~~~  
Печатать дозволено. Москва 2-го мая 1906 года.  
~~~~~

Оглавленіе.

	стр.
1. Въ неволѣ. Повѣсть.	5.
2. На волѣ. Повѣсть.	79.
3. Сельскій Староста. Повѣсть	186.
4. Волостной Старшина. Разсказъ	228.
5. Петруша и Параня. Разсказъ	233.

В Ъ Н Е В О Л Ъ

П О В Ъ С Т Ъ.

Часть первая.

I.

Кругомъ въ лѣсу, недалеко другъ отъ друга, находятся двѣ деревни: Чернухино и Житьево. Чернухино принадлежитъ помѣщицѣ Постоянной, а Житьево Баринову.

Постояннова живетъ въ своей усадьбѣ при Чернухинѣ, а Бариновъ въ другой губерніи и управляетъ своей деревней черезъ старосту.

Усадьба Постоянновой расположена на краю Чернухина, на холмѣ, у небольшой рѣчки.

Господскій съ мезаниномъ домъ одноэтажный, деревянный, обширный—двѣнадцать оконъ по лицу и десять съ боку. Посрединѣ дома находятся, одно противъ другого, два крыльца—широкое съ навѣсомъ парадное и черное.

Парадное крыльцо ведетъ въ прихожую. Направо отъ прихожей находится гостинная—просторная комната, уставленная деревянными, некрашенными, съ высокими спинками стульями и столами. На столахъ пост-

даны бѣлыя, тканія узоромъ, шашками, скатерти. Два дорогихъ зеркала занимали по простѣнку между окнами и тянулись отъ потолка до полу. Среди гостиной висѣла люстра со свѣчами, а на столахъ стояли мѣдные подсвѣчники. Стѣны неоклеены; полъ некрашенъ; стѣны и полъ вездѣ очень чисты.

Одна дверь изъ гостиной вела въ залу, почти въ такую же комнату съ фортепіаномъ, а другая въ коридоръ, проходившій вдоль дома.

По ту и другую сторону коридора находились: столовая, съ длиннымъ посрединѣ столомъ и буфетомъ, спальня—Постоянновой, ея мужа и двухъ дочерей, дѣвичья, кухня и людская съ креслами для тканія холста.

Подъ домомъ помѣщался подвалъ, гдѣ хранили картофель, морковь, капусту и другія овощи; рядомъ съ подваломъ держали индюшекъ, утокъ и гусей.

Домъ окружала аллея, усаженная березами. Вблизи находились три хлѣбныхъ амбара, погребъ съ ледникомъ, два длинныхъ хлѣва—одинъ для лошадей, а другой для коровъ. На верху хлѣвовъ устроены сараи; въ нихъ хранили кормъ для скота—сѣно и овсяницу. На полу сараевъ прорублены дыры, въ которыя спускали кормъ прямо въ ясли скоту. Около хлѣвовъ стояла скотня; въ скотней жили два скотника съ женами и дѣтьми и старушка, ухаживавшая за птицами; къ скотней примыкалъ овечій хлѣвъ и помѣщеніе для курицъ. Наотставѣ стояли двѣ мякинницы и два длинныхъ гуменника.

Черезъ дорогу находился обширный садъ, состоявшій изъ разныхъ деревьевъ и кустарниковъ: березъ, пихтъ, елей, сосенъ, рябинъ, черемухъ, ивъ, смородины, крыжовника, малины, шипицы и другихъ. Дорожки усыпаны пе-

скомъ; весь садъ тщательно вычищенъ.

Къ саду примыкалъ огородъ; въ немъ садили картофель, капусту, морковь, лукъ, свеклу, и тутъ же были парники для огурцовъ.

На барскомъ дворѣ держали 16 лошадей, 57 коровъ, 7 телятокъ, 42 овцы, 183 куры, 32 утки, 28 гусей и 14 индюшекъ.

Три амбара были полны хлѣбомъ. Въ деревнѣ Чернухинѣ Постоянновой принадлежало двадцать пять душъ.

Сама владѣлица этого имѣнія, Постояннова, была полная энергичная женщина лѣтъ сорока пяти. Мужъ ея, однихъ съ ней лѣтъ, былъ толстый, рыжій, добродушный, всегда брившій бороду и усы. У нихъ были двѣ молоденькія дочери—гордая Наташа и лѣтъ пятнадцати добрая душой и красивая изъ себя Саша, да сынъ Коля, здоровый мальчикъ лѣтъ десяти.

Для наблюденія за полевыми работами у нихъ жилъ управляющій Клавдій, жестокій въ обращеніи съ крѣпостными; онъ постоянно носилъ съ собою плетку и его нисколько не трогало страданіе другихъ. По зимамъ онъ ѣздитъ къ себѣ на родину; крѣпостные безъ него хоть немного вздыхали.

Домашнимъ хозяйствомъ завѣдывала злая ключница. Кухарка была вдова, жившая на кухнѣ съ тремя маленькими дѣтьми. Рослый лакей, кучеръ, четыре молоденькія дѣвушки для комнатныхъ услугъ, одна для барыни, другая для барина и двѣ для дочерей, и шесть бабъ помогающихъ въ хозяйствѣ, составляли дворню Постоянновой.

Мужики платили казенную подать за свою землю и работали на помѣщицу четыре, а на себя два дня въ недѣлю.

Вся лѣтняя работа барыни въ обширныхъ поляхъ и лугахъ исполнялась даровымъ трудомъ своихъ крѣпостныхъ. Въ свободное время они драли ей бересту. Зимую же доставляли кормъ для скота, дрова, выгоняли деготь и производили для продажи заготовку лѣса. Лѣсъ вывозили на рѣку и весною отправляли плотами, бревень по семидесяти, толщиною шести и семи вершковъ, а длиною десяти аршинъ, внизъ по рѣкѣ на ярмарку и продавали каждый плотъ отъ десяти до пятнадцати рублей.

Кромѣ того, осенью каждая баба должна набрать и доставить своей барынѣ по два фунта сухой малины и черники, четыре рѣшета брусники, два клоквы, четыре корзины рыжиковъ и одинъ фунтъ бѣлыхъ грибовъ, а каждый мужикъ несъ за себя курицу и пѣтуха, а со своего дому два фунта коровьяго масла.

Дворня же была набрана изъ своихъ крѣпостныхъ и служила бесплатно.

II.

Въ полѣ носилъ рѣпа, которая удалась на славу—крупная, сочная. Двѣ дѣвочки соблазнились господской рѣпой. Онѣ, низко нагибаясь надъ полосами, второпяхъ рвали рѣпу. Ихъ увидаль Коля и закричалъ:

— Зачѣмъ вы воруете нашу рѣпу—я мамѣ нажалуюсь!

Дѣвочки отъ испуга просто остолбенѣли. Рѣпа у нихъ посыпалась. Онѣ не знали что и дѣлать. Немного опомнившись, онѣ стремглавъ полетѣли въ деревню, только лишь засверкали ихъ пятки босыхъ ногъ.

Коля побѣжалъ домой.

— Мама, мама,—кричалъ онъ задыхаясь отъ бѣга,—деревенскія дѣвочки сейчасъ воровали нашу рѣпу!

— Неужели?—удивилась мать.

— Вѣрно, мама. Я самъ видѣлъ, какъ онѣ ее рвали. Когда я закричалъ на нихъ, зачѣмъ онѣ воруютъ нашу рубу, то онѣ высыпали ее и сами убѣжали домой!..

— Да ты не кричи. Просто оглушилъ меня. Можно вѣдь говорить и потихоньку. Ты не знаешь ли, чьи онѣ дѣвчонки?

— Одна ровно Селезня, а другую не могу узнать.

— Хорошо когда. Настюшка!—крикнула барыня горничную.

Въ комнату вбѣжала дѣвка лѣтъ двадцати и, стоя руки по швамъ, почтительно спросила:

— Что угодно, барыня?

— Сходи за Клавдіемъ и скажи ему, чтобы онъ сейчасъ же пришелъ сюда.

— Хорошо, барыня.

Вскорѣ пришелъ управляющій.

— Что прикажете, барыня?—низко поклонившись, спросилъ онъ.

— Клавдій,—обратилась къ нему барыня,—ты плохо смотришь за хозяйствомъ. Кажется, растащатъ у меня все имущество. Ты совѣмъ распустилъ людей.

— По мѣрѣ силъ своихъ я стараюсь служить вамъ. Не знаю даже чему и приписать ваши слова: я усиленно наблюдаю за всѣми, не даю никому потачки, и совѣмъ даже себѣ представить не могу, чтобы кто посмѣлъ дотронуťся до барскаго добра.

— Напротивъ, смѣютъ, даже и днемъ не стѣсняются воровать мое добро.

— Кто же это посмѣлъ сдѣлать?

— Ты управляющій, который приставленъ слѣдить за моимъ добромъ, ничего не знаешь, а я вотъ сама

про кражу знаю. Мой Коля видѣлъ, какъ двѣ дѣвчонки воровали наниу рѣпу.

— Гдѣ же, барыня, услѣдить за каждымъ пустякомъ?

— Для тебя это пустяки, а для меня такъ нѣтъ.— рѣзко замѣтила ему барыня.—Всегда начинаютъ воровать съ маленькаго, а потомъ доходятъ и до большаго. Да, вотъ дѣти крадутъ рѣпу, а взрослые навѣрно воруютъ мой хлѣбъ и ты про это ничего не знаешь? Я сама, изъ-за управляющаго и должна слѣдить за сохранностью своего имущества?

— Хлѣба-то во всякомъ случаѣ они не посмѣютъ воровать: для этого у меня есть на людей плетка, да и розги предупреждаютъ воровство.

— Напрасно бы, еще я сама достоверно узнала бы о кражѣ хлѣба: тогда бы я ни одного часа не стала бы тебя держать... Ты вотъ что лучше сдѣлай: одна дѣвчонка Селезня, а другую не знаю, то ты ее узнай и преведи ихъ обѣихъ сюда вмѣстѣ съ матерями. Я распорядусь съ ними своимъ судомъ.

— Хорошо, барыня, будетъ исполнено.

„Черти проклятые!—выйди на улицу, ругался управляющій,—мало еще вамъ, дьяволамъ, достается отъ моихъ рукъ. Пороть васъ надо каждый день, тогда будете умнѣе!“

Мужики и бабы, находившіеся на улицѣ, замѣтивъ управляющаго, заперениптывались между собою: „Управляющій идетъ, да видать что и злой.“

Подойдя къ избѣ Селезня, управляющій крикнулъ:

— Кто дома?!

— Я, голубчикъ, я,—высунувшись изъ окна, отвѣчала Дарья, жена Селезня, уже пожилая баба.

— Выходи сюда.

— Сейчасъ, голубчикъ, сейчасъ.

— Гдѣ у тебя дѣвка?—спросилъ управляющій, когда Дарья показала на улицѣ.

— Которая? У меня ихъ много—четверо, легко только сказать.

— А которая воровала барскую рѣпу?

— Ну, вотъ и не знаю, батюшка: у меня дѣвки не воровки.

— Чего тутъ разговаривать, танци ихъ сюда—мы сейчасъ разберемъ.

— Дѣвки, эй дѣвки, идите вы сюда,—крикнула Дарья,—васъ управляющій зоветъ!

Выглядывавшія со страхомъ изъ-за простѣнковъ въ окошко, вышли двѣ дѣвочки, одна трехъ, а другая пяти лѣтъ, въ одѣхъ толстаго грубаго холста замаранныхъ рубашонкахъ и робко подошли къ матерямъ.

— Которая изъ васъ воровала барскую рѣпу?—обратился къ нимъ управляющій.—Сказывайте, а не то васъ запорю.

— Я не воровала,—сказали дѣвки обѣ вдругъ, а у самихъ такъ слезы и показались на глазахъ; плакать же онѣ боялись.

— Какъ не воровали, если самъ барченокъ видѣлъ одну изъ васъ. Да впрочемъ, ты говорила, что у тебя ихъ четыре,—обратился къ Дарьѣ управляющій,—а тутъ у тебя двѣ, а гдѣ остальные?

— Настюшка живетъ у барыни въ дворѣ, ты вѣдь и самъ ее знаешь...

— Ну а четвертая-то гдѣ?

— Не знаю гдѣ она и есть,—предчувствуя бѣду, чуть не съ плачемъ говорила Дарья.—Вы, дѣвки, не видѣли Анюшку-то?—обратилась она къ дочерямъ.

— Нѣтъ, не видали,—отвѣчали тѣ.

— Она вѣрно напраказала, а теперь и спряталась. Ой, вы, чего тутъ рты-то разѣли,—крикнулъ управляющій на собравшихся мужиковъ и бабъ,—бѣгите разыскивать дѣвчонку и приведите ее сюда!

Мужики и бабы разсыпались по деревнѣ. Послѣ долгихъ поисковъ они обѣихъ дѣвченокъ нашли въ овинѣ и притащили ихъ къ управляющему.

Дѣвчонки были—Анюшка Селезня лѣтъ девяти, а другая ее немного постарше, обѣ босыя, безъ платковъ, въ однихъ грязныхъ рубашенкахъ и лица ихъ замазаны сажей.

— Сказывайте: воровали вы барскую рѣпу?—обратился къ нимъ управляющій.

— Меня Дунька сманила,—съ плачемъ говорила Анюшка,—пойдемъ, да пойдемъ за рѣпой, толковала она: рѣпа-то у барыни больно хороша. Я и пошла.

— Тащите ихъ обѣихъ къ барынѣ,—приказалъ управляющій.

Ревунцовъ дѣвченокъ, награждаемыхъ подзатыльниками и теребками своихъ матерей, потащили къ барынѣ.

— Чего вы тутъ ровно за медвѣдемъ идете!—крикнулъ управляющій на мужиковъ и бабъ, сопровождавшихъ шествіе.—Убирайтесь всѣ домой, безъ гасъ здѣсь дѣло обойдется!

Съ дѣвочками остались однѣ матери, которыя и сами заревѣли съ ними.

— Полно ражъ тутъ орать-то,—сказалъ имъ управляющій.

Всѣ пріумолкли. Только изрѣдка слышались всхлипыванія

— Барыня, голубунка, не погуби,—съ плачемъ по-

валились бабы въ ноги своей госпожѣ.—Не съ разума, а съ глупости онѣ потаскали вану рѣну.

— Тутъ-такъ—не погуби,—отвѣчала барыня.—а какъ присмотрѣть за ребятами, чтобы они не проказили, у васъ этого нѣтъ. Вы пуще ока своего должны отъ чужихъ беречь мое добро, а между тѣмъ ваши ребята танцать его. Взять ихъ отъ васъ, да отдать въ услуженіе въ городъ, тогда и узнаете каково похищать барское добро.

— Ой, барыня, не отымай отъ насъ ребятокъ-то,—благимъ матомъ завопили матери.—Вѣкъ будемъ за тебя Бога молить. Да кланяйтесь вы, безпытуя,—толкая въ шею своихъ дѣвченокъ, говорили онѣ,—и просите у нея прощенія.

— Дѣвочки, поощряемые подзатыльниками своихъ матерей, упали барынѣ въ ноги и, едва выговаривая отъ слезъ, просили у нея прощенія.

— Будете впередъ воровать?—обратилась къ нимъ барыня.

— Нѣтъ... Нѣ будемъ.

— Ужъ я отдавать васъ въ чужіе люди покамѣсть не буду, а наказаніе же вамъ, за ванъ худой поступокъ, назначу: на шею вамъ повѣсятъ по рѣпѣ и вы должны ходить съ ними по деревнѣ весь день, чтобы всѣ знали, что вы воровки.

— Благодарите барыню,—сказали бабы и вмѣстѣ съ дѣтьми повалились ей въ ноги.

На дѣвочекъ повѣсили на грудь по рѣпѣ и мужикъ ихъ водилъ по деревнѣ. Дѣвочки, опутивъ глаза внизъ, горько плакали.

Ихъ увидала Сана, сжалась надъ ними, пришла домой и сказала матери:

— Мама, зачѣмъ ты велѣла повѣсить дѣвочкамъ рѣ-

ны, вѣдь такъ стыдно имъ ходить по деревнѣ.

— Я приказала повѣсить рѣпы потому, чтобы отучить ихъ отъ воровства: эти рѣпы дѣвчонки воровали у меня.

— Ну, мама, онѣ еще маленькія—можно имъ и простить.

— Нельзя, моя милая, не наказывать людей за худые поступки, иначе советѣмъ распустишь ихъ, такъ что съ ними послѣ и не справиться.

— Съ дѣвочекъ довольно и этого наказанія. Ты имъ прости—вели имъ снять рѣпы. Мама, онѣ горько плачутъ—мнѣ больно жалко ихъ. Если не для нихъ, то для меня это сдѣлай.

— Ты у меня добрая, хорошая дѣвочка. Иди сюда, я тебя поцѣлую. Ну, вотъ такъ. Для тебя я ихъ прощу.

Съ дѣвочекъ сняли рѣпы и онѣ побѣжали домой.

Сана увидала Коло и сказала ему:

— Нехорошо тебѣ ябедничать—за это тебя никто не похвалитъ, а всякій назоветъ тебя ябедникомъ.

III.

На другой годъ Анюшка Селезня стерегла барскихъ индюшекъ.

Къ ночи индюшекъ заставляли въ избушку, дверь въ которую спускалась сверху внизъ. Анюшка пропустила индюшекъ, доска нечаянно спустилась и придавила голову молоденькой индюшкѣ. Та растянулась.

Анюшка не знала что дѣлать. Она схватила индюшку и стала ее съ плачемъ откачивать; но индюшка уже была мертвая. Анюшка ее спрятала въ пазуху и сама все время громко плакала.

Пришла ключница и стала проверять индюшекъ.

— Одной нѣтъ,—сказала она.—Куда ты ее дѣвала?

— Виновата,—со слезами проговорила Анюшка.—Я ихъ загоняла въ избушку, доска упала и прямо индюнкѣ на голову и ее убила. Индюшку я спрятала въ пазуху. Вотъ она.

— Такъ ты и хранишь господское добро. Я сейчасъ пойду къ барынѣ и скажу ей, что ты перевела одну индюшку. Она задастъ тебѣ ходу: впередъ получше будешь слѣдить за индюшками.

Барыня приказала Анюшку выдрать. Ключница наломала березовыхъ виць и такъ отетегала ее, что долго у нея оставались на тѣлѣ кровяные рубцы.

Осенью же барыня отдала Анюшку въ услуженіе въ городъ на четыре года заживать господскій долгъ. Анюшкѣ господа попались очень хорошіе, любили ее, и жизнь въ чужихъ людяхъ ей была лучше чѣмъ дома. Но она тосковала по родинѣ и ждала съ нетерпѣніемъ, когда кончится ей срокъ и она опять будетъ въ своей деревнѣ.

Дома же она недолго прожила: ее взяли въ дворню ходить за барышней Сашей. Обязанность ея была: одѣвать и раздѣвать барышню, исполнять разныя ея прихоти, а передъ сномъ чесать вмѣстѣ съ Настюшкой у барышень ноги.

Кормили дворню плохо; почти постоянно на столѣ подавали капусту, рѣдьку, крутянку, картошку, въ скоромныя дни творогъ и остатки съ барскаго стола.

Кухарка, украдкой отъ господъ, приготовляла себѣ особнякъ: пирожокъ, яичницу, или что-нибудь другое, хорошенькое. Иногда дворовыя дѣвки провѣдаютъ, что у кухарки приготовленъ особнякъ и стащить его. Кухарка была безпамятная, она забудетъ, куда спрятала приготовленный особнякъ и долго разыскиваетъ его.

Нигдѣ не найдя, догадывается, что, должно-быть, дѣвки у нея стянули, и цѣлый день ворчить на нихъ, придираясь къ каждому пустяку; а тѣ только надъ ней подсмѣиваются.

Провизія дворнѣ отпускалась помѣсячно. Когда выдавала сама барыня, дворнѣ не перенадало лишней крошки, а когда отпускалъ баринъ, то дворня выпрашивала у него лишнее.

Барыня не любила своего мужа, смотрѣла на него съ пренебреженіемъ и держала его въ домѣ лишь потому, что онъ ей мужъ и прогнать его изъ дому ей было совѣстно.

Баринъ былъ добрый, слабохарактерный, легко поддавался увлеченію; какъ-то, живя на службѣ въ городѣ, увлекся молоденькой прислугой и прижилъ ей ребенка.

Барыня узнала про это и сильно оскорбилась, такъ что первое время не пускала его къ себѣ даже на глаза, хотя онъ, повидимому, горько раскаялся въ своей ошибкѣ и на колѣняхъ просилъ у нея прощенія.

Вскорѣ баринъ повредилъ себѣ ногу. Нога разболѣлась. Онъ поселился въ усадьбѣ своей жены и лѣчилъ ногу года два, а потомъ уже пооблѣнился, служить ему не захотѣлось и жилъ у своей жены нахлѣбникомъ.

Дворня, зная доброту барина и что барыня не очень благосклонно относится къ своему супругу, почти его нисколько не боялась и вмѣстѣ съ нимъ иногда обманывала барыню.

Выѣдетъ барыня изъ усадьбы въ городъ, дворовыя дѣвки ужъ приступаютъ къ барину:

— Баринъ, голубчикъ, отпусти намъ бѣлой мучки и немного масла.

— Вотъ, тутъ такъ и барина нашла, а какъ ранѣе, то все съ ребятами возились; нѣтъ чтобы барина по-

цѣловать. Теперь и старый баринъ сталъ голубчикъ. Нѣтъ, меня не проведешь; убирайтесь вы все къ чорту, къ своимъ парнямъ.

— Мы вѣдь, баринъ, тебя любимъ.

— Обманываете, курвы, чтобы у меня муки и масла вытормошить.

— Право, не обманываемъ, вѣрно, любимъ.

— Если любите, то поцѣлуйте.

— Мы бы поцѣловали, да какъ-да барыня узнаетъ; она насъ заиоретъ.

— Гдѣ ей узнать—не узнаетъ.

— Нѣтъ, баринъ, мы боимся.

— Чего бояться? Не узнаетъ. Давайте, подставляйте губы.

Дѣвки стали перetyкаться между собою: ни которой не хотѣлось первой поцѣловать. Наконецъ, Настюшка, какъ побойчее всехъ, поцѣловала его, а за ней и остальные.

Баринъ такъ и растаялъ—отпустилъ дѣвкамъ муки и масла.

Безъ барыни дѣвки приглашали къ себѣ парней, въ людской пѣли пѣсни и плясали; у всехъ была душа на распашку.

Передъ прїѣздомъ барыни веселье кончалось; все приготовлялись къ ея гстрѣчѣ; вездѣ наступала тишина.

Баринъ приходилъ въ людскую и говорилъ дѣвкамъ:

— Ага, попались, стрекозы, я на васъ баринѣ нажалуюсь: вы цѣлые дни и вечера ничего не дѣлали, только пѣли да плясали.

— Баринъ, голубчикъ, не сказывай, будь добренькій,—уирашивали дѣвки.

— Тутъ такъ дсбренькій; а ранѣ нѣтъ, чтобы придти, да поцѣловать меня; со своими ребятами забыли и барина.

— Ну, баринъ, будь хорошій—не сказывай.

— Ладно, ладно, когда не скажу, да и вы, сороки, ничего не болтайте.

— Ничего, баринъ, не скажемъ.

Безъ жены баринъ потягалъ сильно водочку—онъ боялся, чтобы супруга про это не проведала.

О прїѣздѣ барыни обыкновенно извѣщали вѣстникъ изъ деревни Житьева, которая стояла на горѣ, а дорога была прямая, такъ что далеко было видно, если кто ѣхалъ.

Парнишка или дѣвченка, услышавъ колокольчикъ, или завидѣвъ издали экипажъ чернухинской барыни, со всѣхъ ногъ бѣжалъ въ ея деревню сказывать, что барыня ѣдетъ.

Тамъ, эта вѣсть мигомъ облетала всю дворню, и всѣ, приготовившись, выходили встрѣчать барыню, низко ей кланяясь.

Барыня обо всемъ разспрашивала, что происходило безъ нея въ усадьбѣ и какъ идетъ работа.

Ей подробно сообщали всѣ новости, конечно, большею частію умалчивая о томъ, что бы могло навлечь ея гнѣвъ на дворню.

Всѣ прихоти барыни исполнялись безпрекословно; дворня не смѣла не только что возразить, но даже неласково посмотрѣть на свою барыню, которая какъ хотѣла, такъ съ ней и обращалась.

Дѣвки, убирая комнаты, по два дня позабывали вынести воду, стоявшую въ гостинной передъ зеркаломъ. Барыня это замѣтила. По приказанію ея всѣ дѣвки со-

брались въ гостинной и кланяясь въ поясъ передъ зеркаломъ водѣ, говорили вслухъ: „Водица-матушка, уйди сама со стола.“

— Ну, что, слушается-ли васъ вода, уходитъ-ли она сама со стола?—спросила барыня.

— Нѣтъ, барыня, не слушается.—сказали дѣвки, едва удерживаясь отъ смѣха.

— Не уходитъ, такъ надо ее отсюда вамъ убирать. Ступайте, да впередъ еще такъ поубирайте у меня комнаты, тогда я вамъ покажу.

Дѣвки, завернувшись за двери, съ хохотомъ побѣжали въ людскую, и едва успокоились отъ смѣха при одномъ воспоминаніи надъ сценой, гдѣ онѣ передъ зеркаломъ кланялись водѣ.

Въ одной комнатѣ съ барыней спала Настюшка. Барыня лежитъ, долго ворочаясь съ боку на бокъ, не можетъ заснуть.

— Сходи-ка, Настюшка.—обращается барыня,—позови дѣда Опухонца: пусть онъ поговорить мнѣ сказки, тогда я, можетъ-быть, скорѣе усну.

Приходитъ дѣдъ Опухонецъ и рассказываетъ сказки. Барынь онѣ надѣдаются:

— Иди домой, я уже довольно наслушалась.—говорить она старику.

Кряхтя, старикъ поднялся и отправился домой.

— Не выпили-ли мы съ тобой по рюмочкѣ,—обращается барыня къ Настюшкѣ,—что-то скучно га душѣ, не ешится.

— Воля ваша, барыня,—отвѣчаетъ та.

Онѣ встаютъ и выпиваютъ по рюмочкѣ наливочки и опять ложатся.

Настюшка заснула, а барыня все еще ворочается съ боку на бокъ.

— Ты спишь?—обращается барыня.

— Нѣтъ, не сплю,—сквозь сонъ отвѣчаетъ Настюшка.

— Подай мнѣ носовой платокъ.

— Сейчасъ, барыня.

Настюшка встаетъ и подаетъ барынѣ носовой платокъ, хотя онъ лежалъ возлѣ самой барыни, на стулѣ, но ей самой не хотѣлось протянуть руку, чтобы взять платокъ.

Барынини же были, особенно Саша, для дворни очень добрыя, заступались за нихъ, украдкой отъ матери ссужали ихъ чаемъ, сахаромъ и провизіей, но нестѣсняемая ни чѣмъ и имѣя постоянно дѣвокъ въ полномъ своемъ распоряженіи, гдѣ челоуѣкъ былъ рабомъ другого, бывало, что и за небольшую оплошность при одѣваніи ихъ, били дѣвокъ по головѣ и по лицу даже баннакомъ; только это случалось очень рѣдко, но все-таки случалось.

До чего въ полномъ подчиненіи были крѣпостные у своихъ господъ, можно судить потому, что барыня не допускала даже мысли, чтобы крѣпостные могли оскорбить своихъ господъ или ихъ дѣтей.

Когда еще Коля былъ маленькимъ, разъ ужъ очень онъ надоѣлъ своими проказами Настюнкѣ, и она выведенная изъ терпѣнія, толкнула его. Барченокъ жаловался своей матери, находившейся въ сосѣдней комнатѣ.

— Зачѣмъ ты толкаешь Колю?—обратилась барыня.

— Что вы, барыня,—отвѣчала Настюшка,—смѣю-ли я толкать вашего сына.

— Ну, вотъ, Коля, ты врешь: она не посмѣетъ толкать тебя.

Коля опять началъ надоѣдать Настюнкѣ, и она

его теребнула.

— Мама, она не только толкается, но даже еще и теребится,—жаловался барченокъ.

— Все вретъ онъ, барыня: я до него не смѣю, да и боюсь пальцемъ дотронуться,—оправдывалась Настюшка.

— Коля, ты мнѣ надоѣдаешь своими несправедливыми жалобами: Настюшка никогда не посмѣетъ тебя теребнуть.

— Право, мама, она теребнула.

— Ну, ну, ври больше, такъ я тебя въ уголъ поставлю.

Коля ужъ не посмѣлъ болѣе убѣждать свою мать, что Настюшка его толкнула и теребнула.

За оскорбленіе себя и за проявленіе своей воли, барыня очень жестоко наказывала крѣпостныхъ.

Какъ-то она въ воскресеніе заставила ихъ чистить садъ: бабы, ребятинки сгребали и сметали въ груды мусоръ, убирали его, подчищали дорожки, носили въ корзинкахъ песокъ и посыпали ими дорожки.

Дарья, не замѣтивъ, что невдалекѣ идетъ барыня, сказала:

— Полноте, бабы, работать, вишь, она, косая и въ воскресеніе не дастъ намъ отдыху.

Барыня услышала это и вснылила. Она позвала двухъ мужиковъ и приказала имъ отодрать Дарью. Барыня сама смотрѣла за исполненіемъ наказанія и еще со злости поощряла мужиковъ:

— Подбавьте ей еще: пусть она знаетъ, каково оскорблять своихъ господъ!

Мужики такъ отстегали бабу, что она послѣ двѣ недѣли провалялась въ постели.

Въ сѣнокосъ же барыня послала всѣхъ бабъ грести сѣно на пожнѣ, находящейся отъ усадьбы за десять верстъ.

У Дарьи былъ грудной ребенокъ одного года, который уже понималъ свою мать. Дарья пришла къ барынѣ и робко обратилась къ ней:

— Я къ вашей милости.

— Что надо?

— Управляющій посылаетъ меня на сѣнокосъ, а у меня грудной ребенокъ, то нельзя-ли меня оставить дома, я лучше вамъ здѣсь что нибудь поработаю. А то ребенокъ отъ меня не отстаетъ, нянька еще дома маленькая, шести годковъ, ей не утѣшить ребенка, онъ обречется безъ меня.

— Поревить, да отстанетъ, невелика важность. Да, кажется, у тебя ребенокъ-то ужъ порядочный!

— Только-что ему годокъ минулъ.

— Ну-у, давно бы пора тебѣ отсаживать его отъ груди; теперь вотъ изъ-за такого теленка ты и будешь сидѣть дома, сложа руки? Безъ разговоровъ отправляйся на сѣнокосъ.

Дарья, опустивъ низко голову, уныло поплелась на сѣнокосъ.

Ребенокъ хватился матери и сталъ ревѣть что есть мочи; нянька растерялась, не знала какъ его утѣшить и сама съ нимъ заревѣла... и ребенокъ къ вечеру померъ.

Придя домой, Дарья долго причитала надъ своимъ дѣтищемъ, но его уже было не воротить.

По одно лѣто сынъ Дарьи, Васька, лѣтъ двѣнадцати, пасъ барскихъ овецъ. Ягненка онъ потерялъ и нигдѣ не могъ его отыскать.

— Барыня, сегодня Васька не пригналъ одного ягненка,—доложила ключница.

— Позови его сюда.

Пришелъ босой Васька, безъ картуза, въ холстинной толстой рубашкѣ и въ обитыхъ коротенькихъ портченкахъ; ноги отъ грязи у него даже изсѣклись.

— Что ты плохо смистришь за овцами, скоро ихъ всѣхъ растеряешь,—строго обратилась къ нему барыня.

— Я хорошо за имъ слѣжу, да сегодня Трезорко да Валетко бросились на овецъ и у меня ихъ всѣхъ разогнали. Я бѣгалъ, бѣгалъ, едва ихъ собралъ, а ягненка не могъ нигдѣ отыскать; не знаю, куда онъ и дѣвался.

— Гдѣ хочешь возьми, а завтра мнѣ ягненка отыщи,—иначе я тебя запорю. Убирайся, да еще такъ похрани моихъ овецъ, тогда я всю твою шкуру спущу!

Васька съ ревомъ пришелъ домой.

— Что сдѣлалось?—спросила его мать.

— Овецъ разогнали собаки... Ягненка я... не пригналъ,—отвѣчалъ, рыдая, Васька,—а барыня велѣла найти... Если не найду... то всю шкуру мою обѣщала мнѣ спустить.

У матери сердце упало. Ей стало жаль Васьки, который былъ славный, послушный мальчикъ.

— Ну, не плачь, дурень,—утѣшала она его.—Поѣшь лучше молока, поди проголодался!

— Я, мамка, почти весь день не ѣдалъ, все бѣгалъ, ягненка искалъ; едва добрелъ до дому.

— Вотъ поѣшь, да отдохнешь, то весь устатокъ у тебя пройдетъ. А завтра я подсоблю тебѣ разыскать ягненка-то.

Васька, набивая себѣ полный ротъ, хлебать моло-

ко съ накрошеннымъ въ него хлѣбомъ. Закусивъ, онъ побѣжалъ на улицу, гдѣ вскорѣ раздался его звонкій смѣхъ.

Съ самаго ранняго утра и до вечера Дарья искала съ Васькой ягненка, но нигдѣ не могла его найти. Васька сталъ горько плакать.

— Полно, дурень, плакать-то, я сейчасъ найду.

— Гдѣ его розыщешь-то? Вотъ сколько поры мы съ тобой искали, да не могли найти.

— Какой онъ шерсти-то былъ?

— Весь сѣрый, вокурать какъ этотъ ягненокъ, — говорилъ Васька, указывая на одного ягненка изъ своего стада.

— Ты побудь здѣсь недолго, а я пойду одна, авось, поскорѣе его разыщу.

Дарья побѣжала въ деревню Житьево, гдѣ овцы паслись безъ пастуха. Она выбрала ягненка, по примѣтамъ похожаго на утеряннаго, схватила его на руки и потащила къ Васькѣ.

Увидавъ издали матеръ съ ягненкомъ, Васька стремглавъ полетѣлъ къ ней.

— Неужели нашла? — не довѣря своимъ глазамъ, кричалъ онъ.

— Однако видишь и самъ, еще не совѣтъ ты ослѣпить.

— Слава Богу, мамка, что онъ хоть нашелся-то, а то меня барыня задрала бы... Да, мамка, ровно этотъ ягненокъ-то не нашъ: у того на ухѣ было, кажется, черное пятнышко, а у этого нѣтъ.

— Ври больше, дуракъ, — прикрикнула мать, — ты оглядѣйся, никакого пятнышка у ягненка не бывало. Ты бы крестился обѣими руками, что нашелся ягне-

нокъ-то, а то всю бы шкуру тебѣ спустили, а ты еще вздумалъ пятнышки разбирать. Тотъ ягненокъ—да и все.

Васька повѣрилъ матери, но его всю дорогу брало сомнѣніе: „Какъ такъ, думалъ онъ: тотъ ягненокъ былъ съ пятнышкомъ, а у этого нѣтъ. Куда дѣвалось пятнышко-то?“

— Ну, что, нашелъ ягненка-то?—встрѣтила его ключница.

— Сегодня всѣ,—бодро отвѣтилъ Васька.

Ключница пересчитала овецъ и сказала:

— Счастливъ, что сегодня приналь всѣхъ овецъ, а то бы выдрали тебя какъ сидорову козу.

IV.

Очень тяжела была жизнь крѣпостныхъ деревни Чернухина барыни Постоянновой. Работая на себя только треть года, еще вдобавокъ отдавая бесплатно работниковъ въ дворню, они едва могли съ грѣхомъ пополамъ прокормиться и кое чѣмъ прикрыть грѣшное свое тѣло.

Ихъ деревня Чернухино выглядѣла очень бѣдной и имѣла самый жалкій плачевный видъ. Одни дома покривились, другіе почернѣли отъ старости, такъ что косяки оконъ подперты кольями, чтобы ихъ совсемъ не выперло на улицу; дома крыты на одинъ скатъ, у многихъ отъ течи во время дождя накиданы кое-какъ доски: тутъ увидаешь и новыя, замѣтишь и старыя; окна узкія, продолговатыя, съ подвижными въ бокъ рамами; зимнихъ рамъ не вставлялось.

Въ избахъ грязно; у иныхъ онѣ никогда не мылись, сколько ужъ грязи возметъ вѣникъ или голикъ; стѣны прокопчены дымомъ, такъ что около потолка сажа ви-

сѣла ключьями, по зимамъ съ оконъ лились потоки воды. тѣмъ еще подбавляя болѣе сырости, которой въ избѣ было и безъ того очень много отъ нагрѣваемой для скотины воды, такъ какъ паръ вмѣстѣ съ чадомъ во время тонки шель въ избу—печки были безъ трубъ. Подъ поломъ блеяли овцы и телята, отсюда пахло навозомъ; деревянная грязная лоханка, никогда нечистившаяся, кромѣ вышоласкиванія изъ нея, воняла; съ полу, пропитавшагося навозомъ, грязью, принесенною на лаптяхъ и отъ испражненія ребятъ, во время неубираемаго, несло зловоніе. Полчища блохъ, таракановъ, а лѣтомъ мухъ, иногда жившихъ всю зиму, находили въ этихъ избахъ себѣ прекрасный пріютъ, размножались и не думали покидать его. Къ ночи приносили соломы, расстилали на полу и всѣ, и старые и малые, и мужчины и женщины, снали въ рядовую, только дѣвки ложились отдѣльно другъ съ другомъ; окутывались какимъ-либо тряпьемъ или одеждой, рѣдко одѣлами.

Одежда вся была изъ грубаго холста, вытканнаго своими же бабами. Мужчины носили рубаху и порты, весною и осенью поддевки, двухшовки и трехшовки, зимою овчинныя полушубки и шубы, а нѣкоторые бѣдныя даже кудельныя; верхняя одежда женщинъ была почти таже самая, что и у мужчинъ, а нижняя состояла изъ холстинной рубахи, юбки и платка. На ноги осенью, зимою и весною одѣвали лапти, обернувъ ноги въ портянки, а лѣтомъ ходили босикомъ. Холстина на одеждѣ была у однихъ была синяя, а у другихъ некрашенная; при грязной крестьянской работѣ, около земли и навозу, она сильно пачкалась, чистить или мыть верхнюю одежду не было даже обыкновенія, то холстина на одеждѣ у нѣкоторыхъ потеряла свой первоначальный видъ и походила скорѣе на сильно загрязненную тряпку. Рубанка и порты снимались, такъ, разъ въ мѣсяцъ, даже

въ два и болѣе, а нѣкоторые носили до тѣхъ поръ, пока они не сваливались съ плечъ: тогда будто бы грязь менѣе ѣстъ тѣло. Мылись въ печкахъ одной водой безъ мыла: понаряты вѣшникомъ. лишняя грязь у нихъ и потопрѣетъ, а окачиваться и зимою, хотя и въ морозъ, выходили на повѣтъ, гдѣ у нѣкоторыхъ даже свободно гуляли вѣтеръ.

Пища была самая плохая, большею частью одна крушанка, картошка, кануста и рѣдька; держали по одной и по двѣ коровенки, дававшихъ фунтовъ по шести по восьми молока въ сутки и съ новотелу, да и то у многихъ уходило ребятамъ; взрослымъ же совѣтъ его мало попадало.

Въ посты—Великій, Петровъ, Успенскій, Рождественскій, по средамъ и пятницамъ ѣли взрослые и дѣти, такъ дѣтъ отъ пяти, обязательно постную пищу: считалось большимъ грѣхомъ въ эти дни оскоромниться. Если кто въ эти дни ѣлъ скоромное, то на того смотрѣли какъ на великаго грѣшника. Нѣкоторые больные, умирая въ посты, не вкушали скоромной пищи, хотя грубая пища иногда ихъ несвоевременно отпращивала на тотъ свѣтъ.

Своимъ каторжнымъ трудомъ крѣпостные, при господской работѣ, кое-какъ вели свое хозяйство, и зарабатывать деньги на сторонѣ имъ было совѣтъ некогда. Да и добывать деньги на сторонѣ было очень трудно,—поденщина мужику съ лошадыю была: въ лѣтнее время двадцать копѣекъ въ день, безъ лошади десять, а въ зимнее время, гдѣ приходилось работать по полямъ въ снѣгу, пятнадцать копѣекъ съ лошадыю,—поэтому крѣпостнымъ волей-не-волей приходилось прониматься пищей и одеждой, добытыми сами же; даже огонь доставали посредствомъ кремня, стальной пластинки и трута. Вечеромъ во всѣхъ избахъ свѣтилась воткнутая

въ желѣзный свѣтецъ березовая лучина. Когда крѣпостные находились на барской работѣ, то у нихъ содержаніе было свое. Иногда придутъ они домой, а дома и перекусить нечего. Бабы надѣнутъ на руки корзины и ночью побѣгутъ въ деревню Житьево просить милостыню.

Житьевскіе мужики жили зажиточно, они съ участіемъ относились къ бѣдствующимъ своимъ собратамъ, никогда имъ не отказывали въ милостынѣ и иногда помогали имъ и другимъ.

Чернухинскіе собираютъ милостыни на два, на три дня и опять работаютъ у барыни. Барыня иногда узнавала про этотъ сборъ, запрещала впередъ ходить, а нѣкоторыхъ за милостыню даже наказывала, потому что считала, что мужики голодны изъ-за своей лѣни.

Не только врачебныхъ, но даже фельдшерскихъ пунктовъ во всемъ уѣздѣ не было; единственная лѣчебница находилась при городѣ, отстоявшемъ отъ Чернухина въ ста восьмидесяти верстахъ, почему больные, за дальностью разстоянія, не могли обращаться туда. Ихъ лѣчили свои знахари и знахарки заговорами, вспрыскиваніемъ водой и собранными самими же травами, давали пить наговоренную воду, прикладывали къ ранамъ, для остановки кровотеченія, паутину, а нѣкоторые останавливали кровь заговоромъ, чему даже очень вѣрили крестьяне. Случалось, что ихъ лѣченіе, вмѣсто пользы, лишало больныхъ жизни.

Училищъ не было. И въ обѣихъ-то деревняхъ числилось только трое грамотныхъ, умѣвшихъ разбѣраться и кое-какъ писать.

Хотя верстъ за десять находилась при церкви школа, но она только влачила несчастное свое существованіе и болѣе числилась на одной бумагѣ; даже

изъ ближнихъ деревень ребятишки отказывались посѣщать школу, потому что въ нее въ недѣлю раза два, много три заглядывалъ не учить, а скорѣе побить ребятишекъ, сынъ попа, пьяница, котораго выгнали изъ духовнаго училища и даже ни гдѣ не держали въ монастыряхъ.

Помѣщикамъ же болѣе нравились неграмотные, безотвѣтные люди: они смотрѣли на своихъ крѣпостныхъ какъ на рабочую силу, которая должна имъ приносить какъ можно больше пользы своимъ физическимъ трудомъ, а грамота должна отымать часть этой силы, что было не въ интересахъ помѣщиковъ.

Своей же духовной жизни кромѣ, у большинства, механическаго исполненія обрядовъ церкви, у крѣпостныхъ не было: вся ихъ воля находилась въ полномъ подчиненіи своей госпожи, которая нерѣдко вмѣшивалась даже въ семейную ихъ жизнь, заставляя ихъ жить по своему усмотрѣнію, хотя иногда случалось, что ея распоряженія дѣлали крѣпостныхъ несчастными на всю жизнь.

Такъ, старшій сынъ Дарьи, Иванъ, слубился съ своей сосѣдней дѣвушкой Марфой и просилъ барыню разрѣшить взять ее замужъ.

Барынѣ не понравилось, что молоденькій мальчишка выбираетъ невѣсту по своему усмотрѣнію. Она наотрѣзъ отказала ему, дала ему хорошій нагоняй, чтобы онъ не смѣлъ лѣзти къ ней съ такими просьбами, и велѣла жениться ему уже на пожилой, лѣтъ тридцати, некрасивой Овдотѣ.

Иванъ не смѣлъ ослушаться, женился на Овдотѣ; но свыкнуться съ ней не могъ: она казалась ему противнѣе чорта. Съ горя онъ совѣтъ потерять голову, не сталъ радѣть о своемъ новомъ заведенномъ хозяй-

ствѣ, такъ что его вовсе запустилъ.

Барыня нѣсколько разъ его наказывала, порола, но парню ничего ни шло впрокъ: онъ даже тянулъ имѣніе изъ дому и проживалъ, а жену безопасно билъ. Выведенная изъ терпѣнія, барыня слала его въ солдаты тереть ляжку цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ.

V.

Въ господскомъ домѣ вся семья барыни собралась обѣдать. Барыня взяла серебряную ложку, чтобы наливать вѣсмъ супу. Поддѣла она изъ миски супу, вылила на тарелку... какъ взглянетъ—а ложка вся почернѣла. Барыня такъ и остолбенѣла.

Баринъ и барышни, замѣтивъ это, съ испугомъ подбѣжали къ ней и говорятъ:

— Что съ тобой?

— Охъ,—тяжело простионала она,—насъ сейчасъ чуть не отравили.

— Неужели!!

— Посмотрите на ложку, какъ она почернѣла. Чтонибудь да это не такъ. Вотъ мы сейчасъ узнаемъ, что тутъ есть.

Она кончикъ ленула супу. Кончикъ немного полакала и, несходя съ мѣста, тутъ же околѣла.

Всѣ такъ и ахнули.

— Надо это разузнать,—немного оправившись, сказала барыня:—кому такъ надоѣли мы, что даже хотѣли насъ отравить.

И стала она допрашивать всю дворню, кто былъ на кухнѣ. Послѣ долгихъ разспросовъ и угрозъ запоротъ всѣхъ, наконецъ она добилась, что въ это утро на кухнѣ сидѣла одна Дарья, которая могла подсыпать въ кушанье яду.

Призвали Дарью. Горе и нужда морщинами избороздили все ее лицо. Вздвигая, со сжатыми губами она вошла къ барынѣ, которую окружала родня и вся дворня.

— Ты это, подлая, хотѣла отравить насъ?—съ гнѣвомъ обратилась къ ней барыня.

— Я,—унавившимъ голосомъ едва слышно проговорила Дарья.—Прости меня, барыня, падая въ ноги, съ ревомъ просила она.

— За что это ты хотѣла насъ перевести? Что мы тебѣ худого сдѣлали?

— Сама не знаю, какъ это случилось со мной, видно самъ дьяволъ понуталъ меня, окаянную... Барыня, голубушка, скажись надо мною: я вѣдь мать своимъ дѣтямъ—пожалѣй меня.

Для тебя я не жалѣла себя, работал, сколько хватало силъ моихъ и съ своимъ лѣнтяемъ мужемъ подняла почти отъ однѣхъ рукъ своихъ пятеро ребятъ, да трое еще есть малолѣточекъ.

Сама я ихъ всѣхъ своею грудью выкормила,—причитала Дарья,—на своихъ рукахъ вынянчила, свила себѣ гнѣздышко и радовалась среди дѣтокъ своихъ. Ты не пожалѣла моего гнѣздышка, почти все разорила его. Старшаго сына, Ваньку, ты совсѣмъ загубила: былъ онъ смирный, работающій парень, ты сдѣлала изъ него лѣнтя, прохвоста и отдала въ солдаты. Настюшку ты еще молоденькой отняла отъ меня и все время не отпускаешь домой, а она въ твоей дворнѣ совсѣмъ избаловалась: ужъ принесла двоихъ ребятъ. Анюшка смалолѣтства скиталась по чужимъ людямъ, а теперь живетъ у тебя, того и гляди, что избалуется какъ и Настюшка. На дальней сторонункѣ ужъ доживаетъ четвертый годъ моя Машка, безъ родимыя своея матушки, некому при-

голубить, приласкать ее,—а заживаетъ она твой господскій долгъ. Сашка малолѣткомъ отданъ въ Питеръ учиться въ столяры. Отъ досокъ и вещей, которыя приходится носить ему на своей головушкѣ, у него на темени даже образовалась яма. Еще трое остаются у меня дитятко, еще неразумныхъ крохотокъ.

Изъ-за тебя, родимыя, заревѣлся до смерти мой ребеночекъ. Меня темную, за грубое слово, сказанное, тебя не выдаючи, такъ ты выдрала, неразумную, что я чуть не отдала Богу душеньку.

Не хватало у меня часто хлѣбушка, приходилось бросать стыдъ, срамъ въ сторону и собирать по деревнямъ кусочки, за ради Христа, чтобы не умереть съ голоду, у тебя работая. Потеряется-ли у тебя ягненокъ, которыхъ стерегъ мой Васька еще маленькій, я крала его у сосѣдушекъ и танцала къ тебѣ, чтобы ты не запорола моего дитятка...

Надняхъ ты Ваську послала стерегчи своихъ коней; гдѣ ему, неразумному, слабому управлять твоими звѣрями. Сшибла съ себя его лошадушка—и лишилась я послѣдней опорунки, не стало моей надежи-доброхотунки. Здорова, крѣпка я была, все вынесла, все вытерпѣла, теперь стара, слаба стала, ужъ не могу я переносить больше невзгодунекъ.

Измучилась я, горемышная, и лукавый напенталь мнѣ мысли недобрѣя. Теперь я стою предъ вами виноватая, чуть не душегубница вана, окаянная...

Ты прости, прости меня для послѣднихъ дитятко; останутся они сиротинушки, безъ родимыя своей матушки. Ты скалься хоть надъ ними бѣдняжечками.

Барышни не могли вытерпѣть, заплакали.

— Мама, ты прости ее,—стала просить Саша.

— Если мы ей простимъ,—отвѣтила барыня,—то

другимъ потачка будетъ, пожалуй, тогда еще кто-нибудь станетъ травить насъ.

— Да, мама, она не съ ума, а съ глупа сдѣлала. Смотри, какія у нея были горя, недолго человѣку въ нихъ потерять разсудокъ: въ отчаяніи иной хорошо не понимаетъ, что онъ дѣлаетъ.

— Но и прощать такіе поступки—нельзя.

— Дарья все время у насъ была работящая, послушная,—не унималась Саша,—у нея вѣдь есть трое маленькихъ ребятъ, они должны лишиться своей матери: ее соплотъ, если ты доведешь до суда. Теперь же она раскаялась въ своемъ худомъ поступкѣ, и съ ней ужъ этого не повторится.

— Напрасно ты, Дарья, вздумала переводить насъ,—обратилась къ ней барыня:—насъ не будетъ, то вами будутъ владѣть другіе господа, которые окажутся, можетъ-быть, еще вдсятеро хуже насъ.

Въ виду твоего сердечнаго раскаянія и жалѣя твоихъ ребятъ, я вину тебѣ прощаю, сообщать, куда слѣдуетъ, не буду, но предупреждаю тебя и всѣхъ васъ,—грозно обратилась она къ дворнѣ,—что всякое, хотя и ничтожное покушеніе на мою и дѣтей моихъ личность, я не прощу, какія бы кары вамъ за это ни угрожали—я не пощажу, и предамъ васъ въ руки палачей,—пусть они истязуютъ васъ!

— Благодарю тебя, барыня, голубушка,—отъ души сказала Дарья:—пожалѣла ты моихъ ребятишекъ, пощадила меня неразумную. Вѣкъ не забуду я тебѣ этого добра.

Вскорѣ же Дарья вознаградила барыню за ея милость.

Послѣ проливныхъ дождей, рѣчка, находившаяся вблизи Чернухина, высоко поднялась. Барченко

вздумать въ ней купаться вмѣстѣ съ деревенскими ребятишками. Гдѣ онъ ранѣ купался, мѣсто было мелкое, и теперь, не опасаясь ничего, онъ раздѣлся и пошелъ въ воду. Берегъ былъ обрывистый. Шагнувъ раза два, онъ скрылся въ водѣ. Вынырнувъ разъ, онъ едва только успѣлъ крикнуть: „Ой, тону, помогите!“ и опять пошелъ на дно.

Ребятишки испугались. Они повыскакали изъ воды, побѣжали къ усадьбѣ и закричали:

— Барченокъ тонетъ, барченокъ тонетъ!

До усадьбы было далеко, крику ихъ никому не слышно; но какъ-то они бѣжали, барченокъ захлебался бы, но на счастье вблизи случилась Дарья. Она въ одеждѣ бросилась въ воду и вынырнула наверхъ съ барченкомъ; но, умѣя сама плохо плавать, Дарья съ барченкомъ стала тонуть, а барченка все-таки не выпускала изъ рукъ.

Крикъ ребятишекъ скоро услышали въ усадьбѣ, прибѣжали мужики, подали Дарьѣ колъ. Она съ барченкомъ выбралась на берегъ.

Барыня, услыжавъ, что сынъ тонетъ, отъ испугу лишилась даже чувствъ. Когда же она пришла въ себя и увидала предъ собою здороваго сына, то не знала какъ и радоваться. Узнавъ, что спасительницей сына была Дарья, барыня отъ души ее поблагодарила, даже расцѣловала и подарила ей на юбку.

Отъ такой ласки Дарья прослезилась и сказала:

— Стою-ли я, барыня, этого: ты спасла меня отъ позора, да и не лишила дѣтей моихъ своей матери, а меня родимыя сторонунки. Не такое бы добро тебѣ надо сдѣлать, а еще больше.

Барыня и впослѣдствіи всегда была Дарьѣ благодарна, облегчала, по возможности, ея тяжелое положеніе

и матеріально помогала ей.

Дарья считала барыню родной матерью, не знала даже какъ за нея и Бога-то молить, чтобы онъ послалъ ей здоровья и счастья.

VI.

Весна. Снѣгъ уже сошелъ съ полей. Барыня призвала управляющаго и велѣла ему распорядиться, чтобы мужики вездѣ поправили огороды и приступали къ посѣву ярового.

На другой день всѣ мужики отправились съ мѣшочками за плечами, гдѣ у большей части находился одинъ хлѣбъ и соль, поправлять осѣкъ, которымъ былъ огороженъ въ лѣсу скотскій выгонъ.

Хлупая своими лаптями мѣстами по колѣно въ холодной водѣ, такъ что ноги постоянно были мокры, портянки хоть выжи, одни мужики бродили по лѣсу и заготавливали колья, а другіе срубали для осѣка не очень толстыя деревья и городили.

Осѣкъ обыкновенно городится такъ: наваливаютъ одно на другое два дерева, не очищая ихъ отъ сучьевъ; надъ ними втыкаютъ крестъ-на-крестъ два кола, на которые накладываютъ вмѣстѣ съ сучьями дерева два, три, и такъ идутъ далѣе.

Городить осѣкъ—очень скоро; но онъ не такъ проченъ какъ частоколъ изъ жердей: зимою на него наваливается масса снѣгу и его осаживаетъ, такъ что каждую весну приходится его поправлять.

Поля же городятъ частоколомъ: втыкаютъ прямо два кола, стягиваютъ ихъ еловыми или ивовыми вицами и кладутъ на вицы жерди, гдѣ такъ вкось, гдѣ такъ прямо, недалеко одна отъ другой, чтобы не могли пролѣзти овцы или телята. Высотою огорода ставятъ въ

рость человека.

Покончивъ съ огородами, мужики наладили сохи и принялись за пашню. Сохи у нихъ безъ отрѣза, съ однимъ толстымъ желѣзнымъ сошникомъ въ вершка три ширины, немного косымъ срана налѣво; земля разрѣзается острымъ краемъ сошника, идетъ по его наклону и переваливается. Захватъ земли у такой сохи невеликъ, почему она тиха къ пашнѣ, но зато хорошо разрыхляетъ землю и не боится камней.

Худыя лошаденки мужиковъ едва волокли ноги; мѣстами мужики подсобляли имъ тащить сохи. Сохи то-и-дѣло ковылялись, то вираво, то влѣво, а особенно у молодыхъ пахарей и неумѣлыхъ наставлятъ сохи; онѣ до боли вертели имъ руки. Земля мѣстами была сыра, липла къ сохамъ; мужикамъ нерѣдко приходилось изъ земли вытаскивать сохи и лопаткой очищать отъ нея. На каждомъ поворотѣ, которые были часты, мужики тащили тяжелыя сохи на своихъ рукахъ; онѣ сильно оттягивали у нихъ руки.

Работая, неоглядывался, съ четырехъ часовъ утра и до восьми вечера, подъ наблюдениемъ управляющаго, стоявшаго съ плеткой, мужики по временамъ совѣмъ даже изнемогали. Работа особенно истощала ихъ потому, что паша у нихъ была худая, не возстановляла вполне ихъ силу.

Вспахавъ полосу, мужики надѣвали черезъ плечо на полотенцѣ лукошко съ сѣменами и сѣяли: захватывали горсть сѣмянъ и ударяли ими о лукошко; сѣмена отлетали отъ лукошка и отдѣльными зернами разсыпались впереди. Опытный хозяинъ сѣялъ очень хорошо: онъ какъ будто насадить въ землю руками каждое зернышко.

Мальчишка или баба посѣянное тщательно заборанивали, проѣзжая по одному мѣсту раза по три. сна-

чали по краямъ, а потомъ посрединѣ загона, тяжелыми вязаными боронами съ деревянными толстыми зубьями, которые плохо шли, особенно въ глинистую, землю; сырая земля липла къ зубьямъ, и бѣдныя лошаденки едва волокли бороны.

Послѣ посѣва мужики и бабы драли въ лѣсу бересту. Тучи комаровъ, мошекъ, паутовъ поселись надъ ними и кусали имъ руки и ноги, нигдѣ не давая имъ покою. Съ огромными ношами за плечами, куда по полтора и два, они поздно вечеромъ возвращались домой; завтра опять принимались за ту же работу.

Въ концѣ мая подняли наренину. Уже покрывшаяся травкою земля, очень тяжела для пашни; еще какъ стоитъ засуха, то не приведи Богъ этой работы: земля тверда, соха плохо идетъ въ нее, корни травъ волочутся съ сохой и прудятъ землю. Эта пашня считается самой тяжелой.

Когда земля немного попрѣла, то, излаживаясь послѣ дождя, ее подборанивали.

Передъ Ивановымъ днемъ, 24 іюня, возили навозъ на телегахъ одноколкахъ. Мужики и бабы двухрогими деревянными вилами, на концы которыхъ насажены желѣзные наконечники, отдирали, насажаясь, навозъ и клали на телеги.

Ребятинки верхомъ на лошадяхъ отвозили навозъ въ поле; тамъ бабы желѣзными крюками сгребали его въ колыги—въ груды. Поле было близко, то лошади безпрестанно возвращались назадъ, такъ что наметальщикамъ и отдохнуть было некогда.

Эта работа для рукъ всего тяжелѣе. Иной, лежа съпать, долго не могъ ихъ успокоить—онѣ странно ныли. Утромъ, часовъ съ трехъ, ужъ опять принимались за ту же работу, продолжавшуюся до вечера.

Когда весь навозъ вывезли со двора, бабы раскидывали его по полосѣ вилапками, а мужики выѣзжали съ сохами заваливать его; впереди шелъ мальчишка съ вилапками и спѣшивалъ навозъ съ края въ борозду, иначе онъ волочется за сохой, труднѣе пахать. Вспаханную землю боронили.

Едва только успѣли поправиться съ навозомъ, какъ уже поспѣлъ сѣнокосъ.

Выбравъ хорошую погоду, барыня приказала косить луга.

Застучали по деревнѣ молотки о косы: это оттачивали ихъ.

Рано утромъ, еще солнышко не взошло, мужики, бабы и подростки съ косами на плечахъ и съ лопатками въ пестерькахъ у пояса, пришли на сѣнокосъ.

Идя одинъ за другимъ, они дружно рядами подѣзали траву. Звучный лязгъ отъ точенія косы, то и дѣло далеко раздавался кругомъ.

Утромъ, когда еще было прохладно и трава отъ росы мокра, легко косить, но въ полдень жара донимала косцовъ: потъ градомъ катился съ нихъ, несмотря, что мужики были въ однѣхъ безъ пояса рубашкахъ и портахъ, а бабы въ однѣхъ рубахахъ и все босыя. Трава стояла сама за себя и сильно отзывалась на рукахъ косцовъ. Въ слѣдующіе дни косили съ утра, а съ полдня убирали сѣно.

Въ два дня огромный лугъ былъ подкошенъ.

На третій день все высыпали съ граблями. Подкошенную траву съ утра поворачали, правильнѣе сказать, порастрясали, то есть изъ валовъ ее пораскидали концами грабель по сторонамъ, чтобы она скорѣе просыхала. Часовъ съ двѣнадцати сгребали въ большіе валы, гдѣ ей дали еще немного посохнуть, а потомъ изъ ва-

ловъ катили конны. Нѣкоторые взяли носилки и конны снанивали въ сѣновалы. Конну тащить двое: для этого подсовываютъ подъ нея двѣ носилки; одинъ берется руками за концы носилокъ спереди конны, а другой сзади, поднимаютъ ее и несутъ, а за ними оставшееся сѣно загребаютъ граблями и кладутъ въ конны; а если до сѣновала близко, то несутъ сѣно на рукахъ большими ношами, захвативъ ихъ и удерживая граблями. Съ коннами всходятъ по сѣну подъ самую крышу. Когда же становилось невозможно подниматься вверхъ, сѣно изъ коненъ отметывали длинными вилами, умнавали его, стараясь какъ можно туже набить сѣноваль, чтобы въ него вошло сѣна какъ можно болѣе.

Не успѣли поправиться съ сѣнокосомъ, какъ пришло время сѣять озимое. Сѣяли около Ильина дня, гдѣ опять вспахивали землю и заборанивали сѣмена.

Тотчасъ же послѣ посѣва принимались опять за сѣнокосъ. Иногда погода стояла дождливая; только придуть, бывало, грести сѣно вереть за восемь отъ деревни, какъ пойдетъ дождь, сѣно обмочить, и нужно отправляться обратно; перѣдко случалось, что они теряли напрасно цѣлые дни.

Тотчасъ же послѣ сѣнокоса посѣва жнивѣ. Мужики, бабы, ребята стали жать ржаное поле. Они срѣзывали пучки ржи, клали ихъ въ снопы, связывали эти снопы той же соломой и ставили снопы въ суслоны: снопы колосьями наклоняли другъ къ другу и закрывали шляпой, большимъ снопомъ.

Нѣкоторые дергали ленъ и снопы развѣшивали сушить на жердяхъ.

Потомъ принимались за яровое, за ячмень, который посѣвать перѣдко вмѣстѣ съ рожью, за пшеницу и овесъ; становили ихъ въ груды; если жито было высо-

ко, прикрывали шляпой, а если низко, тремя наложенными, два въ рядъ и одно на нихъ, снопами.

Дома во все лѣтнее рабочее время оставались одни безпомощные старики и старухи да малые ребята.

Рожь выстоялась, высохла. Въ ясный день мужики запрягли своихъ лошадокъ въ ондренцы—двухколесная телега, на которой устроена клетка для удобства класти сно и снопы, чтобы они не разбѣжались въ стороны—и стали убирать снопы. Возы пригнетали гнетомъ—жердь, привязанная веревкой сзади ондренца.—Гнетъ клали вдоль воза, перекидывали черезъ передній конецъ гнета привязанную къ ондренцу другую веревку; одинъ мужикъ наваливался на конецъ гнета, а другой, засунувъ веревку за перекладину ондренца, сильно тянуть, пока веревка подавалась, а потомъ ее привязывали къ ондренцу, чтобы она не сдала назадъ. Снопы свозили въ гуменники и клали по краямъ ихъ.

Гуменники—это огромныя, длинныя сараи, по бокамъ которыхъ устроены засѣки для склада хлѣба въ снопахъ. Посрединѣ гуменника настланъ полъ, а у мужиковъ прямо вычищена бугромъ земля, носить она названіе гумна. На немъ обмолачиваютъ жито.

Къ гуменнику примыкаетъ овинъ. Это двухъэтажное зданіе съ двумя небольшими дверями на гумно. Нижнія двери ведутъ въ подовинникъ, гдѣ стоитъ печка, а у мужиковъ ее нѣтъ, тонка происходитъ въ ямѣ; по бокамъ печки, къ самымъ стѣнамъ настлана солома, служащая постелью для сушильщиковъ. Въ подовинѣ складываются овинники, необходимыя для тонки на цѣлую ночь. Овинники—словья или сосновыя, неколотыя чурки около двухъ аршинъ длины. Снаружи, посрединѣ овина, надъ дверями находится полка, а около нея подъ

верхнюю дверь небольшое окошко. На полку поднимаются по приставленной къ ней лѣстницѣ.

Съ полки черезъ верхнія двери залѣзаютъ въ овинъ. Овинъ безъ потолка; полъ замазанъ глиной. Надѣло отъ дверей, около стѣны находится во всю длину овина дыра, въ которую идетъ снизу жаръ и чадъ. Такъ съ полуаршина отъ полу, кривыкая къ нижнему косяку дверей, насланы въ вершка въ два толицины, недалеко другъ отъ друга, колосники, жерди, которыя, въ случаѣ надобности, свободно сдвигаются къ стѣнѣ.

У нѣкоторыхъ крестьянъ не было гумениковъ: стоялъ одинъ овинъ съ открытымъ гумномъ. Хлѣбъ складывали въ груды по берегамъ, по сторонамъ гумна, на открытомъ воздухѣ. Въ дождливую осень груды промачивало, и не мало хлѣба портилось, онъ изростагъ.

Овины обыкновенно садятъ трое: одинъ поддѣваетъ деревянными виланками натасканныя къ овину снопы и подаетъ стоявшему на полкѣ, а тотъ кидаетъ ихъ на колосники тому, кто садитъ овецъ.

Садить начинаютъ съ задней стѣны. Снопы ставятъ рядами: снопы колосомъ кверху и снопы колосомъ книзу, до колосниковъ и выше. Когда подойдутъ близко къ дверямъ, заполняютъ снопами сначала одну пазуху, уголь овина около дверей, а потомъ другую, такъ, что образуется свободное мѣсто только у дверей. Садившій вылѣзаетъ на полку и заполняетъ свободное мѣсто снопами и накрошеннымъ колосомъ; закрываетъ снопомъ оконечко—и овинъ посаженъ. Затворивъ двери овина и заперевъ ихъ навертышкомъ, садившій слѣзаетъ съ свика, разѣодитъ стогъ, пропускаетъ теплоту и оставляетъ овинъ до вечера.

Послѣ ужина, прихвативъ съ собой на всякій случай и для питья ведро воды, двое или одинъ, если кто

нетрусливъ, отправляются сушить овинъ и всю ночь поддерживаютъ въ печкѣ огонь. Спать на соломѣ, пока прогораетъ, теплина. Иногда въ овинъ наберется много народа, то рассказываютъ сказки. Въ нѣкоторыхъ овинахъ, а особенно въ вѣтряную погоду, дымъ плохо идетъ кверху, наполняетъ весь подовинъ и до боли бьетъ глаза. Сушильщики иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ спятъ въ такомъ дыму; они даже привыкаютъ къ нему, такъ что онъ имъ не такъ чувствителенъ какъ новичку.

Часовъ съ трехъ, съ четырехъ утра начинаютъ молотить. Рожь молотятъ шесть, семь человекъ. Одинъ мужикъ, большею частью сушильщикъ, залѣзаетъ на овинъ и весь въ чаду скидываетъ снопы на гумно; остальные молочельщики разстилаютъ снопы въ два ряда колосьями вмѣстѣ. Когда настелютъ посадъ—снопы по всему гумну—берутъ молотила—длинная круглая, точеная палка, называемая кадкой, къ которой на ремню прикрѣплена коротенькая палка, такъ что она свободно можетъ двигаться во все стороны—становятся по двое въ рядъ: четверо на посадъ—по двое лицомъ къ другимъ, а двое сбоку. Двое переднихъ, ударяя по колосу одинъ постъ другого, идутъ задью, а задніе, присноваливаясь къ нимъ, чтобы молотѣла шла въ тактъ—легче молотить, идутъ за ними и ударяютъ тоже по колосу; боковые бьютъ по поясу сноповъ, такъ что они даже прыгаютъ.

Переднимъ тяжело—они идутъ на пробой, то есть первые выбиваютъ зерна изъ колоса, а вторымъ уже легче, такъ какъ часть зеренъ передними уже вымолочена,—имъ приходится не такъ сильно ударять, чтобы зерна вылетали изъ колоса.

Ударяя по каждому снопу, молочельщики идутъ безпрерывно до конца посада, который бываетъ такъ

сажень около двадцати. Только немного оправившись, опять молотятъ, идя къ овину. Тогда задніе идутъ впереди: приходится смѣнивать молотила на другую руку, то есть, вмѣсто, на примѣръ, правой руки находящейся наверху, которой при молотбѣ тяжелѣе, будетъ лѣвая, почему рукамъ попеременно молотить легче.

Когда молочельники пройдутъ по гумну взадъ и впередъ, то одинъ, большею частью баба, если она есть на гумнѣ, снопы переворачиваетъ, такъ какъ сверху колось обмолачивается лучше чѣмъ снизу. По воченному посаду молочельники опять проходятъ впередъ и взадъ. Потомъ отлетѣвшій колось подметають со стороны къ посаду, кто нибудь серпомъ срѣзываетъ поясы сноповъ, другой беретъ металку—виланки, снопы растряхиваетъ подъ молотила... И самое молоченье кончено.

Теперь принимаются за уборку зерна и соломы. Граблями перетраховываютъ солому, чтобы изъ нея выкатились зерна и выпала мякина. Солому катятъ въ большія груды и на носилкахъ снаниваютъ ее въ обметъ, въ очень длинную гряду со скатами, чтобы солому не очень проливало дождемъ.

Солома вся убрана. Болѣе ловкій молочельникъ беретъ метлу и, слегка вода, сметаетъ колось влѣво отъ овина. Этотъ колось перетраховываютъ граблями и снаниваютъ въ одно мѣсто, откуда послѣ убирають въ сѣновалы. Зерно же съ очень мелкой мякиной, которую отдѣлить отъ зерна граблями трудно, обратными концами грабель сгруживаютъ къ одному мѣсту. Одинъ вѣяльной лопаткой окидываетъ рожь въ одну гряду, а другіе подметають остатки. И первый посадъ готовъ. Послѣ него точно также обмолачиваютъ второй посадъ и уходятъ домой завтракать.

Подкрѣпившись, одинъ или двое приходятъ вѣять.

Влетѣть-то собственно одинъ, а другой подсобляетъ ему.

Вѣяльщикъ поддѣваетъ изъ груди на лопату ржи и бросаетъ вверхъ. Вѣтеръ подхватываетъ мякину, какъ болѣе легкую и тащитъ за собой, тѣмъ и отдѣляетъ ее ото ржи. Самое крупное, тяжелое зерно, цѣльное, ложится въ голову, къ ногамъ вѣяльщика, а болѣе легкое — въ хвостъ, его подальше вѣтромъ относитъ. Но временамъ вѣяльщикъ, слегка водя метлой, смахиваетъ со ржи колосья. Хвостъ, гдѣ съ легкою рожью остается и мякина, вѣяльщикъ провѣиваетъ не одинъ разъ, а остатки иногда пропускаетъ нонемногу съ рѣшета.

Если вѣтеръ ровный, хорошій, вѣяніе лопатой происходитъ очень скоро: въ какой-нибудь часъ одинъ вѣяльщикъ приготовляетъ нудовъ тридцать чистой ржи; а когда стоитъ вѣтеръ плохой, завиваетъ все въ груды, приходится вѣять подолгу, часа по три, по четыре. Случалось, что вороха отъ овиновъ двухъ, трехъ даже не удавалось провѣять; вороха скапливались и по нѣсколько сутокъ оставались на гумнѣ до хорошаго вѣтра. Вѣяніе лопатой удобнѣе на открытыхъ гумнахъ, которыя доступны всѣмъ вѣтрамъ.

Цѣльную рожь, какъ болѣе хорошую, нагребаютъ сперва и высыпаютъ въ особые сусѣки, берутъ ее себѣ на молотье и оставляютъ до весны на сѣмена, а охвостную рожь продаютъ.

Прежде чѣмъ молотъ рожь, сунуть ее въ печатъ, наваливая туда къ ночи и очищаютъ ее рѣшетомъ отъ пыли, песку и дрызгу, а потомъ уже мелютъ.

Изъ овса же готовятъ крупу: бабы ручными ступами опижаютъ овесъ, отдѣляютъ отъ шелухи зерно, которое и мелютъ на ручныхъ жерновахъ.

Пшеницу моютъ до бѣла, очищая ее отъ песку и сорныхъ травъ и затѣмъ мелютъ. Пшеничные пироги

изъ своей муки получались вкусные, запашистые.

Всю осень бабы были за обработкой льна.

Головки просушенных сноповъ льна онѣ обколачивали вальками и рѣшетомъ отдѣляли сѣмена. Самые стебли льна стлали на лугъ, выбирая болѣе мягкія мѣста: онѣ скорѣе уляживался и былъ доброкачественнѣе.

Недѣли черезъ три снимали съ луга ленъ, связывая его въ большіе вязаницы. Чѣмъ осень сырѣе и теплѣе, тѣмъ скорѣе поспѣвалъ ленъ и былъ лучше; сухая же осень не очень благоприятствуетъ лежкѣ льна.

Вязаницы сунать на овинѣ. На слѣдующій день мнуть его мялками, гдѣ отстаеъ ото льна костица, шелуха. Обмятый ленъ сунать на печкахъ и два раза его треплютъ треналомъ—второй разъ начисто, чтобы на немъ нисколько не оставалось костицы.

На печкахъ же у всѣхъ были довольно и она вмѣстѣ съ мелкой костицей столбомъ стоитъ около бабъ. Всѣ бабы во время тренки такъ перемараются, что на лицѣ и на рукахъ грязь у нихъ втолстуетъ.

Осенью копають картофель и убирають съ огородовъ овощи.

Вотъ настала зима. Снѣжокъ покрылъ землю и установилъ дорогу. Мужики на длинныхъ дровняхъ поѣхали за сѣномъ; привозили его на барекій дворъ и себѣ, заготавливали дрова и бревна для домашней постройки.

Запаснись кормомъ, всѣ ѣхали на заготовку лѣса и жили такъ въ избушкахъ по недѣлѣ и болѣе. Свалку лѣса производили на берегу рѣки. Въ Великій постъ гнали деготь.

Бабы управлялись съ домашнимъ хозяйствомъ: водились съ ребятами, обряжали скотину, приготавливали

ницу, пряли и ткали холсты.

Весною, какъ только проходила рѣка, мужики плотили бревна. Плоты гоняли въ городъ, внизъ по рѣкѣ. Смотришь—ужь поспѣла пашня и опять пошла та же тяжелая работа.

Такъ, не зная себѣ отдыха, не видя свѣту божьяго, трудились мужики цѣлый годъ, живя впроголодь, измученные физически и нравственно.

Хотя воскресные и праздничные дни у нихъ были свободны отъ господской работы, но они свою работу въ будни не успѣвали исправлять; приходилось и въ эти дни около дому что нибудь да дѣлать.

Особенно рѣзко на хозяйствѣ крѣпостныхъ отзывалась несвоевременность своей работы: иногда нужно пахать яровое, или уже оно всахано, надо сѣять, а тутъ ступай на барскую работу; или, у тебя лежитъ окошенная трава, которая уже просохла, такъ что ее можно убирать, а ты стреби напередъ барское сѣно, а потомъ уже принимайся за свое. Покаместъ убирать барское сѣно, свое и замочило, пошли непрерывные дожди, его испортило, хоть стели въ навозъ.

Хотя крѣпостные скотины держали мало: по лошади, по коровѣ, много по двѣ по три, по теленку, по четыре по пяти овецъ, но и той корму не всегда хватало; многимъ весною приходилось рѣзать солому, подбавлять въ нее горсточку мучки, обваривать кипяткомъ и кормить скотину.

Никакихъ развлеченій не только у пожилыхъ, но даже у молодежи не было: ребятамъ запрещалось ходить къ дѣвкамъ на посидѣнки. Осенью управляющій изрѣдка провѣдывалъ посидѣнки, нѣтъ-ли тамъ ребятъ. Услыхавъ, что идетъ управляющій, ребята отъ него спрятались кто куда могъ, а нѣкоторые даже затѣ-

зали въ печку, которыя устраивались очень большія, такъ какъ въ нихъ мылись и парились.

Все прокопченные въ дыму, загорѣлые, съ грубыми чертами лица, крѣпостные были похожи не только физически, но и нравственно другъ на друга. Они жили одной семьей, исполняли одинаковую работу, вѣровали въ одну и ту же религію, православную, держались разъ установленныхъ отцами обычаевъ, справляли одни и тѣ же мѣстные праздники, ѣли одинаковую пищу, носили одинаковую одежду, не выезжали многіе никуда далѣе своей деревни, все знали чтобы не умереть съ голоду, нужно работать, не покидая рукъ своихъ, круглый годъ и безусловно подчиняться своимъ господамъ,—поэтому и жизнь каждаго изъ нихъ шла точно такъ же, какъ жизнь отцовъ и дѣдовъ.

Приходило время бабѣ рожать новаго Ваньку. Она звала какую-нибудь деревенскую старуху, ходившую по роженицамъ—повивальныхъ бабокъ даже и въ слухахъ не было. И вотъ, въ избѣ, полной народа, на соломѣ, утромъ такъ еще въ дыму, появлялся на свѣтъ божій Ванька.

Мужикъ съѣздитъ на своей лошади за попомъ и дячкомъ. Въ кадункѣ окрестили Ваньку и положили въ грязное тряпье куда-нибудь на лавку, а потомъ его уже перемѣстили въ берестянную люльку на солому. Кормила его мать своею грудью и коровьимъ молокомъ изъ рожка, на который надѣта коровья титка; часто засыхавшая; въ рожекѣ толстымъ слоемъ накрашено молоко, такъ что приходилось веретеномъ протыкать, чтобы шло налитое молоко.

Нашъ Ванька сталъ бѣгать, ему уже два, три года. Онъ лѣтомъ въ одной рубашенкѣ же сходить съ улицы. Нерѣдко его девятилѣтняя сестренка буркаетъ

его въ рѣчкѣ, купая съ собою. Ванька брыкается руками и ногами, и изъ воды бѣгомъ уленстываетъ на берегъ.

Зимою же, надернувъ материну кудельную двухшовку, въ катаникахъ десятилѣтняго братинка, въ отцовъ шапкѣ и безъ портокъ катается на чункахъ со зѣзда иногда въ пятнадцати-градусный морозъ, а въ болѣе теплую погоду бѣжить ужъ по снѣгу босикомъ въ избы сосѣднихъ ребятишекъ.

Ванька ужъ минуло двѣнадцать лѣтъ. Онъ нянчится съ малолѣтнимъ братишкой или сестренкой, подсобляетъ матери въ обрядахъ, рубить около дому дрова, а лѣтомъ ужъ ходитъ грести. Въ пятнадцать лѣтъ его ужъ заставляютъ дѣлать всю, кромѣ пашни, крестьянскую работу.

Когда Ванькѣ минуло восемнадцать лѣтъ, барыня приказала ему жениться—и Ванька сталъ семейнымъ человекомъ. Пошли у него ребята, обзавелся онъ своимъ домикомъ и хозяйствомъ, трудился, состарѣлся, ребята выросли, стали сами все обрабатывать. Приншло время—и нашъ Ванька умеръ. Его ребята сколотили ему наскоро изъ тесу гробъ, запрягли лошадку и на дровняхъ отвезли на кладбище. Тамъ сами выкопали ему могилу, погребъ, отслужилъ панихиду и свои же ребята его зарыли.

VII.

Вся жизнь помѣщицы Постоянновой и ея семьи была основана на физическомъ трудѣ своихъ крѣпостныхъ: они были бесплатной многочисленной дворней, обрабатывали землю, исполняли бесплатно всѣ необходимыя при хозяйствѣ барыни работы, возили ей сѣно, дрова и прочее.

Почти все, что необходимо для содержанія семьи,

хлѣбъ, мясо животныхъ и птицъ, масло, молоко, яйца, добывалось своими же крѣпостными; избытокъ же этихъ продуктовъ шель для продажи на другіе барскіе расходы.

Чѣмъ больше было положено труда крѣпостными на работу своей барыни, тѣмъ лучше она жила со своей семьей; а никто себя не вралъ, потому она и выжимала изъ крѣпостныхъ послѣдніе соки.

Въ то время жизненные продукты были очень дешевы, такъ, напримѣръ, рожь продавали по тридцать копѣекъ за пудъ, да еще за эту цѣну нужно ее самимъ отвезти на винокуренный заводъ, находившійся въ ста шестидесяти верстахъ; за мясо давали отъ рубля и до рубля двадцати копѣекъ за пудъ, за яйца шесть копѣекъ за десятокъ. Чтобы выручить хоть сто рублей, то нужно продать много этихъ жизненныхъ продуктовъ, на которые столько слезъ, горя, непосильной работы было положено мужиками.

Между тѣмъ эти сто рублей бросались господами иногда совсѣмъ на вѣтеръ. Та же, дома разсчитливая Постояннова, желая повеселить своихъ дочерей, устраивала въ губернскомъ городѣ, гдѣ она имѣла постоянную квартиру, балы съ музыкой, и эти несчастные сто рублей вылетали въ какіе нибудь два вечера. Сколько тратилось на одни костюмы, сколько летѣло въ городъ на одинъ чай лакеямъ, кучерамъ, тогда какъ дома у многихъ ея мужиковъ въ это время перекусить было нечего...

Да и много шло денегъ и на другіе пустые прихоти и бездѣлушки господъ, которые жили одной созерцательной жизнью, потому отъ скуки должны были что нибудь да выдумывать.

Господа считали унижительнымъ жить скромно; по ихъ понятіямъ господа должны жить по-господски, полу-

чая всё удовольствія, какія и другіе получаютъ. Мелкимъ землевладѣльцамъ туго приходилось тянуться за крупными; но они надрывали свои матеріальныя силы, а все-таки отъ богатыхъ не отставали.

Съ перваго взгляда на крѣпостное право, помѣщики представляются какими-то жестокими людьми, а на самомъ же дѣлѣ, это былъ, за немногими исключеніями, самый развитой, образованный и, въ извѣстномъ направленіи, нравственно-воспитанный классъ. Это можно объяснить только тѣмъ, что на нужду и горе своихъ крѣпостныхъ они привыкли смотрѣть съ самаго своего дѣтства и считали это за нормальное явленіе, не ими заведенное; сами же помѣщики жили обезпеченно, и, не испытывъ на себѣ горя и нужды своихъ крѣпостныхъ, не могли отъ души сочувствовать имъ, чтобъ облегчать ихъ тяжелое положеніе. Помѣщики смотрѣли на крѣпостное право какъ на порядокъ, установленный вѣками, знали, что этому порядку они обязаны даже настоящему своему благосостоянію, и большая часть изъ нихъ всеми мѣрами старались поддержать этотъ порядокъ, чтобы крѣпостные не выходили изъ поставленныхъ имъ границъ.

Замѣчательно, что, повидимому, какъ мужики обрабатывали землю и до крѣпостного права, первобытной сохой, бороной, молотиломъ, лопаткой, косой, граблями, то, во время господства разветыхъ хозяевъ, бартъ, передовыхъ людей, этотъ порядокъ остался прежній.

Одни помѣщики находили совѣмъ лишнимъ расходовать деньги на покупку дорогихъ земледѣльческихъ орудій, благо земля обрабатывалась, хотя и первобытными орудіями, но зато нетребовавшими отъ нихъ никакихъ расходовъ; другіе, владѣя иногда десятками тысячъ десятинъ и имѣя тысячи работниковъ въ своемъ распоряженіи, не имѣли ни малѣйшаго понятія о земледѣліи и считали существующую обработку земли,

нормальной; третьи, состоя на службѣ, были заняты этимъ дѣломъ и не могли удѣлить времени на улучшение хозяйства; четвертымъ, отъ дѣла не хотѣлось даже пошевелить мозгами; иные хотя и принимались за обработку земли усовершенствованными орудіями, но они, какъ люди слишкомъ идеальные, непрактичные, выисывали дорогія орудія и машины, которыя были совсѣмъ непригодны въ ихъ мѣстности, почему они большею частью и стояли въ бездѣйствіи; да и мужики неохотно покидали свои первобытные орудія, съ которыми они вмѣстѣ выросли, не знали какъ обращаться съ новыми машинами и орудіями, а научить ихъ было некому; на заведенныя орудія и машины они смотрѣли какъ на пустую барскую затѣю, которымъ деньги дѣвать некуда, то и бросаютъ на пустяки.

Сами же орудія и машины въ то время еще были плохи, не приносили земледѣлію особенной пользы. У одного помѣщика отъ пашни плугами глинистой почвы, по неимѣнію хорошей бороны, земля стала родить худой хлѣбъ, такъ что плуги пришлось бросить и приняться опять за сохи—и хлѣбъ сталъ поправляться.

Такіе неудачные опыты отбивали охоту даже у сосѣднихъ помѣщиковъ измѣнять существующій порядокъ обработки земли, и многіе съ ироніей смотрѣли на тѣхъ, кто пробовалъ покупать орудія, машины и обрабатывать ими.

VIII.

Воспитанные въ пансіонѣ, хорошо знакомыя съ французской литературой, дочери Постояниовой возмущались существующимъ порядкомъ крѣпостнаго права. Тяжелое положеніе крѣпостныхъ и ихъ нравственное угнетеніе особенно сильно затрагивало за душу впечат-

лительную добрую Сашу. По этому поводу нередко у нея съ матерью велись разговоры, которые иногда переходили въ оживленный споръ.

Такъ и теперь вдвоемъ за нимъ сидятъ онѣ дома.

— Мама, сегодня я видѣла въ нашей деревнѣ мальчика лѣтъ трехъ, — начала Саша: — онѣ ѣтъ такой хлѣбъ, что развѣ его стала бы грызти только проголодавшаяся собака — хлѣбъ походить болѣе на засохшую землю, чѣмъ на хлѣбъ; совсѣмъ трудно разобрать изъ чего онѣ испеченъ: въ немъ больше костери и другого дразгу чѣмъ ражаной муки. У насъ же три амбара навалены хлѣбомъ, то бѣдныхъ слѣдовало бы помочь — дать имъ хлѣба.

— Такъ, милочка, мы съ тобой раздаемъ весь хлѣбъ, а сами останемся ни съ чѣмъ, — возразила на это мать. — Мы сами не только ѣсть и пить хотимъ, но даже хлѣбъ должны продавать на другіе расходы: себѣ на платье, на чай, на кофе, на сахаръ, на наемъ квартиры въ городѣ, на балы... Да мало ли у насъ кой-какихъ расходовъ? На все нужно деньги, а онѣ съ неба намъ не валятся, надо выручать ихъ изъ того же хлѣба.

— Можно хотя и немного помочь нуждающимся, все имъ будетъ жить полегче.

— Тогда придется сокращать наши расходы. И безъ того-то мы живемъ противъ другихъ очень скромно, а какъ и въ этомъ-то будемъ себѣ отказывать, то намъ придется жить совсѣмъ бѣдняками. Ну и глупости же ты, Саша, говоришь.

— Ничего, мама, не глупости. Если мужики ужъ больно обѣднѣютъ, то они съ голоду будутъ умирать, а это съ нашей стороны къ нимъ очень несправедливо; да и лишаться крѣпостныхъ, которые полезны намъ своимъ трудомъ, не въ нашихъ интересахъ.

— Никакъ ужъ я, Саша, отъ тебя не ожидала, что

ты такая серьезная стала,—удивилась мать,—ты толкуешь какъ настоящій философъ. Я совсѣмъ не понимаю, гдѣ ты этого набралась; но ты судишь людей по книжкамъ, а не по жизни. Если вотъ, напримѣръ, помочь въ нуждѣ одной семьѣ моихъ людей, то изобидишь другихъ: многіе изъ нихъ въ чемъ нибудь да нуждаются, и своею помощью только еще болѣе возстановишь ихъ противъ себя; а помочь всѣмъ бѣднякамъ—я не въ состоянїи: у меня не хватитъ на то средствъ. Да и помощь не можетъ принести имъ большой пользы: если разъ помочь хозяину семьи, то онъ уже не станетъ справляться съ нуждой собственными силами, а будетъ ладѣться на господское добро. Тогда разведешь еще больше лѣнтяевъ.

— Но у нихъ вѣдь случаются несчастія, которыя зависятъ не отъ нихъ самихъ, напримѣръ, неурожай, пожаръ, смерть работника семьи и другія; вотъ въ этихъ-то случаяхъ ужъ вполне необходимо помочь имъ. Поэтому, мама, я удивляюсь, почему ты по любви не даешь имъ жениться и выходить замужъ?

— Если только разрѣшить имъ это, то многіе некрасивыя дѣвки останутся незамужними; а старыя дѣвки немного пользы приносятъ: имъ чередъ прокормить себя; да и за бѣднаго некрасиваго парня не всякая пойдетъ замужъ; бобыли же для меня тоже не народъ—онъ самый пустой.

— Все-таки я не понимаю, какъ это они живутъ съ нелюбимымъ человѣкомъ? Миѣ такъ—ни за что бы не жить!

— Люди при совмѣстной жизни привыкаютъ другъ къ другу, такъ что потомъ изъ враговъ дѣлаются друзьями. Затѣмъ, крѣпостные не настолько развиты, чтобы понимать любовь; не уродъ дѣвка и парень—вотъ и ка-

ра. Какую то у нихъ ты вздумала еще разбирать любовь.

— Должно-быть и у нихъ есть любовь.

Взять хоть для примѣра Ивана Селезня: былъ онъ женатъ почти силой на нелюбимой дѣвушкѣ и, не смотря, что съ нею жилъ онъ не одинъ годъ, не могъ къ ней привыкнуть, билъ ее иногда такъ, что на нее послѣ даже жалко было смотреть.

— Ну, это исключеніе: онъ такой дуракъ и былъ. Другіе живутъ и такъ свыкаются, что если который изъ нихъ умретъ, то другой горько по немъ плачетъ.

— Положимъ, тутъ плачутъ, я думаю, больше отъ того, что семья лишается работника, незамѣнимаго отца или матери, и по моему лучше было бы, если бы по любви разрѣшали имъ жениться и выходить замужъ: тогда было бы болѣе счастливыхъ людей.

И много ты, мама, причиняешь горя мужикамъ и бабамъ, наказывая ихъ иногда розгами... Фу, какая, гадость!

Въ тотъ день, когда я услышу, что сегодня была кому небудь норка, то весь день я бываю неспокойна и долго ночью не могу заснуть: думы, тяжелыя думы не позволяютъ мнѣ сомкнуть моихъ очей. „И безъ того-то тяжела ихъ жизнь, приходитъ мнѣ на умъ, полна разныхъ невзгодъ, лишена всякихъ удовольствій, а тутъ еще наказываютъ ихъ тѣлесно!“ Развѣ это справедливо?

Какъ я разсудкомъ ни привожу доводы въ пользу наказанія розгами, но въ дупѣ не могу помириться съ ними. Я сама не знаю почему, несчастье, горе, нужда нашихъ людей, больно отражаются на моемъ сердцѣ: я дѣлаюсь безпокойной, ровно я въ чемъ виновата, и какъ-будто горе другихъ мое собственное горе.

— Ты, милочка, слишкомъ много читаешь чувстви-

тельных книгъ, потому сдѣлалась очень впечатлительна. что вредно для здоровья. Тебѣ слѣдуетъ больше гулять, поменьше задумываться и смотрѣть на жизнь съ практической точки зрѣнія. Иначе, со своими идеальными взглядами ты сама насидишься голодомъ.

— Нѣтъ, мама,—нервно съ чувствомъ сказала дочь.— при этой жизни я никогда не могу быть покойна: для меня тяжелъ и горекъ хлѣбъ, добытый слезами другихъ. Если мы отъ крѣпостныхъ получаемъ все необходимое для нашего существованія—хлѣбъ, одежду, жилище и прочее, то мы и должны заботиться о нихъ, чтобы смягчать ихъ горе, помогать имъ въ нуждѣ, устраивать ихъ жизнь какъ лучше и приносить имъ радости взаменъ получаемого отъ нихъ. Только при такой жизни я была бы счастлива и покойна: а теперь моя жизнь, обставленная всею удобствами, всею удовольствіями, при одномъ только воспоминаніи, что все эти удовольствія, все эти радости, безъ которыхъ мы могли обойтись, основаны на несчастіи другихъ—дѣлается даже противною!..

Нѣтъ, что ты ни говори, а нехороша наша жизнь, слѣдовало бы ее перемѣнить и жить своими трудами и тою пользою, которою мы своимъ умомъ, знаніемъ приносили бы народу.

Меня еще сильно возмущаетъ вотъ что: что бы мы сами не сдѣлали въ отношеніи крѣпостныхъ—мы правы, потому что они безотвѣтны, а между тѣмъ, чуть они позволяютъ себѣ малѣйшую неосторожность высказать намъ нашу неправду, мы считаемъ себя оскорбленными и спѣшимъ наказать ихъ за правду, чѣмъ и приучаемъ ихъ постоянно лѣстить намъ, врать; ни съ однимъ изъ нихъ по душѣ не поговоримъ: онъ боится, чтобы за правду ему чего-нибудь не было, поэтому и говоритъ только то, что должно нравиться намъ.

Если слово ихъ или поступокъ придется намъ не по вкусу, мы большею частью находимъ даже лишнимъ позволять имъ приносить оправданіе, гдѣ бы ихъ вина представилась, можетъ-быть, совѣтъ не виною, или не такъ бы велика, а мы тотчасъ же спѣшимъ, не разсуждая, наказать ихъ, потому что это право въ нашихъ рукахъ и мы во время и не то время его примѣняемъ, и своею поспѣшностью иногда приносимъ своимъ людямъ большее горе... Мама, по душѣ говорю я тебѣ: не могу я помириться съ крѣпостнымъ правомъ!

— Ты думаешь, милая моя, какъ я заключила изъ твоихъ словъ: что я ни дѣлаю, все считаю вправѣ и ни въ чемъ не раскаиваюсь? Горько ты ошибаешься, моя дорогая.

Это право надъ моими крѣпостными, если бы ты знала, охъ, какъ тяжело иногда ложится на мою душу, что временемъ, кажется, отступилась бы отъ него!—то повѣрила и посочувствовала бы мнѣ.

Въ минуты гнѣва, когда своимъ упрямымъ поведеніемъ крѣпостные выведутъ меня изъ терпѣнія, то задрѣтее „я“—помѣщицы, вспыхиваетъ злобой!

„Они, мои рабы, которые должны безусловно подчиняться мнѣ, какъ своей госпожѣ, подумаешь про себя, еще оскорбляютъ меня словами и не слушаются меня! Тогда я покажу имъ свое право!...“ И за пустое, нанесенное мнѣ оскорбленіе, мужику или бабѣ влетаетъ жестокая порка.

Когда я успокоюсь, то одумаюсь, взвѣшу все, и часто приду къ тому заключенію: наказала я неповиннаго человѣка! Извиниться же передъ нимъ, чтобы сложить съ души своей часть тягости и смягчить озлобленное сердце наказаннаго, мнѣ, какъ госпожѣ, не подобаетъ. Вотъ эти-то несправедливости, которыя проис-

ходить отъ того, что для моей воли нѣтъ вожжей, чтобы по временамъ, когда она будетъ зарываться, останавливать ее, такъ какъ въ минуты гнѣва теряется рассудокъ,— всю жизнь гнетутъ меня и гложутъ мое сердце, такъ что иногда не рада своей жизни.

Если бы я въ минуту гнѣва совладала бы съ собой, разспросила бы крѣпостного, почему онъ не можетъ исполнить мою волю, поставила бы себя на его мѣсто, то во многихъ случаяхъ я пришла бы къ тому убѣжденію, что на его бы мѣстѣ я поступила точно также, поэтому онъ со своей стороны правъ и мнѣ оскорбляться совѣмъ не зачѣмъ. Этого-то у меня часто не бываетъ, что я сама хорошо сознаю; но какъ ни даю себѣ слово сдерживаться во гнѣвѣ, а все-таки иногда не исполняю; за это впоследствии и расплачиваюсь укорами совѣсти и сердечнымъ своимъ раскаяніемъ, которое, какъ невылившееся наружу, ни мнѣ, ни назначенному пользы не приноситъ.

— Ну, мама, я никакъ не ожидала, что у тебя такое доброе сердце,—сказала дочь такъ, что отъ радости даже слезы на глазахъ навернулись.—И все думала, что сердце твое зачерствѣло въ этой обстановкѣ, но все-таки искра Божія не погасла въ твоей душѣ.

— Саша, Саша,—съ болью въ сердцѣ проговорила мать,—ты еще молода, неопытна, не жила самостоятельной жизнью, а все находилась подъ крылышкомъ матери, гдѣ тебѣ быть готовъ столъ и домъ, поэтому тебѣ легко разсуждать со стороны и порицать мои поступки. Если бы поставить на мое мѣсто и другого, даже тебя, то если бы ты обладала хотя бы и небольшою практичностью въ жизни и не носилась бы со своими мыльными пузырями—жить для блага другихъ, что больше говорится только на словахъ, а на дѣлѣ каждый заботится болѣе о себѣ, потому что всякому пріятнѣе

быть самому сытому и обутому, чѣмъ голодному и холодному смотрѣть какъ другіе вкусно ѣдятъ и прекрасно одѣваются,—то, я думаю, всѣ свои воздушные замки бросила бы въ сторону и принялась бы за ту жизнь, какой я живу.

Вѣдь ее не одна, а на моихъ рукахъ семья—трое дѣтей и неспособный къ труду мужъ,—и я, какъ мать, должна заботиться о своихъ дѣтяхъ: если я не позабочусь, то чужой и не подумаетъ. Я не могу, какъ дворянка, держать своихъ дѣтей такъ, какъ ихъ держатъ крѣпостные, потому что я имъ мать; не худа, а добра желаю своимъ дѣтямъ; да если чуть что будетъ плохое житье дѣтямъ, они возопиютъ на меня же: какая имъ я мать, что не забочусь о своихъ дѣтяхъ, содержу ихъ хуже дѣтей другихъ дворянъ и лишаю ихъ тѣмъ удовольствій, какими тѣ пользуются и кромѣ горя и нужды они отъ меня ничего не видятъ. Не спросятъ меня: откуда я должна взять на это деньги?

Для нихъ этотъ вопросъ никогда не приходитъ на умъ; а они только знаютъ, чтобы имъ было все приготовлено, до остального же имъ дѣла нѣтъ.

Ты сама видишь, что единственнымъ источникомъ пріобрѣтенія денегъ, у насъ являются мои крѣпостные, которые физическимъ своимъ трудомъ извлекаютъ изъ моего имущества деньги, необходимые жизненные продукты и матеріалъ для жилища.

Чѣмъ болѣе будетъ положено крѣпостными труда для меня, тѣмъ лучше будетъ благосостояніе моей семьи. Чѣмъ будутъ крѣпостные лѣнниве, упрямѣ, роскошнѣе въ жизни, тѣмъ хуже пойдетъ наша жизнь. Котораго изъ двухъ должна я помогать? Конечно, я думаю, перваго, потому что никто себѣ не врагъ.

И вотъ, для своихъ родныхъ дѣтей, я бываю иногда

жестока къ своимъ крѣпостнымъ... И ты, дитя мое, разсуди и взвѣсь все это, то не такъ строго будешь осуждать меня.

— Да, мама, во многомъ я теперь вѣрю тебѣ; но надо устроить жизнь такъ, чтобы всѣмъ, и намъ и крѣпостнымъ, жилось хорошо.

— Но этого добиться, милочка, довольно трудно. Лучше намъ не задумываться, не отравлять душевнаго спокойствія, оправдывать себя тѣмъ, что другіе не лучше насъ поступаютъ—тогда легче жить.

— Какъ ты, мама, хочешь, а я съ этими условіями жизни примириться не могу. И сама не рада, что приходятъ ко мнѣ такія мысли, которыя отравляютъ мою жизнь, но сама съ собою ничего не могу сдѣлать: онѣ невольно западаютъ въ мою душу... Но я вѣрю,—съ экстазомъ сказала Анна,—что придетъ время, оно и недалеко, когда люди поймутъ, что счастье каждаго зависитъ отъ счастья другого, когда всѣ люди назовутъ другъ друга братьями, будутъ истинными друзьями и въ несчастіи, будутъ смотрѣть на счастье другого какъ на свое собственное счастье и радоваться ему,—тогда настанетъ лучшая жизнь, гдѣ бѣдный не умретъ съ голоду, гдѣ общество осиротѣвшимъ дѣтямъ замѣнитъ отца и мать, гдѣ несчастный у другихъ найдетъ утѣшеніе, а больной душевнаго и тѣлеснаго врача, гдѣ совѣтъ у каждаго въ отношеніи другихъ будетъ чиста и гдѣ человекъ, умирая, скажетъ: было изъ-за чего жить и было съ кѣмъ, и пошлетъ обществу въ послѣднемъ своемъ вздохѣ сердечное спасибо.

Вотъ эта, твердая моя вѣра въ будущее, живить меня и является для меня ангеломъ утѣшителемъ въ моихъ сердечныхъ скорбяхъ!

IX.

Вся постройка въ деревнѣ Житѣевѣ очень хорошая. Второй домъ съ краю принадлежитъ Таганькѣ. Домъ у него большой, хотя не новый, но, какъ сдѣланный изъ толстаго лѣса, очень прочный, состоитъ изъ двухъ избъ: жилой—въ три и горницы въ два окна; каждая изба срублена отдѣльно и приставлены другъ къ другу. Домъ крытъ на два ската. Подъ окнами протянуть для сунки бѣлья длинный шестъ, а подъ нимъ изъ овечьяго клѣва выглядываютъ небольшія окошечки.

Къ дому примыкаетъ длинный обширный дворъ со зѣздомъ—пекато настланныя бревна, оканчивающіеся площадкой. Большія двухрастворныя ворота ведутъ на поветъ—верхняя часть двора; она служитъ складомъ для корма скота, хозяйственныхъ орудій и экипажей.

Кормъ спускаютъ въ прорубленную на полу дыру, другая же, ничѣмъ незагороженная дыра гдѣ-нибудь въ углу, служитъ отхожимъ мѣстомъ.

Въ заднемъ углу устроено помѣщеніе въ родѣ чулана, оно носитъ названіе сѣнника; въ немъ бабы хранятъ свои хозяйственныя принадлежности—муку, крупу, масло, посуду, а лѣтомъ молоко.

Съ повети по лѣстницѣ спускаются во дворъ—холодное помѣщеніе для скота. Въ немъ въ болѣе теплую погоду держатъ лошадей, а лѣтомъ весь скотъ, и складываютъ солому; изъ двора черезъ большія ворота выѣзжаютъ и выходятъ на улицу; другія ворота ведутъ въ теплый хлѣвъ, а третьи, небольшія, подъ домъ, въ овечьй и телячій хлѣвъ.

Въ избу входятъ съ улицы въ зѣздныя ворота. Отвора прямо съ повети дверь, гдѣ приходится сильно

нагибаться, попадаясь въ избу; не разгибая спины, проходя подъ полатями, нарами, до половины избы; здѣсь ужъ можно свободно распрямиться и осмотрѣть всю избу.

Изба просторная, сажень трехъ длины и трехъ ширины, вышиною сажени полуторы. Направо отъ дверей находится большая битая печка съ голбцемъ—деревянный съ дѣсенкой прирубъ. На голбцѣ, какъ и на полатяхъ, спать и отдыхаютъ вечеромъ: на немъ тепло и не такъ жарко какъ на печкѣ; въ голбцѣ противъ оконъ устроены двери, въ которыя спускаются къ овцамъ и телятамъ. Свободная часть отесаннаго бревна, соединяющаго полати съ голбцемъ, носить названіе—воронецъ.

Начиная отъ дверей и кончая шканикомъ около печки, идетъ длинная, широкая, приколоченная къ стѣнамъ лавка. Надъ нею, въ ростъ человѣка, отъ полатей проходить до посудника около печки полка, называемая полавонникомъ, куда кладутъ шапки, шарфы, кушаки и разные мелкіе инструменты, молотки, скобли и прочее. Около полатей, налѣво, устроена деревянная вѣшалка.

Въ переднемъ углу находится божница, деревянная съ углубленіемъ полка, на которой стоятъ три старинной живописи иконы—Спасителя, Божіей Матери и Николая Чудотворца.

Подъ божницей стоитъ длинный четырехугольный, красный, съ чернымъ кругомъ посрединѣ, массивный столъ съ точеными ножками; въ столѣ есть выдвижной ящикъ, куда кладутъ хлѣбъ, въ деревянной солоницѣ соль и ножики. Къ столу придвинута подвижная длинная скамейка.

Другой уголъ, противъ печки, называется кутьей. Въ ней устроена съ углубленіемъ полочка, куда бабы

кладуть свою женскую руководѣльную работу и хранятъ нитки и иголки.

Около печки, у голбца, висить на веревкѣ глиняный рукомойникъ, а подъ нимъ стоитъ широкая деревянная лохань.

Печка безъ трубы; надъ печкой около задней стѣны прорублена дыра, куда во время топки выходитъ дымъ; дыра закрывается выдвижной доской.

Потолокъ и стѣны, начиная отъ полки, прокопчены дымомъ; полъ грязенъ. Зимой же около середняго окна ставится свѣтецъ, въ которомъ горить по вечерамъ воткнутая березовая лучина.

Самъ хозяинъ этого дома, Таганька, уже пожилой, высокаго роста, прямой, съ длиннымъ носомъ и клиномъ бородой. Въ движеніяхъ его проглядывала, хотя неторопливость, но зато увѣренность; каждая его сила при работѣ была обдуманна, исполняла дѣло не спѣшно, а ровно, поэтому, не смотря, что при работѣ онъ не торопился и не суетился, она въ привычныхъ рукахъ его спорилась: у него безцѣльно не пропадало ни одно движеніе. При работѣ онъ былъ неутомимъ, какъ будто не знаетъ никакой усталости, и самъ не любилъ, чтобы другіе сидѣли безъ дѣла.

Семья его состояла изъ говоруньи жены маленькаго роста, изъ четырехъ взрослыхъ сыновей. Старшій Тишка нынѣшнею зимою былъ женатъ, Степкѣ уже шель двадцатый годъ, Виссарька былъ его двумя годами моложе, а Глѣбко съ Виссарькомъ одногодки, дочери же Машкѣ шель четырнадцатый годъ.

На завтрашній день ужъ съ вечера Таганька наряжалъ ребятъ на работу, которой имъ хватало на цѣлый день. Вся семья его слушалась: что онъ ни скажетъ, все исполнялось безпрекословно.

Деревня Житьево привольная: въ ней много пахотной земли, которая находится за огородами, много сѣнокосу и лѣсу. Сѣнокосъ тянется по рѣчкѣ Талицѣ, протекавшей близъ деревни, а потомъ по берегу рѣки Сити, при впаденіи въ нее Талицы. Строевой лѣсъ окружалъ поля. Сѣнокосу все прибавляли и прибавляли: мягкихъ мѣстъ подъ лѣсомъ было много, есть изъ чего подъ сѣнокосъ выбирать удобные мѣста, да и кто сколько расчистилъ себѣ сѣнокоса, то тотъ тѣмъ и владѣлъ.

Работниковъ въ семьѣ Таганьки было довольно, народъ все здоровый, нелѣнивый, то сѣнокосовъ ими раздѣлено очень много. Лѣтомъ у нихъ работа спорилась, сѣна они выставляли довольно и обходились на работѣ своей семьей. Сѣно складывали больше въ сѣновалы, а если гдѣ накапывалось мало, а до сѣновала далеко, въ стога—большіе конусообразные съ коломъ посрединѣ конны, и въ проймы—вродѣ длиннаго узкаго дома, крытого на два ската. Проймы дѣлали различной величины, начиная отъ одного воза и болѣе.

Проймы кладутся обыкновенно такъ: втыкаютъ въ рядъ колья, одинъ отъ другого на разстояніи около сажени, настилаютъ около нихъ хворосту и прутьевъ, чтобы сѣно не подмокло, и кладутъ сѣно, туго набивая средину и наблюдая, чтобы при кладѣ сѣна всегда середина была выше, отчего и вода не проникаетъ въ средину, а скатывается. Когда верхъ выведутъ крышей, то пройму очешутъ граблями—и она готова.

Для складыванія сѣна въ проймы, надо своего рода умѣніе, и не всѣ крестьяне одинаково искусно кладутъ ихъ: у однихъ—не смотря на проливные дожди, не промокаетъ даже охабки сѣна, тогда какъ у другихъ промачиваетъ треть проймы.

Имѣя много сѣна, Таганька держалъ трехъ лоша-

дей, девяти коровъ, шестнадцати овецъ и нѣсколько телятъ. Нахотной земли у него было довольно, удобрялъ ее онъ хорошо, обрабатывалъ старательно, то у него хлѣба сrostало много: одной ржи болѣе двадцати четвертей; овса хватало не только для своихъ лошадей, но даже порядочный остатокъ продавался; круглый годъ ячменные и пшеничные пироги не переводились, а льна вырабатывали каждую осень пудовъ по восьми, продавая отъ четырехъ до семи рублей за пудъ.

Вся семья одѣвалась въ холстинную одежду; но холстина у нихъ была потоньше и одежда почище чѣмъ у чернухинскихъ мужиковъ.

Таганьки былъ расчетливый мужикъ: онъ цѣнилъ каждую копѣйку, добытую своимъ трудомъ и берегъ ее. Да много денегъ и расходовать ему было некуда: уплатилъ онъ барину пятнадцать рублей подушныхъ—вотъ и весь его главный денежный расходъ. Остальное же все, необходимое для пропитанія семьи—хлѣбъ, мясо, молоко, масло, яйца, крупа и проч., у него свое, добыто самими же; холстъ для одежды ткали бабы изъ напряденныхъ самими же нитокъ; бѣлье шили сами, а верхнюю одежду портной-швецъ на дому у Таганьки, получая копѣекъ десять, пятнадцать въ день; дрова неопушныя и огонь тоже, добывался посредствомъ кремня и трута. На ногахъ носили лапти, уплачивая за нихъ по двѣ копѣйки за пару, а нѣкоторые даже сами плели. О праздникахъ вина не покупали: варили пиво изъ своего же солоду и хмѣлю, пекли пшеничные пироги изъ домашней муки и угощали ими свою родню и сосѣдей.

При такомъ скромномъ образѣ жизни и при трудолюбіи всей семьи, у Таганьки даже водились деньги, которыя онъ тщательно спрятывалъ въ укромномъ, вѣдомомъ ему одному, мѣстечкѣ.

Баринъ деревни Житѣева жилъ далеко, въ другой

своей усадьбѣ, находившейся въ сосѣдней губерніи. Деревней Житьевымъ онъ управлялъ черезъ старосту Макара, мужика изъ этой же деревни.

Макаръ имѣлъ отъ барина полное уполномочіе надъ его крѣпостными; въ крайнихъ случаяхъ даже онъ могъ ихъ драть; но онъ не употреблялъ во зло своей власти, потому что самъ былъ такой же крѣпостной, баринъ могъ его изъ старосты во всякое время уволить, тогда онъ долженъ очутиться на мѣстѣ своего собрата, да онъ и побаивался своихъ односельчанъ. Онъ о каждомъ ихъ поступкѣ доносилъ барину, спрашивая его какъ ему поступить. Какое баринъ дѣлалъ распоряженіе или назначалъ провинившемуся наказаніе, староста выполнялъ въ точности. Все-таки его всё побаивались.

Староста собиралъ барину оброкъ деньгами, холстомъ, провизіей и возами отвозилъ ему. Оброкъ былъ необременительный, а мужики пользовались всеми богатѣйшими барина угодьями, болѣе двухъ тысячъ десятинъ пашни, сѣнокосу и строевого лѣсу, то они жили очень исправно, ни въ чемъ не нуждались, всё имѣли прекрасное хозяйство и хороніе дома.

Особеннаго тяготѣнія надъ собою крѣпостного права, мужики не чувствовали. Баринъ бывалъ у нихъ и въ пять-то лѣтъ одинъ разъ, относился къ нимъ хорошо, въ семейную ихъ жизнь, хотя его во всемъ спрашивались, не ввязывался; какъ хотѣли такъ они и жили, на комъ вздумали, на томъ и женились. За важные же поступки онъ ихъ не миловалъ—приказывалъ драть. Но порка у него очень рѣдко примѣнялась.

— Къ пріѣзду барина крѣпостные готовились нѣсколько дней: чистили, выметали улицу, мыли въ домахъ полъ и стѣны.

Баринъ посѣтилъ каждую избу; при его входѣ всё

вставали; хозяинъ его встрѣчалъ съ хлѣбомъ и съ солью. Баринъ разспрашивалъ о житьѣ-бытьѣ каждаго хозяина; всѣ благодарили его за тѣ милости, какія онъ имъ даровалъ.

Хотя жизнь житьевскихъ крѣпостныхъ, сравнительно съ другими, была хороша, но все-таки для полнаго благополучія у нихъ чего-то не хватало. Всего же чувствительнѣе для крѣпостныхъ было то, что надъ ними есть баринъ, который, какъ хочетъ, такъ и можетъ ими распорядиться; сами собою они ничего для себя не могутъ сдѣлать—во всемъ должны поступать такъ, какъ пожелаетъ баринъ; любого изъ нихъ онъ можетъ потребовать къ себѣ въ дворню—and пропай тогда редимал сторонушка и остатки свободы.

Еще хорошо, что у нихъ добрый баринъ, худо не пожелаетъ имъ, но перейди его имѣніе къ другому злому барину, то очъ, для своей выгоды, вытянетъ изъ нихъ послѣдніе соки.

Такъ. до этого у нихъ былъ, такой баринъ, что какъ провѣдаетъ онъ, что у кого есть денешки, то сына или дочь его потребуетъ къ себѣ въ дворню, зная, что отецъ нипочемъ ихъ не отпуститъ.

Отцу, конечно, жалко отпустить своего сына или дочь въ дворню, гдѣ молодежь сильно баловалась, беретъ добытые потомъ и кровью рублей пятьдесятъ и тащется пѣшкомъ къ барину, жившему отъ него за шестьсотъ берестъ.

Мужикъ на колѣняхъ умоляетъ барина не губить его сына или дочь, проситъ пожалѣть его и говорить, что сколько скопилъ своимъ трудомъ денегъ, всѣ ихъ прекесъ, гозими ихъ, только, ради Христа, не отымай отъ него дѣтине.

Баринъ сначала ломается и словъ не подпускаетъ,

а потомъ смилуется: возьметъ деньги, и дѣтище у отца не потревожитъ.

Въ прѣздъ же этого барина въ деревню, дѣвки отъ него спрятавались даже по овинамъ и жили тамъ сутки по двой, боясь показаться барину на глаза, чтобы онъ къ себѣ ихъ не увезъ.

Когда же отъ барина приходило въ деревню письмо и слышаютъ про это крѣпостные, у всѣхъ даже сердце упадетъ. „Не меня ли баринъ къ себѣ требуетъ, или, не мое ли дѣтище онъ къ себѣ зоветъ,“ думаетъ каждый изъ нихъ. Бабы, ничего не видя, даже ревѣли.

Староста прочитывалъ письмо и разъяснялъ, что на этотъ разъ баринъ совсѣмъ никого не требуетъ и передавалъ имъ его распоряженіе—то мужики и бабы не знали какъ благодарить Господа Бога, что онъ отвелъ отъ нихъ тучу.

Житѣевскіе крѣпостные дорожили своимъ теперешнимъ бариномъ: они боялись, чтобы опять не перейти имъ къ худому барину.

Х.

Весна. Снѣгъ сошелъ съ полей. Земля оттаяла.

Таганька поправляетъ въ полѣ огородъ. Съ котомкой за плечами подошелъ къ нему сѣдой старикъ.

— Богъ на помощь,—привѣтствовалъ старикъ.

— Спасибо,—отвѣчалъ Таганька.—Откуда тебя Богъ несетъ?

— Ходилъ вотъ помолится въ Соснинъ монастырь.

— Доброе дѣло. Ноги попристалъ?

— Да, есть немножко; идти-то больно водяно: мѣстами бредешь по колѣно въ водѣ, ноги никогда не просыхаютъ.

— Сядь, посиди на этой лужайкѣ, хоть немного отдохнешь. И вотъ сейчасъ догорожу, то пойдемъ ко мнѣ: я тебя покормлю, чѣмъ Богъ пошлетъ.

— Спасибо тебѣ.

— Далеко ли тебѣ, дѣдко, еще идти до дому-то?

— Близко къ двумъ стамя верстамъ будетъ.

— Ого, еще добрую путину тебѣ надо сломать. Ты самъ-то крѣпостной?

— Крѣпостной, родимый, крѣпостной.

— Кто у тебя дома-то есть?

— Никого. Живу я въ келейкѣ, работать не могу — старѣ стать, вѣдь мнѣ семьдесятъ годовъ съ пяткомъ стукнуло, легко это сказать. Хожу я больше по монастырямъ, да пробираюсь Христовымъ именемъ. Спасибо добрымъ людямъ: не оставляютъ меня, старика, не даютъ умереть съ голоду.

Да, — тяжело вздохнувъ, началъ старикъ, — жилъ я и не думалъ, что на старости лѣтъ мнѣ придется ходить съ сумой. Ничего вотъ не подѣлаешь — пришлось; на то видно воля божія. За грѣхъ, великій грѣхъ. Онъ наказываетъ меня грѣшника. Пондусъ вотъ по понедѣльникамъ, хожу по монастырямъ, замаливаю свой грѣхъ, и не знаю, могу ли его замолить.

— Какой же у тебя, дѣдко, такой великій грѣхъ?

— Вижу я, что ты мужикъ хорошій, линка не разболтаешь, что повѣдаютъ тебѣ добрые люди, то я тебѣ про свою жизнь расскажу отъ начала и до конца. Только смотри, что я тебѣ скажу, про то ты никому не говори. Какъ Богу, такъ и тебѣ повѣдаю про свой великій грѣхъ.

— Что ты — я вѣдь крещеный; буду развѣ губить я добраго человѣка, который ужъ одной ногой во гробъ смотреть. Да, пожалуй, еще изъ-за лишнихъ-то словъ и

волокиты себѣ наживень.

— Ну, слушай, когда.

— Ладно.

„Прежній нашъ баринъ Николай Яковлевичъ, началъ старикъ, дай ему, Богъ, царство небесное, да душа спасти, былъ для насъ баринъ добрый, не избѣжалъ онъ крещеныхъ людей; владѣлъ онъ въ нашей мѣстности девятью стами дунѣ, а въ другихъ губеніяхъ—что-то больно много, а сколько, я ужъ не могу тебѣ сказать, вратъ же не буду. Самъ онъ былъ генералъ, служилъ, получалъ жалованіе большое, деньги ему сыпались какъ горохъ, такъ что дѣвать ихъ ему было некуда.

Жилъ онъ больше въ Питерѣ. Наше имѣніе находилось отъ него далеко, совсѣмъ въ глуши, то онъ къ намъ никогда не ѣздилъ, мы его знали только по слухамъ, что у насъ есть баринъ Николай Яковлевичъ, которому надо приготовить иодати, шесть рублей—и дѣлу конецъ.

Самъ я жилъ уже своимъ домкомъ, исправно, семья меня не осиливала, у меня были два парня да дочь, то никакой нужды за этимъ бариномъ я не видалъ.

Случись же грѣхъ такой: возьми баринъ, да и помри. Ребятъ онъ послѣ себя не оставилъ, и наслѣдниками явились его племянники, которыхъ набралось что-то очень много.

Племянники подѣлили, порастащили его имѣніе, а часть просудили, имъ и досталось по малу. Съ умомъ бы имъ все-таки можно жить: люди и къ колышку прививаются, не только къ такимъ имѣніямъ, какія они получили. Племянники-то все уродились какіе-то „неудашные.“ Они подумали, что имъ наслѣдства не прожить, и стали жить роехожо, кутить направо, и

имѣнія свои скоро за безцѣнокъ поразмотали.

Нашу деревню и двѣ сосѣднія купила барыня Губина, выстроила при нашей деревнѣ усадьбу, и давай изъ насъ выжимать соки.

Барыня только не могла вдругъ лишить насъ жизни, а постепенно она сколько угодно могла изводить насъ. И своимъ правомъ она пользовалась, что хуже не надо.

Каждый день изъ конюшни раздавался самый отчаянные крики: то пороли нашего брата за каждый пустякъ. Барыня сама тутъ находилась и ровно драще ее подмывало, какъ-будто она имъ наслаждалась. „Поддай еще жару! неистово кричала она, пусть знаютъ они, окаянные, каково послушаться свой барыни!“ Самую бы ее надо пороть, а не насъ: советѣмъ замучила насъ она, проклятая, на работѣ. Да еще вдобавокъ дома-то бѣка худая была—хлѣбъ, вода да круيانка—то мы едва вочили ноги.

Мой старшій Гришка, былъ бойкій парень. Какъ-то его барыня советѣмъ напрасно выдрала. Гришка послѣ порки вскочилъ на ноги: да какъ дастъ барынѣ сторяча со всего размаху и усердія затренину по уху—она какъ свою покатила!

Послѣ этого моего Гришку снова повалили: едва съ нимъ справились шесть мужиковъ—онъ былъ дюжій парень. Сѣли на него четверо мужиковъ: двое на ноги, двое на плечи, и два мужика давай его хлестать. Все тѣло его исполосовали. Какъ ни крѣпокъ былъ мой Гришка, но изъ памяти его даже вышибло. Замертво его притащили домой. Я все думалъ, что мой Гришка отдастъ Богу душу; но ничего, Богъ помиловалъ—отлежался: больно ужъ онъ дюжъ былъ, а другому бы ни за что не вынести такого мученія.

Барыня этимъ не довольствовалась: она сдала его въ солдаты и тамъ убили его на войнѣ.

Остался у меня помощникомъ хилый Мишка, годовъ восемнадцать. Кое отъ худой пищи, кое отъ непосильной ему барской работы, мой парень сталъ все хирѣть и хирѣть, и наконецъ отдалъ онъ Богу душу.

Дѣвка же уменя стала на возрастѣ, она удалась у меня просто заглядѣніе. Все парни на нее засматривались. Посватался за нея старый, некрасивый, рябой, но богатый женихъ изъ другой деревни, уже выкупившійся на волю и далъ барынѣ за ея выкупъ триста пятьдесятъ рублей ассигнаціями—на наши деньги сто рублей... и мою дѣвку силой выдали за него замужъ. Но онъ недолго варадовался ей: черезъ полгода она ему, сонному, голову отрубила и сама ушла по дальней дорожкѣ, откуда уже нѣтъ возврата.

Стали жить мы вдвоемъ со старухой. Работники мы оба плохіе, у двоихъ работа не спорится—и начала донимать насъ нужда.

Барыня же совсѣмъ избѣленилась, подѣ старость стала еще хуже: должно быть она изъ ума совсѣмъ выжила. Нѣтъ отъ нея житія да и только, хоть полѣзай совсѣмъ въ петлю; не даромъ пословица говорить: чортъ бѣгалъ по бѣлу свѣту, да и тотъ удивился, что ни въ барскій ли дворъ онъ попалъ,—должно быть чортъ угадалъ на усадьбу нашей барыни. Чортъ даже удивлялся нашему житію—то, значить, легко ли намъ было все это переносить?

Какъ-то мы вчетверомъ молотили овесъ. Принла барыня и начала насъ ругать, что мы долго снимъ и лѣниво работаемъ. Между тѣмъ мы поднялись еще въ четвертомъ часу утра и, не покидая рукъ своихъ, бьемся съ другимъ посадомъ. Такое ужъ горе всѣхъ насъ

взяло: работай, работай на нее, а все ей еще неладно.

Ванька Глухой изладится... да какъ вмѣсто снопа хлестнетъ молотиломъ по барынѣ!.. и давай мы ее молотить вчетверы руки.

И сначала было не трогать ея, но какъ вспомнили своихъ ребятъ Гришку, Мишку и дѣвку, какъ она ихъ загубила и лишила меня ребятъ, то и давай ее вмѣстѣ съ другими въ очередь молотить, приговаривая: Вотъ тебѣ за Гришку, вотъ тебѣ за Мишку, вотъ тебѣ за дѣвку, вотъ и за себя!

Барыня подъ молотилами у насъ взмолилась, стала насъ просить отпустить душу на покаяніе, обѣщаясь всѣмъ намъ дать вольную. „Ты намъ не давала пощады, то и мы тебя не пожалѣемъ!“ кричалъ Ванька Глухой. Такъ барыню мы и добились.

Послѣ, когда ее доколотили, мы онамятовались и стали жалѣть, что мы загубили христіанскую душу, но уже барыни не воротить, а надо своего дѣла концы хоронить. Стали мы судить да рядить, какъ дѣлу быть; совсѣмъ потеряли головы, не знаемъ къ чему и приступить. Спасибо Ванькѣ Глухому: онъ началъ дѣло, да и надоумилъ насъ какъ его прикрыть.

„Вотъ что, ребята, сказали онѣ: смотрите, у насъ уговоръ такой, чтобы никому про это дѣло не заикаться. А чтобы не заподозрили, что это дѣло нашихъ рукъ, мы вотъ что сдѣлаемъ: своей Сашкѣ—его сестра, она ходила за барыней—я разкажу все, какъ дѣло было, и научу ее, чтобы она одѣвалась въ барынино платье и легла въ постель ея. Я поѣду за попомъ. Благо нашего пона дома нѣту, то я съѣзжу за кузовлевскимъ попомъ; хоть далеко за нимъ ѣхать, верстъ около сорока будетъ, но зато онъ нашей барыни не знаетъ. Я скажу ему, что наша барыня при смерти, сво-

его пона нѣтъ, то она просить исповѣдать ее. Пошъ прѣдетъ, исповѣдаетъ нашу Сашку, а на другой день барыню схоронить этотъ же пошъ. Теперя, пока мы барыню спрячемъ въ солому, ночью перенесемъ домой. утромъ ее приготовимъ, а на другой день и на погостъ: родныхъ у нея близко нѣтъ, то что ее долго квасить.“

Такъ мы и сдѣлали. Пошъ Сашку, сестру Глухого, исповѣдалъ, а черезъ день барыню похоронилъ, тѣмъ и дѣло кончилось.

Но все время, хотя уже прошло послѣ того, слишкомъ двадцать пять лѣтъ, мнѣ жаль загубленной христіанской души. Схоронивъ свою старуху, я вотъ все хожу по монастырямъ—замаливаю свой грѣхъ и не знаю, замолю ли его; а больно мнѣ не охота мучиться въ аду-то, въ вѣчномъ огнѣ жариться и не знать себѣ впереди никакого облегченія.

Вотъ высказать тебѣ—и отъ души немного поотлегло, а то все время грѣхъ камнемъ давилъ душу и не давалъ мнѣ покою въ теченіе столькихъ лѣтъ... Да и жить-то мнѣ осталось недолго—скоро однако помру: не два вѣка мнѣ жить; пожить, погрѣшилъ—и довольно. Дай мнѣ, Господи, только христіанскую кончину, да прости мои великія прегрѣшенія—не дай мнѣ и тамъ страдать.

— Богъ милостивъ,—утѣшалъ Таганька,—ты покайся во грѣхѣ, Онъ тебя престетъ.

— Да, ужъ остается одна надежда на Его милосердіе. А то грѣшникъ я, великій грѣшникъ! На этомъ то свѣтѣ я мучился, да еще какъ и на томъ то еще придется страдать. Вѣдь говорятъ, что одинъ два вѣка царствуетъ—и на землѣ, и на небѣ, а другой—ни одного, такъ вся жизнь моя, здѣсь и тамъ, пройдетъ въ однихъ мученіяхъ.

— Не нужно отчаиваться—это большой грѣхъ,—успокаивать Таганька,—а нужно въ минуты трудныя призывать милосерднаго Бога: Онъ поможетъ пережить это тяжелое время и, видя наше искреннее раскаяніе, проститъ намъ во грѣхахъ.

Спаситель въ горѣ не отталкиваетъ насъ, а съ любовью призываетъ къ себѣ: „Придите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи и Азъ успокою вы: возмите иго Мое на себе и научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ: и обрящите покой душамъ вашимъ: иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть.“ Онъ не допускаетъ, чтобы согрѣшившій человѣкъ отъ отчаянія погибъ; а cadaго призываетъ къ себѣ, чтобы онъ перемѣнился къ лучшему, исправилъ свои грѣхи и сталъ хорошимъ человѣкомъ. Вѣдь духъ только бодръ, а плоть немощна: но у насъ по временамъ духъ спитъ, плоть же бодрствуетъ, почему мы и грѣшимъ. А отъ грѣха же мы должны избавляться поканіемъ, черезъ которое мы очищаемся и становимся другими, людьми. Безъ поканія и надежды на спасеніе отъ мученій за грѣхи, всѣ бы впали въ отчаяніе, и, разъ согрѣшивъ, стали бы еще болѣе грѣшить, отчего бы произошло въ мірѣ великое зло; этого-то зла и нужно избѣгать и всѣми мѣрами стараться, чтобы вездѣ было добро.

— И меня самого эта надежда, что Господь придеть на землю „взыскать и спасти погибшаго,“ утѣшаетъ. Онъ Самъ, Который въ рукахъ своихъ содержитъ весь міръ и всѣмъ управляетъ, на землѣ испыталъ всѣ невзгоды, всѣ мученія, какія только испытываетъ человѣкъ—и голодъ, и оплеваніе, и заушеніе, и наконецъ, вмѣстѣ съ разбойниками былъ распятъ на крестѣ, гдѣ еще надъ Нимъ насмѣхались,—то Онъ повѣритъ, каково на землѣ переносить людямъ несчастья

и разныя невзгоды, и если мы будемъ Его просить, то поможетъ намъ покаяться и загладить свои грѣхи.

— Мы вотъ этого не понимаемъ: иногда въ несчастіи ропщемъ на Бога, что иногда мы на землѣ такъ жестоко мучимся; роптать же на Бога великій грѣхъ. Надо Его всегда въ несчастіи призывать, чтобы Онъ далъ намъ силы перенести безъ ропота это несчастіе.

Мы, грѣшники, не всегда помнимъ Бога, иногда забываемъ его. Мы худо исполняемъ его заповѣди: лѣнивы ходить въ церковь, слушать слово Божіе; недѣлюто уработаемся, то иногда и не охота въ воскресенье или въ праздникъ тащиться къ службѣ въ церковь за десять верстъ—хочется дома отдохнуть; вечеромъ и утромъ мало молимся Богу; хоть въ посты и постные дни не ѣдимъ скоромнаго, но зато постной пици наѣдимся такъ, что едва выхитимъ, ссоримся съ другими, мало помогаемъ бѣднымъ, не посѣщаемъ больныхъ, не утѣшаемъ несчастныхъ, не прощаемъ обиды другимъ, завидуемъ счастью ближняго... И много у насъ другихъ грѣховъ; надо побольше молиться, чтобы Господь простилъ наши грѣхи.

— Молиться слѣдуетъ болѣе въ полночь,—говорилъ странникъ:—тогда Спаситель умеръ за насъ на крестѣ, почему и молитва болѣе доходить къ Богу; но рѣдко кто это исполняетъ... Охъ грѣхи наши тяжкіе! Мы больно привязаны къ мірской жизни, и не заботимся о своей душѣ. Что настоящая жизнь? Преходящая. Въ писаніи сказано: „Человѣкъ, яко трава, дніе его, яко цвѣтъ селный, тако отцвѣтетъ: яко духъ пройде въ немъ, и не будетъ, и не познаетъ ктому мѣста своего.“ Прелести міра смущаютъ насъ; гдѣ мы хотимъ сладко ѣсти, сладко пить, веселиться—тѣшится свое тѣло и убиваетъ душу. Всѣ невзгоды жизни смущаютъ насъ и мы въ жизни иногда приходимъ въ стчаяніе, такъ что

хоть налагай на себя руки, что великій грѣхъ: жизнь наша дана Богомъ и Онъ одинъ воленъ въ ней.

Прежде, какъ старики всегда памятовали о Богѣ, всегда призывали Его, то Онъ имъ и подавалъ и у нихъ было всего довольно, а нынче же, какъ люди стали малодушнѣе, всѣ обѣднѣли, унали духомъ и мячутся какъ овцы, неимущія пастыря, не зная за что и ухватиться. Богъ въ наказаніе послалъ на нихъ господъ и ожесточилъ ихъ сердце—вотъ православные и бѣдствуютъ.

До того помѣщиковъ-то было мало, вотчины у нихъ были большія, сами помѣщики служили, то въ деньгахъ они не нуждались, брали съ православныхъ по силамъ, такъ что имъ больно было легко жить.

Нынче помѣщиковъ расплодилось много; всѣ они пить и ѣсти, да и то сладко хотятъ, а въ головѣ-то у иныхъ вѣтеръ ходитъ, поэтому многіе и ѣдутъ въ деревню на даровые хлѣба: у мужика, молъ, шея крѣпкая, прокормить барина и его семью. Прогонятъ-ли изъ училища какого-либо барскаго сынка до потолка ростомъ, куда его дѣвать? Дай ему деревню, двѣ, три, у него явится даровая дворня, скотина, постройка и даровой крестьянскій трудъ. Сиди, или лежи и въ потолокъ поплеывай, да развѣ когда отъ скуки, сходи на конюшню посмотреть какъ мужику росписываютъ на спинѣ рѣки Россіи: тутъ найдется и Казанка, и Москва, и многоводная Волга и красавица Нева. Вишь, барину въ училищѣ географія-то не далась, то онъ ее и разучиваетъ на мужицкихъ спинахъ. Выгонятъ-ли кого со службы за пьянство, за лѣнь, за худые поступки—вали въ деревню. Попадетъ-ли забуддыга зять—дай дочери деревню, будетъ сыта. Однимъ словомъ, всѣ повалили въ деревню на даровые мужицкіе хлѣба.

Стонуть, мятутся бѣдные православные, имѣя на себѣ такую обузу, армію нахлѣбниковъ, которые сидятъ на ихъ шеѣ, да еще плеткой погоняютъ; а они, несчастные, изо всей-то силы моченьки тащатъ ношу тяжелую, потъ такъ съ нихъ градомъ и катится, даже высунули свой языкъ отъ усталости и ироклинаютъ свою судьбинушку.

Не по силамъ стала православнымъ ноша тяжелая, озлобились ихъ сердца темныя, да не могутъ уразумѣть они какъ облегчиться имъ отъ ноши тяжелой, и всю злобу свою льютъ на господъ своихъ, а тѣ въ наказаніе—еще надбавляютъ къ ношѣ и безъ того уже тяжелой.

Возстонала еси мать-сыра земля, возронтала Русь-матушка на житіе бытіе свое горе-горькое, что не стало житія православнымъ на свѣтѣ божіемъ.

Запумѣла туча черная и понеслась она страшной погодункой, разрушить все хотѣла, неразумная, на вредъ всему и себѣ не на пользу.

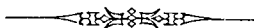
Упали сердца у православныхъ—закрестились они набожно и взмолили Спаса милостиваго: пронеси Ты мимо погодунку, дай намъ часта-дождичка, чтобы напоить онъ землю-матушку, изсохшую отъ зноя и холода.

Туча идетъ, надвигается, божій свѣтъ закрываетъ отъ добрыхъ людей, блистаютъ часто молніи, разсѣкая тьму кромѣнную; стоитъ стонъ и гулъ въ отдаленіи и замерло все живущее, ожидая себѣ погодунки... Что-то будетъ отъ нея, страшная, не разрушила бы она все живущее!...

„Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ и призови съ нами божіе благословеніе на твой свободный трудъ.

залогъ домашняго благополучія и
блага общественнаго....“

Раздались слова Царя-Освободителя.... И туча
разстѣлась, полилась тихимъ, частымъ, мелкимъ до-
ждичкомъ, напоила землю-матушку, и возрадовалось
все живущее.

Н А В О Л Ъ

П О В Ъ С Т Ъ

Часть вторая.

I.

Какъ муравьи, мужики, бабы, ребята, дѣвки, старуки, старухи и малые ребятишки стекались 8 марта 1861 года къ своей Кузьминской приходской церкви.

Они уже слышали, что всѣхъ крѣпостныхъ выпускаютъ на волю, но это многимъ не вѣрилось: они даже не могли себѣ представить, чтобы они—вдругъ, стали свободны. Теперь, всѣ были въ ожиданіи, что-то объявятъ въ церкви?

„Неужели всѣ наши надежды на свободу останутся тщетными?“ думалось многимъ... „Охъ, Господи, не допусти этого, въ души молились они, а дай Ты намъ волю.“

По дорогѣ идетъ Таганька, а съ нимъ дѣдъ Опухонецъ и разговариваютъ между собою:

— Вотъ мы, дѣдко, до чего съ тобой дожили,—сказалъ Таганька,—что мы стали свободны.

— Да правда ли это?—отвѣчалъ Опухонецъ.—Мнѣ такъ что-то не вѣрится.

— Ну, вотъ, чего не вѣришь? Всѣ толкуютъ. И отъ начальства было распоряженіе, чтобы сегодня десятскіе весь народъ собирали въ церковь, гдѣ будетъ объявлена воля, помолиться за Батюшку-Царя.

— Дай, Богъ, чтобы это случилось: хоть я немножко пожить бы на волѣ,—ну, тогда бы спокойно и умеръ... Только, не обманываютъ ли насъ: что-то мнѣ все не вѣрится. Шуточное ли это дѣло: наши старики были крѣпостные, мы тоже, а тутъ—вдругъ, свободны. Это что-то ужъ больно диковинно.

— Кому-то какая корысть обманывать насъ, что мы теперь свободны. Какъ ранѣе этого не было, то про волю даже не давали никому никуда: чуть кто заговорить про нее, то и влетала ему славная порка,—а теперь само начальство про то говорить, да и намъ не запрещаетъ.

Таганька и Опухонецъ подошли къ церкви. Колоколь звонко гудѣлъ, призывая всѣхъ къ обѣднѣ. При тихой погодѣ звукъ далеко разносился кругомъ. Солнышко выглядывало на ясномъ небѣ и пригрѣвало всѣхъ. Люди, давно не видавшие солнышка, радовались ему, какъ дорогому гостю. Въ воздухѣ пахло весной, онъ былъ какой-то мягкій; при дыханіи его чувствовалось въ груди пріятное ощущеніе.

Въ церкви было много народу и въ нее все прибывали и прибывали богомольцы, такъ что въ началѣ обѣдни въ ней трудно было даже пошевелиться.

Всю обѣдню богомольцы съ нетерпѣніемъ ожидали, что-то имъ объявятъ о волѣ. Вѣрилось и не вѣрилось имъ, что будетъ воля. Сердца ихъ учащенно бились. Всѣ набожно молились и просили Господа Бога, чтобы оправдались ихъ надежды.

Наконецъ, послѣ обѣдни вышелъ изъ алтаря священникъ. Въ церкви настала гробовая тишина—напряженіе всѣхъ дошло до послѣдней крайности.

Священникъ громко, ясно, не торопясь, объявилъ мірянамъ волю Царя-Освободителя.

„И теперь, сказалъ онъ, кончивъ чтеніе манифеста, возблагодаримъ Создателя за посланное намъ добро и помолимся за Батюшку-Царя.“

Въ церкви раздался дружный, громкій вздохъ, въ первый разъ въ жизни свободно вылившійся изъ грудей нѣсколькихъ тысячъ людей. Отъ избытка чувствъ, у бабъ, у старухъ, у стариковъ, у дѣвокъ ручьемъ полились слезы, и даже у крѣпкихъ, здоровыхъ, закаленныхъ мужиковъ и ребятъ выступили изъ глазъ слезы умиленія и потекли по грубымъ чертамъ лицъ ихъ... и всѣ, ровно по мановенію руки, пали на колѣни, возблагодарили Создателя за посланное добро отъ души просили Его, чтобы Онъ излилъ всѣ милости на Батюшку-Царя, даровавшаго имъ свободу...

Поистинѣ—трогательна была картина!

Послѣ молебна міряне, оживленно между собою разговаривая, съ радостью возвратились домой.

II.

Постояннова могла жить своей усадьбой только тогда, когда на нее безлатно работали крѣпостные; не стало даровыхъ работниковъ—немыслимо по найму существовать такой усадьбой.

Все это она хорошо взяла и рѣшила за лучшее—совсѣмъ переселиться въ городъ. Больше же всего ее заставляло спѣшить къ отъѣзду то, что многимъ крѣпостнымъ она насолила и теперь немало изъ нихъ на свободѣ будетъ ей враговъ, которые, нестѣсняемые ничѣмъ, станутъ ей мстить на каждомъ шагу.

Она все имѣніе стала отправлять въ городъ. Лининее тамъ продала; оставила для себя только необходимое.

Вотъ поданы ей самой съ семьей лошади, чтобы

выѣзжать изъ имѣнія, въ которомъ она провела всю свою жизнь и воспитала дѣтей.

Ей жаль было покидать свое родное гнѣздо и разставаться съ покойной, сытой жизнью. Сердце ея щемила какая-то тоска и какое-то темное предчувствіе, какъ она будетъ жить новой жизнью?

Она уѣзжала отъ своего собственнаго дому, саду, отъ полей, луговъ и лѣсовъ, съ которыми она какъ-будто сроднилась—они были близки ея сердцу.

Дочери навзрыдь плакали. Имъ было не только жаль дома, гдѣ они родились и выросли, сада, полей, луговъ и лѣсовъ, гдѣ онѣ большую часть года весело, безопасно проводили время, но даже и своихъ дворовыхъ людей, съ которыми больше всего имъ приходилось имѣть общенія и отъ которыхъ онѣ видѣли въ жизни много и хорошаго.

На проводины барыни собрались всѣ ея бывшіе крѣпостные. Барыня вышла къ нимъ на крыльцо и сказала:

— Вотъ, я уѣзжаю. Теперь вы останитесь одни и будете жить по своему. Какъ ни какъ, а я въ дунѣ считаю васъ своими людьми. Владѣя вами, я, можетъ-быть, многимъ надосадила, а разстаться врагами съ вами—я не хочу. Въ чемъ я передъ кѣмъ была несправедлива, то прошу меня простить.

— Тебѣ ли, барыня, просить у насъ прощенія,—отвѣчали крѣпостные,—а намъ слѣдуетъ: и мы передъ тобой бывали виноваты, то ты насъ прости.

— Я ни на кого изъ васъ зла не оставляю и была бы очень рада, если бы и никто на меня не сердился.

Вамъ отвѣдутъ надѣлы, десятины по шести на душу. Если вамъ будетъ недостаточно этой земли, обратитесь ко мнѣ, и я вамъ, какъ своимъ людямъ, свою зем-

лю незадорого уступлю. Деньги я вамъ разерочу—поне-
многу вы ихъ мнѣ выплатите.

— Благодаримъ, барыня, на добромъ словѣ,—кланя-
ясь въ поясъ, говорили мужики и бабы.—Не оставь ты
насъ, если придетъ такая нужда.

— Ну, теперь съ Богомъ мы можемъ отправлять-
ся,—обратилась къ своимъ барыня.

Вся семья вошла въ домъ. По русскому обычаю
все сѣли, встали, помолились Богу и стали прощаться.

Барышни обнимали своихъ дворовыхъ дѣвушекъ,
цѣловали ихъ и плакали.

Тѣмъ тоже было жалко барышень—онѣ видѣли отъ
нихъ много и добра—и дѣвки, прощаясь, ревѣли, за
ними вторили бабы. Мужики съ сожалѣніемъ смотрѣли
на отъѣздъ барыни и ея семьи: имъ надо бы радовать-
ся ихъ отъѣзду, но они къ нимъ привыкли; имъ гос-
подь было жалко, ровно они теряли что-то для нихъ
близкое; они вмѣстѣ съ барыней провожали свою преж-
нюю крѣпостную жизнь съ ея болѣе горькими воспо-
минаніями, а новой еще не вкусили и не знали какъ—
родной ли матерью, или злой мачихой она будетъ имъ?

Вотъ барыня со своей семьей, сопровождаемая сот-
скимъ, тронулась.

— Прощай барыня, прощайте, барышни-голубушки,—
раздавалось имъ въ слѣдъ.--Не поминайте насъ лихомъ,
Счастливаго вамъ пути.

— До свиданія,—отвѣчали тѣ.—Дай, Богъ, вамъ счаст-
ливо здѣсь жить,

— Ничего, братъ, теперь не то тебѣ будетъ, что
здѣсь,—раздались злобныхъ два три голоса.—Помучила,
поизъѣзжалась надъ нами, побарствовала, а тамъ ужъ
не придется такъ жить. Можетъ-быть, еще нужды,
горя и всего схватишь... Лиходѣйка проклятая!

— Полно вамъ это говорить, — останавливали ихъ другіе: вѣдь грѣшно: Богъ велѣлъ намъ прощать обиды своимъ врагамъ. Лучше ужъ разстаетя по хорошему, чтобы можно было встрѣтиться другъ съ другомъ. А что было, то прошло — этого времени ужъ не воротить.

Все по домамъ разошлись. Улица опустѣла.

Домъ барыни остался безъ всякаго присмотра на попеченіе своихъ же крѣпостныхъ. Они съ имуществомъ барыни распорядились по своему. Весь садъ безъ всякой надобности на дрова вырубилъ, между тѣмъ какъ и лѣсъ-то былъ отъ нихъ всего въ какихъ-нибудь саженьяхъ стахъ. Отъ всего сада уцѣлѣли только десятка два березъ. Стекла въ домѣ повыбили. Кто поидеть мимо дома, а особенно темною ночью, да вспомнить, какъ его барыня драла, возьметъ камень или полѣно... и пустить въ раму, такъ что не только стекла летѣли въ мелкія дребезги, но даже перечни у рамъ перешибались: это на рамахъ мужики вымещали свою злобу, а другіе это дѣлали такъ, ради разнообразія. Что возможно изъ дому перетаскали къ себѣ... и домъ барыни черезъ нѣсколько лѣтъ сталъ представлять совсѣмъ запустѣлый видъ: въ однихъ окнахъ не было стеколъ, въ другихъ рамахъ, тебѣ на крышѣ мѣстами съѣхалъ и оставилъ постѣ себя зіяющія черныя дыры.

III.

Бывшіе крѣпостные быстро освоились съ новымъ своимъ положеніемъ. Они попрежнему обрабатывали землю, добывая изъ нея хлѣбъ, сами готовяли себѣ одежду, строили себѣ тѣ же дома, справляли прежніе праздники, гдѣ варили пиво, — только произошла перемѣна въ ихъ управленіи. Но, занимаясь хлѣбопашествомъ, гдѣ приходится мало сталкиваться съ на-

частьствомъ, каждая деревня жила болѣе самостоятельною жизнью, и до интересовъ волостного, земскаго общественныхъ управленій, какъ находящихся въ началѣ развитія, у нихъ было совѣтъ мало.

Мы прослѣдимъ жизнь деревни Житьева, какъ небольшой, гдѣ картина ся несложна, но она почти будетъ картиной, хотя и не въ полномъ объемѣ, каждой нашей деревни; такъ что, разсмотрѣвъ жизнь этой деревни, начиная крѣпостнымъ правомъ и кончая настоящимъ временемъ, можно судить о жизни каждой деревни, жители которой главнымъ образомъ занимаются хлѣбопашествомъ.

Такъ какъ входить въ подробности жизни каждой семьи—совѣтъ не къ чему: жизнь одной крестьянской семьи есть образчикъ другой. то мы просмотримъ только жизнь семьи Таганьки, а въ связи съ него познакомимся и съ другими обитателями Житьева, а попутно и Чернухина, какъ сосѣдней деревни.

Кромѣ Житьева вблизи не было деревень, принадлежавшихъ ихъ барину, то деревня Житьево и составила самостоятельное Житьевское сельское общество.

На сельскомъ сходѣ, состоявшемъ изъ семи домохозяевъ этого общества, избрали изъ среды себя сельскаго старосту Таганьку, какъ болѣе толковаго мужика, и десятидворного выборного присутствовать на волостномъ сходѣ.

На волостномъ сходѣ, состоявшемъ изъ сельскихъ старостъ, выборныхъ отъ десяти домовъ, избрали старшину, къ нему кандидата, волостныхъ судей, сотскихъ, а впоследствии, лицъ для присутствованія на сѣздахъ, уполномоченныхъ всего уѣзда для выбора изъ среды себя земскихъ гласныхъ. Должность десятскихъ, какъ и прежде, исправляли, по очереди каждый домохозяинъ

своей деревни.

Волостное правленіе получило названіе по имени ихъ церкви—Кузьминское. Помѣщеніе подѣ него наняли въ верху крестьянск аго дома шесть оконъ по лицу, уплачивая за квартиру, отопленіе и за сторожа, которымъ быть самъ хозяинъ дома, сорокъ пять рублей въ годъ.

Сельскій староста служить бесплатно; его писарю давали семь рублей въ годъ; волостной старшина получалъ восемьдесятъ, а писарь девяносто шесть рублей въ годъ. Дороги исправляли натурой. Вотъ и все главныя волостныя и сельскіе расходы на мѣстное управленіе; а мелочныхъ же было совсѣмъ пустяки.

Каждому домохозяину отвели по числу ревизскихъ душъ надѣлы, каждый по шести десятинъ, гдѣ была пахотная земля, покось и лѣсъ. За каждый надѣлъ приходилось платить выкупныхъ платежей шесть рублей въ годъ, а другіе волостныя и земскіе расходы были очень незначительны—не существовало ни школы, ни лѣчебницъ, ни земскихъ станцій, стипендіатовъ и пенсіонеровъ и много другого, что нынѣ изъ года въ годъ расходуется и повышаетъ общую земскую смѣту, деньги на которую собираютъ болѣе съ тѣхъ же крестьянъ, то подать, платимая ими, была очень легка.

Между тѣмъ, пахотная земля хорошо родила хлѣбъ, недавно расчищенные луга давали много сѣна, строевой лѣсъ былъ за полями. И помѣщичьей землей, оставшейся за надѣломъ, мужики пользовались какъ своей, поэтому, пашни, сѣнокосу и лѣсу у нихъ было довольно.

Поля, луга и лѣса танулись тотчасъ же по за дворамъ и огородамъ. Деревни еще были небольшія; дома строили другъ возлѣ друга, почти безъ всякихъ разрывовъ; поэтому, сравнительно и порядочная дерев-

ня Чернухино, построченная крестомъ, занимала очень небольшое пространство, а про Житьево и говорить нечего: на саженьяхъ пятидесяти были расположены по одному порядку все ихъ семь домовъ. Такая скрученность построекъ угрожала деревнѣ опасностью въ пожарномъ отношеніи, но мужики берегли пахоту, да при небольшомъ растяженіи деревни, имъ ближе обработывать землю.

IV.

Другіе обитатели деревни Житьева были: Морозко—сосѣдъ Таганьки; его изба стояла на краю деревни; съ другого боку жилъ Паунька, рядомъ съ нимъ старикъ Тима, далѣе Ваганъ, потомъ Ратникъ и на другомъ краю Криночка. Все они, за исключеніемъ Тимы, были еще не старые и многосемейные.

Недолго спустя послѣ выхода изъ крѣпостного права, мужики собрались къ Таганькѣ и толкуютъ насчетъ писма, только что полученнаго отъ барина, гдѣ онъ предлагаетъ имъ двѣсти пятьдесятъ десятинъ земли, находящейся въ отдѣльномъ планѣ.

— Надо, ребята, купить у барина землю-то,—говоривъ Таганька,—вѣдь недорого онъ за нее проситъ: за пятнадцать десятинъ пашни, за пятнадцать покосу и за двѣсти двадцать десятинъ стрессаго лѣсу—всего-ка-всего двѣсти пятьдесятъ рублей; это выходитъ кругомъ рубль за десятину. Рубль денегъ не много, а десятина земли дастъ намъ добра не мало.

— Что намъ попусту платить и эти-то деньги,—сказалъ небольшого роста, сухощавый, съ черной, клиномъ, бородкой Морозко:—и безъ того-то мы всей этой земли пользуемся. Варинъ землю съ собой не утащить.

— Вѣстимо такъ,—отвѣтилъ Таганька,—что баринъ

земли съ собою не утратить, но вѣдь онъ можетъ другому землю-то продать, тогда мы съ однимъ надѣломъ недалеко подвинемся. Мы-то еще ничего, а ребята наши безъ купленной-то земли сѣрымъ волкомъ завоютъ: семьи все будутъ прибывать и прибывать, а надѣлы-то вѣдь не растянутся; какіе они есть, такими они и впередъ останутся; вдобавокъ еще будутъ плоше, потому что лишнее-то добро изъ нихъ мы повыведемъ. Какъ позаправимся земелькой-то, впередъ мы будемъ правики. Теперь же мы въ задатокъ барину внесемъ сто рублей, а они намъ по силамъ, остальной же долгъ исподовольно ему выплатимъ—онъ по годамъ разсрочить намъ деньги.

— Это такъ-то такъ,—проговорила Тима,—но только чтобы намъ деньги-то понапрасну не заплатить-бы: все слухи носятся, что будто землю отъ насъ отберутъ и насъ въ прежнее положеніе введутъ.

— Ты, дѣдко, не всякому слуху вѣрь,—возразилъ Таганька:—мало ли что болтаютъ добрые люди и все за правду принимать нельзя. Какъ мы купимъ землю-то, она и будетъ наша, мы хозяевами ея станемъ, а никто другой; съ земелькой-то мы и сами славно проживемъ свой вѣкъ-то. Если мы ее купимъ, самимъ намъ земли хватитъ и нашимъ ребятамъ довольно ее останется; они послѣ спасибо скажутъ намъ. Коли кому изъ насъ придется до старости, то, небось, ребята не попрекнуть его худымъ словомъ, а поблагодарятъ, что позаботился объ нихъ... Ну, какъ вы хотите, а я земли покупать стану. Если вы будете со мной несогласны, то я выпрошу у барина себѣ уголокъ. Кто еще хочетъ въ най со мной вступать?

— Да ужъ и я отъ тебя не прочь,—сказалъ Криночка, осадистый небольшой мужикъ съ широкой бородой.—У меня ребятъ больно много, то послѣ имъ вѣмъ, какъ заведутся они своимъ отдѣльнымъ домкомъ, одной на-

дѣльной землей не прожить. Но только дѣло вотъ въ чемъ: деньгами-то много мнѣ не сбиться,—работникъ я одинъ, подмоги нѣту, а семья одолеваетъ меня. Сами знаете: бьюсь, бьюсь съ утра до поздняго вечера и едва только могу прокормиться, и за то благодарю Бога, что своимъ пронимаюсь.

— Смотри по деньгамъ, по своимъ силамъ, пусть каждый купить себѣ и пай,—посоветовалъ Таганька.—Если кому тяжело по дунямъ покупать пай, то говори, кому сколько надо: за четверть ли, на полдунни ли, или болѣе, а остальную землю возьмуть другіе.

— Мнѣ такъ по деньгамъ на полдунни будетъ,—заявилъ Криночка.

— Мнѣ тоже,—поддакнулъ Морозко.

— И мнѣ столько же,—присоединился Тима.

— Ну, братцы,—обратился Таганька,—вотъ Криночка, Морозко и Тима берутъ на полторы дунни; четыремъ намъ остается пять съ половиной дунтъ, то какъ мы остальную-то раздѣлимъ?

— Мнѣ такъ на дуню надо,—заявилъ Пауныка.

— На остальныхъ троихъ у насъ приходится четыре съ половиной дунни, это выходитъ по полторы дунни на каждаго. Согласны взять?

— Ладно, возьмемъ,—отвѣчали Ратникъ и Ваганъ.

— А я отъ васъ не отстану, возьму тоже на полторы дунни. Такимъ дѣлежомъ все ли довольны?

— Довольны,—сказали мужики.

— Смотрите, чтобы всемъ было безъ обиды. Теперь лучше толкомъ уговориться, а потомъ владѣть землей по согласью. Вѣдь правду говорятъ, что уговоръ лучше денегъ,

— Чего тутъ попусту толковать,—проговорилъ Криночка:—каждый беретъ по своимъ деньгамъ и сколько ему надобно. Ну, какъ, братцы, мы сейчасъ станемъ

покупать землю или немножко подождать?

— Медлить нечего,—замѣтилъ на это Таганька:—пока земля отъ насъ не ушла, надо прибрать ее къ своимъ рукамъ, тогда лучше, поспокойнѣе будетъ.

— Тянуть нечего,—согласились всѣ,—надо покупать.

— Теперь, братцы, сдѣлаемъ расчетъ,—сказалъ Таганька:—сколько съ каждаго въ задатокъ денегъ надо собрать и сколько каждому придется доплачивать за землю.

Оно выходитъ, что барину придется уплатить въ задатокъ сто рублей, а ихъ нужно разложить на семь душъ, то мы вотъ наперво узнаемъ, сколько задатку ложится на душу.

По десяткѣ съ души, съ семи человекъ выходитъ семь красныхъ. Тамъ еще остается три красныхъ. Оно по пятишку не придется: тогда соберемъ тридцать пять рублей, а намъ надо всего тридцать. Значить, надо класти по четыре рубля, и у насъ получится двадцать восемь рублей. По красенькой, да по четыре рубля мы и соберемъ безъ пары сотенный. Теперь разложимъ на всѣхъ два рубля. По гривеннику съ души—семь гривенъ, да еще по гривеннику—семь гривенъ, то по двугривенному мы и соберемъ рубль сорокъ копѣекъ, еще у насъ остается шесть гривенъ, такъ что ужъ по гривеннику не придется. Положимъ по девяти копѣекъ: семь питаковъ—тридцать пять копѣекъ, семь по четыре—двадцать восемь, всего мы и соберемъ шестьдесятъ три копѣйки. А сколько у насъ тамъ оставалось раздѣлить-то?

— Шестьдесятъ копѣекъ,—подсказали мужики.

— А тутъ шестьдесятъ три. По девяти всѣмъ платить—много, придется три копѣйки лишнія... Ну, эти три копѣйки когда пойдутъ на расходы тому, кто пой-

дѣтъ къ барину покупать землю.

— Вотъ это добро—всѣмъ будетъ безъ обиды,—одобрили мужики.

— Такъ у насъ съ души и придется задатку четырнадцати рублей двадцать девять копѣекъ. Какъ разъ этосойдетъ съ Пауныки—онъ беретъ на одну душу. Теперь узнаемъ, сколько надо платить за полдунни. Мы красненькую расколемъ пополамъ, будетъ пятишникъ, четыре пополамъ—два рубля, оно выходитъ семь рублей,—половина двугривеннаго гривенникъ, половина девяти четыре, мало, надо класти по пятаку, а лишнія опять на расходы.

— Ладно.

— Съ полдунни слѣдуетъ семь рублей съ пятиалтыннымъ.

Такъ Таганька точно высчитать сколько придется задатку съ полдунныхъ дунѣ.

— На сколько же лѣтъ мы станемъ просить барина разерочить намъ остальные деньги сто пятьдесятъ рублей?—спросилъ Таганька.

— Да ужъ надо просить хоть года на три, а самое меньшее года на два,—отвѣтили мужики.

— Братцы, надо кого-нибудь выбрать и послать къ барину, чтобы онъ о покупкѣ земли заключить съ нимъ условіе.

— Кого намъ выбрать какъ не тебя: ты будешь потолковѣе всѣхъ. Мы дадимъ тебѣ деньги и ты съ Богомъ иди и покупай землю.

— Ладно. Но чтобы не было послѣ какихъ пустыхъ разговоровъ, вы еще кого-нибудь пошлите со мной. Да вдвоемъ какъ-то лучше дѣло дѣлать.

— Пусть когда Ратникъ идетъ съ тобой.

— Ну, теперь дѣло за деньгами, приносите ихъ ко мнѣ и я тинуть не стану: какъ деньги все сберу, такъ и отправлюсь въ дорогу.

— Медлить нечего, иди съ Богомъ.

Нѣкоторые мужики денегъ не имѣли. Они продали: кто—корову, кто—жеребенка, кто—хлѣба и вручили деньги Таганькѣ.

Таганька обернула ноги въ чистые бѣлые портянки, обмотала ихъ веревочкой, надернула ланги, нарядился въ чистую холстинную поддевку, вскинулъ на плечи котомку съ пирогами и сухарями, помолился передъ иконами Богу, и, провожаемый всей деревней, пошелъ вмѣстѣ съ Ратникомъ въ городъ.

Баринъ охотно на три года разсрочилъ мужикамъ остальные деньги: онъ былъ очень доволенъ, что его землей будутъ владѣть его же бывшіе крѣпостные. На имя Таганьки онъ выдалъ запродажное условіе.

Съ большою радостью Таганька и Ратникъ возвратились домой и подробно, не торопясь, рассказали своимъ, собравшимся со всей деревни, какъ они были у барина, какъ покупали землю, что видѣли и что слышали.

— Ну, слава Богу,—крестились мужики,—мы теперь съ земелькой. Если здоровы будемъ, то и сыты будемъ: земли не только намъ хватить, но еще вдоволь и нашимъ ребятамъ останется.

Въ купленной землѣ лѣсомъ и скотскимъ выгономъ община они стали пользоваться; пахотную и сѣнокосную землю по полосамъ раздѣлили; напши и сѣнокосу досталось каждому не по одной полосѣ: земля была неодинаково вездѣ хороша, то ее дѣлили такъ, чтобы каждому досталось часть хорошаго поля и покоса и часть худого, тогда пользованіе землей было равномѣриѣе.

По запродажному условію мужики и владѣли землей: хотя деньги за землю они своевременно уплатили, но считали они лишнимъ расходовать деньги на совершение купчей крѣпости. Они надѣялись, что баринъ и Таганька никогда не обманутъ ихъ. И дѣйствительно, ни тому ни другому даже на умъ не приходило злоупотребить довѣріемъ мужиковъ.

V.

Семья у Таганьки стала большая. Всѣ сыновья были женаты, у нихъ пошли ребята, такъ что въ одной избѣ, хотя большой, стало тѣсно.

Таганька, видя, что одной семьей жить не придется, надумалъ строить два новыхъ дома, чтобы отдѣлить въ нихъ сыновей. Самъ онъ и ребята рубили и привозили бревна, сами напилили тесу, сами срубили и поставили на краю деревни, къ Чернухину, двѣ большія, срубленные изъ толстыхъ бревенъ избы и сами сложили въ нихъ битыя изъ глины черныя печки-печарки; къ избамъ приставили длинные дворы.

Когда дома были совѣзмъ готовы, Таганька сначала выдалъ замужъ дочь Машку въ деревню Чернухино за Онухонцова внука, давъ ей въ приданое больше изъ холстины, косу, сернъ и еще кое-что необходимое для бабьяго хозяйства; брать приданое деньгами было не въ обычаѣ, а кромѣ ведра вина и небольшихъ мелочныхъ расходовъ на рыбу треску, на изюмъ, на макъ, Таганька денегъ не держалъ, остальное у него было свое, то свадьба не ввела его въ большіе расходы. Она, при его хорошемъ хозяйствѣ, прошла для него совѣзмъ незамѣтно.

Вскорѣ послѣ свадьбы дочери, Таганька отдѣлилъ Виссарьку. Онъ далъ ему надѣлъ земли, часть пашни,

покошу, купленной земли, лошадь со всей упряжью, двух коровъ, теленка, необходимое для домашняго и полеваго хозяйства—соху, борону, косу, грабли и прочее, и, благословивъ сына иконой, пожелалъ ему счастливо жить своимъ домкомъ.

Виссарѣй, при такомъ отдѣлѣ, приставать къ хозяйству было легко. И вскорѣ жизнь его потекла обычнымъ крестьянскимъ путемъ.

Позаправившись хозяйствомъ, Таганька черезъ два года отдѣлилъ и Стенку, наградивъ его такъ же, какъ и Висарьку.

На старинѣ остались: старшій Тишка и младшій Гдѣйко. Жизнь ихъ мирно текла.

Весною, утромъ, еще до солнышка поднялся Таганька. Онъ умылся холодной водой, помолится Богу и разбудилъ ребятъ на работу.

Сегодня онъ съ Тишкой выѣзжалъ пахать яровое. Таганька запрягъ въ соху Воронка, а Тишка Карька и поѣхали въ поле.

Воздухъ вѣять прохладой. Таганька глубоко вдыхалъ его своею широкою грудью. Ему чувствовалось отрадно, здоровая сила такъ и ходила во всѣхъ его членахъ.

Таганька подѣхалъ къ полосѣ, состоявшей изъ восьми загоновъ—грядъ, а Тишка отправился пахать другую полосу.

Таганька помолится на востокъ, вынулъ соху изъ вѣлоковъ, поставилъ Воронка въ борозду, и, понукая его: „Но, но, бороздкой!“ началъ пахать свою кормилницу землю-матушку.

Сытый, крѣпкій Воронко, натягиваясь, ровно пошелъ по бороздѣ. Мѣстами соха стала ковыляться и дергать руки. Замѣтивъ это, Таганька взялъ топоръ, вложенный въ соху, по клинчикамъ поколотить,—и соха плавно

пошла по землѣ, такъ что Таганька только придерживать ее за рога и направлять ее, если гдѣ попадется камень.

Воронко весело набрякивалъ уздечкой; старая жнива подъ сохой журчала.

Выдержувъ соху и неся ее на рукахъ, Таганька завернулъ лошадь, поставилъ ее въ другую борозду и вспахалъ еще пашть. Такъ онъ работалъ подъ рядъ два часа, не зная никакой отдышки и не чувствуя болѣйшей усталости.

Онъ замѣтилъ, что Воронко сталъ уставать.

„Надо дать ему вздохнуть,“ подумалъ Таганька, и остановилъ лошадь на концѣ полосы, а самъ уѣлся на лужайку.

„Экую благодать Господь крещенымъ посылаетъ,“ взглянувъ на небо и на поле, сказалъ Таганька.

Солнышко ужъ поднялось на ясномъ голубомъ небѣ и ласково обогрѣвало Таганьку. Воздухъ былъ чистъ и свѣжъ; каждое, кружившееся насѣкомое, ясно въ немъ выделялась.

Жнива золотисто отливала на солнцѣ, надъ ней жаворонки то подымались вверхъ, то, опускались внизъ, быстро махая крылышками, заливались звонкою пѣсней. Изъ елового и березового лѣса, окружавшаго поле, доносилось пѣніе, щебетаніе птичекъ и куканіе кукушки.

Мужики съ сохами разѣзжали по полю, покрывая на своихъ лошадохъ. Изъ трубъ избъ высокимъ столбомъ поднимался дымъ, что предвѣщало хорошую погоду.

Часовъ въ семь Таганька кончилъ пахать; на волока онъ поставилъ соху, впередъ отпустилъ Воронка и самъ пошелъ за нимъ.

Воронко подошелъ къ воротамъ хлѣва и остановился. Таганька распрягъ его, далъ ему сѣна, а самъ

пошелъ завтракать. Онъ похлебалъ холодныхъ мясныхъ щей, молока, и, напоивъ лошадь, опять поѣхалъ пахать.

Около полудня все собрались обѣдать. Старуха Таганьки постлала бѣлую скатерть, положила на столъ большія деревянные ложки, глиняную солонку, ножикъ и огромный коровай хлѣба. Все стали садиться за столъ. Каждый передъ обѣдомъ крестился передъ иконами и говорилъ: „Благослови, Господи и Матерь Божія.“

Таганька помѣстился на краю стола, отъ дверей, рядомъ съ нимъ внучата, а даѣе большіе; старуха сѣла на край придвинутой лавки: ей ближе ходить къ печкѣ и удобнѣе подавать на столъ.

Таганька большими ломтями нарѣзала хлѣба и каждому подаль по ломтю, попробовалъ поставленные на столъ мясныя съ капустой горячія щи, посолилъ ихъ. Все стали хлебать. Каждый изъ обѣдавшихъ, обладая хорошимъ здоровьемъ и исполняя на воздухѣ полезную физическую работу, гдѣ сильно является потребность въ пищѣ, для возстановленія силъ на тяжелую работу, ѣлъ щи съ пріятнымъ аппетитомъ. Щей скоро не стало. Старуха нашла еще блюдо щей и поставила предъ Таганькой деревянную съ мясомъ тарелку. Мясо было мягкое, сильно упрѣлое. Таганька взяла два ножа, мясо намедко искрошилъ и высыпалъ въ блюдо. И это блюдо щей вмигъ опростали. Старуха подала глиняную плошку съ жареной картошкой, сильно пропитанной коровьимъ масломъ. Послѣ картошки выхлебали чашку прясного, свѣжаго молока, и стали выходить изъ-за стола. Каждый крестился и говорилъ: „Сытъ, слава Богу.“

Послѣ обѣда все отправились по своимъ работамъ.

Таганька съ внучкомъ Оленкой поѣхалъ заѣзжать поле. Передъ посѣвомъ онъ помолился Богу, чтобы Тотъ

послать ему урожай, насыпать изъ мѣшка въ лукошко овса, надѣлъ черезъ плечо на полотенцѣ лукошко и стать овесъ разбрасывать по загону.

Босой Оленка, лѣтъ девяти, съ непокрытой головой, безъ пояса, бодро сидѣлъ на Воронкѣ, держась за поводъ узды обѣими руками, то и дѣло, дергая поводомъ, покрикивалъ на Воронка, который, чувствуя на себѣ слабого ѣздока, шелъ себѣ вволю. На заворотѣ борона перевернулася вверхъ зубьями.

— Дѣдушко, у меня борона перекувыркнулася, — крикнуть Оленка, — ты ее изладь!

— Ты близко около бороны заворачиваешь Воронка, — поправляя борону, объяснялъ Таганька, — поэтому она у тебя и перекувыркивается. Нужно заворачиваться подальше отъ бороны, такъ чтобы веревка была всегда натянута и валекъ былъ на вѣсу, — тогда борона и станетъ исподовольно поворачиваться.

— Ладно, дѣдушко, я впередъ такъ и буду, — сказалъ Оленка, — и тотчасъ же замызгалъ на своего Воронка, ностегивая его концемъ повода.

Таганька засѣялъ всю полосу и, пока Оленка забораниваетъ овесъ, сѣлъ на межу отдохнуть. Онъ бодрѣе, здоровѣе себя чувствовалъ и съ любовью глядѣлъ на жизнь.

„Да, славно живется на свѣтѣ божіемъ, думать онъ. При божіей помощи я тихо, покойно прожилъ свой вѣкъ. Всѣмъ-то я доволенъ и ничего лучшаго отъ жизни даже я себѣ не желаю... Добрь, крѣпко добрь для меня быть Господь. Всю жизнь свою я вотъ прожилъ здоровымъ, даже шутя не баливалъ. Въ семьѣ у меня большой неурядицы не случалось: семейники меня слушаются, почитаютъ какъ отца, какъ хозяина хорошаго дома, гдѣ нѣтъ ни въ чемъ нужды. Пожилъ я до-

волью—вотъ шестьдесятъ лѣтъ стукнуло, а во всякой работѣ я еще не уступаю ребятамъ... И умереть, пожалуй, можно—надо и другимъ мѣсто дать. Ребята у меня уже всѣ на ногахъ, всѣ устроены: не только сами могутъ кормиться, но даже, если будутъ съ умомъ жить да не лѣниться, то со своими семьями нужды не зазнаютъ и безъ меня... Но вѣдь я ѣмъ свой хлѣбъ, добытый своими трудами, да и умирать бы еще равно не охота: больно хорошо здѣсь, а тамъ-то еще какъ придется. Ну, какъ въ рай попадешь—то хорошо, а какъ въ адъ угадаешь, то не возрадуешься: не легко будетъ вѣчно въ аду мучиться, въ огнѣ жариться. Вѣдь о будущемъ-то, о спасеніи души мы мало думаемъ и много мы грѣшимъ... Объ одномъ прощу я Господа: пошли мнѣ христіанскую кончину, чтобы покаяться во грѣхахъ и умереть, потому что смерти никому не избѣжать.“

Часовъ около четырехъ паужали, а въ девятомъ часу ужинали. Послѣ ужина Таганька нарядить каждому работу на завтрашній день. Всѣ спать улеглись на повети, на сараѣ, на сѣно. Вскорѣ въ домѣ настала тишина; только изрѣдка слышалось со двора блеяніе овецъ, фырканіе лошадей да жеваніе ими сѣна.

Недѣли черезъ три, въ воскресенье Таганька сходилъ въ церкви, прослушалъ тамъ заутреню и обѣдню, возвратился домой, пообѣдать и пошелъ смотрѣть яровое поле.

Зеленая щетинка уже покрыла полосы. Овесъ, ячмень и пшеница взошли очень ровно, перо было очень сильное. Оставшись доволенъ выходомъ, Таганька перебрался въ озимое поле: озимъ была уже съ четверть вышины, густая и вороная.

„Если Господь станетъ посылать благодать, я бу-

ду съ хлѣбомъ, подумать Таганька. Сходить-ко еще посмотрѣть, какова въ лугахъ подымается трава.“

Луга покрылись зеленымъ ковромъ. На нихъ уже подымались на высокихъ ножкахъ желты цвѣты, издавая изъ себя пріятный запахъ.

„И травка зацвѣла густая, остался доволенъ Таганька. Дождичекъ станетъ помачивать, да постоитъ тепло, то у крещеныхъ, по милости Бога, хлѣба и сѣна наростетъ довольно; годъ-то они и будутъ правики.“

Осенью Таганька много въ амбаръ насыпалъ хлѣба и полные сѣновалы набилъ сѣна—живи теперь спокойно до слѣдующаго лѣта.

VI.

Не такъ хорошо сложилась послѣ крѣпостного права жизнь крестьянъ деревни Чернухина. Виною же этому были сами крестьяне.

Постояннова предлагала имъ купить всю свою землю, десятинъ восемьсотъ, по два рубля за десятину, въ задатокъ просила четыреста рублей, а остальные деньги разсрочивала на пять лѣтъ.

Чернухинцы собрались на сходъ. Нѣкоторымъ хотѣлось купить землю, да у нихъ денегъ не было, а большая же часть гадѣла то, что деньги на покупку земли тратить попусту; если связаться съ покупкой, надо розорять хозяйство, мотать за безцѣнокъ коровъ и хлѣбъ; землею же они и такъ пользуются, а ее никто съ собой въ карманъ не утащить. И большинство порѣшило земли не покупать, а меньшинство и поневолѣ должно было съ ними согласиться: барыня продавала всю землю—вся имъ была не по силамъ, а части изъ нея она не уступала.

Барынь послали извѣстье; ей больно прискорбно пришлось выслушивать его: свою собственную землю ей отъ души было жалко продавать въ чужія руки; она знала, что, впоследствии, крестьянамъ, своимъ бывшимъ людямъ, эта земля понадобится, и они тогда хватятся, да будетъ поздно.

Она еще разъ предложила имъ землю, предупреждая ихъ, что если они не купятъ у нея землю, то она вынуждена продать ее въ чужія руки, такъ какъ теперь ей самой деньги очень необходимы; но крестьяне и въ усъ себѣ не дули, думая, что у барыни землю никто не купитъ. Они жили себѣ мирно, покойно, владея безвозмездно барской землей и не чужая надъ собой никакой бѣды, которая висѣла ужъ надъ ихъ головами.

Такое унорство крестьянъ въ покупкѣ своей кормилицы-земли, главнымъ образомъ можно приписать ихъ невѣжеству и сильной темнотѣ: они не могли хотъ немного заглянуть впередъ и понять, что земля подъ пашней, сѣнокосомъ и лѣсомъ остается одна и та же, что народоселеніе съ каждымъ годомъ прибываетъ, — слѣдовательно и земля должна дробиться все на меньшіе и меньшіе участки, что землевладѣніе со временемъ, при ихъ первобытной обработкѣ, гдѣ земля, истощаясь, приносить урожаи все хуже и хуже и трава растетъ плоче и плоче, должно стѣсниться, — поэтому каждый будетъ цѣнить землю, такъ какъ впоследствии въ ней долженъ ощущаться недостатокъ; а земля есть единственная его кормилица; кромѣ того, крестьяне еще не могли привыкнуть къ волѣ и къ тому, что они стали собственниками земли: имъ все это представлялось какъ во снѣ и думалось, что землю отъ нихъ отберутъ, тѣмъ болѣе, находились злые люди, которые изъ-за какихъ-то интересовъ имъ толковали, что крестьяне напрасно приобретаютъ землю, только попусту

разоряются: имъ крѣпостного права не миновать. Ну, темные крестьяне, живя совсѣмъ особнякомъ, кругомъ въ лѣсу, не выезжая далѣе своей мѣстности, не имѣли возможности посоветоваться съ добрымъ человѣкомъ, всякому слуху вѣрили,—и за свою темноту жестоко платились. Имъ самимъ еще не такъ тяжело было жить, какъ тяжело пришлось ихъ дѣтямъ расплачиваться за ошибки отцовъ.

Въ лѣтнее воскресеніе чернухинцы сидѣли среди деревни и мирно вели между собою бесѣду. На одной лошаdkѣ, съ колокольчикомъ въ деревню въѣхалъ мужичекъ.

— Богъ на привалѣ,—поздоровался онъ съ чернухинцами.

— Спасибо,—отвѣчали тѣ.

— Который изъ васъ староста?—спросилъ пріѣзжій.

— Я,—отозвался плотный мужикъ и подошелъ къ пріѣзжему.—Тебѣ на что меня?

— У вашей барыни, Постоянновой, я купить всю занадѣльную землю,—объявлялъ пріѣзжій,—и получить уже купчую крѣпость; а я слышать, что этой землей пользуются ваши мужики—то ты сходи и объяви всѣмъ имъ, чтобы они моей землей не владѣли, лѣсу моего не трогали, иначе я буду жаловаться начальству, и мужиковъ за самоуправство, если они станутъ самовольно владѣть моей землей, начальство въ тюрьмѣ заморить.

— Какъ-такъ?—удивился староста, даже отъ испугу глаза вытаращить и руки опустить.—Развѣ она и взаправду продала?

— Не вѣринь, такъ посмотри купчую крѣпость, или сирайся у самой барыни,—сказалъ пріѣзжій, и самъ ст-

правился датѣе.

Мужики, услыхавъ эту вѣсть, просто остолбѣли; у нихъ отнялся языкъ и руки полѣзли въ затылокъ. Они долго молчали.

— Нельзя ли, братцы, намъ это дѣло поправить,— обратился дѣдъ Опухонецъ.

— Какъ поправишь?—сказалъ староста. Было время, барыня наваливала землю—не хотѣли взять, а теперь и хватились; но сейчасъ, близокъ локоть, да его не укусишь.

— Можетъ-быть, попросить барыню—она купчую крѣпость передѣлаетъ и на насъ,—съ слабой надеждой сказалъ одинъ изъ мужиковъ:—ея барская воля, что она хочетъ, то съ землей и дѣлаетъ.

— Ну, братъ, это ужъ дудки,—возразилъ староста:—разъ она купчую крѣпость на землю сдѣлала, она и сама этой землѣ ужъ не госпожа, а господинъ тотъ, кто ее купилъ. И теперь онъ согнетъ насъ въ бараній рогъ.

Мужики повѣсили свои головы и долго думали крѣпкую думу, какъ бы землю къ себѣ перевести; но придумать ничего не могли, и печальные разошлись по домамъ.

Виновникъ же ихъ горя, Степанъ Никоноровичъ Гладинъ, вышелъ изъ тарантаса и шель по дорогѣ, пролегавшей черезъ купленные имъ поля, луга и лѣса. Еловый и сосновый строевой лѣсъ извивался къ небу; смотря на него, Гладинъ даже придерживалъ картузь, чтобы онъ не свалился съ головы.

Гладинъ былъ простой мужикъ, небольшого роста, плотный, имѣлъ каріе-лукавые глаза и высокій лобъ; волосы подстрижены въ скобку. По всему выраженію лица и манерамъ, онъ былъ мужикъ со смекалкой. И

свою смекалку онъ не замедлилъ пустить въ дѣло на купленной у Постоянновой землѣ.

При деревнѣ Чернухинѣ Гладинъ выстроилъ не очень большой домъ, при немъ обширный хлѣвъ, открылъ винную, мелочную, а, впоследствии, краснымъ товаромъ лавку, завелъ не одну лошадь, нѣсколько коровъ, призвалъ Великимъ постомъ чернухинскихъ мужиковъ и сказать имъ:

— Ну, какъ, братцы, вы хотите: всю ли пахотную и сѣнокосную землю, купленную мною, отъ васъ отобрать, или вамъ часть оставить?

— Коли милость твоя будетъ, Степанъ Никаноровичъ, то, для Бога, намъ ее уступи,—отвѣтилъ староста.

— Отчего не уступить, я вамъ уступлю.

— Вотъ тебѣ и спасибо на этомъ,—кланяясь въ поясъ, благодарилъ староста, за нимъ мужики,—а то скотиной позавелись, надѣялись кормить ее сѣномъ съ пожней барыни—и не тутъ-то было; если покосовъ не дашь, придется половину скотины продавать.

— Какъ не дать, дамъ; но какъ вамъ, братцы, любѣе взять мою землю: будете ли вы платить аренду деньгами,—я возьму съ васъ за половину пашни и покосу сто пятьдесятъ рублей въ годъ, или, мы раздѣлимъ землю пополамъ, и вы, за пользованіе моею землею, будете обрабатывать мою половину пашни и покосу, такъ что ваше дѣло на моей землѣ будетъ: крѣпить огороды, пахать, боронить, засѣвать землю моими сѣменами, возить навозъ, косить, убирать сѣно и хлѣбъ, молотить, однимъ словомъ, такъ, чтобы я отъ васъ получить со своей земли сѣно и хлѣбное зерно?

— Гдѣ ужъ намъ подняться деньгами,—отвѣчали мужики.—Мы ужъ лучше между своимъ дѣломъ и твою

работу исправимъ.

— Но только, братцы,—смотрите—уговоръ лучше денегъ: вы мою работу обязаны исправлять тогда, когда я васъ позову. Когда вы мнѣ понадобитсяъ на полевую работу, вы не должны отговариваться недосугомъ, а обязаны тотчасъ же, какъ я вамъ прикажу, отправляться на мою работу.

— Что ужъ дѣлать,—тяжело вздохнувъ, сказали мужики,—станемъ во время тебѣ работать, когда тебѣ надобно.

— Всѣ ли согласны?

— Всѣ согласны.

— Ну, вѣтъ и ладно когда. Станемъ жить миркомъ да ладкомъ—безъ всякой ссоры: моей земли-то и мнѣ и вамъ хватитъ.

— На такомъ подрядѣ, Степанъ Никоноровичъ, тебѣ слѣдуетъ угостить насъ,—нерѣшительно заговорили мужики.—Не будетъ ли вашей милости дать намъ скольконибудь водки?

— Такъ и быть: для будущей дружбы съ вами, ребята, я вамъ даю цѣлое ведро. Пейте на здоровье.

— Вотъ и спасибо тебѣ, Степанъ Никоноровичъ,—отъ души благодарили мужики.

И вскорѣ шумъ и галдѣніе пьяныхъ мужиковъ пошелъ не только по всей деревнѣ, но далеко разносился по лѣсу, гдѣ пьяное эхо вторило имъ. Мужики громко разговаривали, ссорились между собою, стараясь не-рекричать другъ друга и едва дѣло у нихъ не дошло до драки, да болѣе трезвые разстаскивали драчуновъ, а пьяныхъ мужиковъ бабы протолкали домой. Въ деревнѣ уже поздною ночью наступила полная тишина.

Мужики и стали около четверти лѣтняго труда употреблять на работу Степану Никоноровичу даже, за

трудъ свой не получая отъ него содержанія.

Число домохозяевъ въ Чернухинѣ все прибывало и прибывало; лѣтъ черезъ тридцать послѣ крѣпостного права деревня разрослась болѣе чемъ вдвое: въ ней стало слишкомъ пятьдесятъ домовъ. Не мало пашни было занято новыми домами, дворами, амбарами, огородами, длинными гуменниками; въ пашнѣ стала окучаться сильный недостатокъ.

Жители деревни едва съ грѣхомъ пополамъ кормились добытымъ самими хлѣбомъ, и думать о продажѣ его было нечего: половинѣ многосемейныхъ съ Пасхи приходилось покупать хлѣбъ, а въ неурожайные годы даже съ Рождества; у нѣкоторыхъ на семью восемь человѣкъ сростало при среднемъ урожаѣ только пудовъ двадцать пять ржи; оставивъ ржи на сѣмена, далеко не подасись съ этимъ хлѣбомъ.

Болѣе трудолюбивые крестьяне распахивали поляны—болѣе удобныя для пашни мѣста, находившіяся далеко отъ деревни, иногда версты за три и за четыре, такъ какъ въблизи, сразу за полемъ, было болѣею частью низкое, сырое мѣсто, негодное для пашни.

При обработкѣ этихъ полянъ труда выпадало много вдвое или втрое болѣе, чѣмъ въ полѣ размѣромъ такого же мѣста: каждый разъ нужно ѣхать на пашню, на боронку, на посѣвъ, идти на жниву вмѣсто какой нибудь четверти версты, версты двѣ, три, четыре; или, при возкѣ назъму или при уборкѣ хлѣба въ поле съѣздить каждый раза три, тогда какъ въ это время до поляны приходится тащиться взадъ и впередъ только одинъ разъ.

Сами мужики, хотя въ общемъ были и здоровые, но какіе-то неторопливые; больно ужъ медленно они съ работою поправлялись, къ тому же и лошади у многихъ были плохія, такія же тихія какъ ихъ и хозяева; при

паннѣ, боронѣ, возѣ езовъ плелись нога за ногу, а за ними ихъ хозяева. Возы сноповъ, сѣна, дровъ накладывали небольшіе. Сѣно возили на узкихъ длинныхъ дровняхъ безъ отводней; возы клали небольшіе—пудовъ по десяти, а много по пятнадцати. Сѣно иногда приходилось возить верстѣ за десять и болѣе, то съ десятию пудами каждый и пичкался цѣлый день.

Вѣдники приписывали это тому, что ихъ лошади большого воза не увезти, а все крестьяне—что у нихъ снѣга глубокіе, дороги узкія, по бокамъ сугробы снѣга, лѣсъ не дастъ протащить большихъ широкихъ воровъ: онъ стоитъ по бокамъ, у самой дороги. На самомъ же дѣлѣ, изъ нѣкоторыхъ мѣстъ съ осени можно перевозить много сѣна и большими возами: дороги къ полямъ есть очень широкія, возъ клади хоть шире, да тогда и снѣгъ не мѣшаетъ; но всего больше мѣшаетъ русская безпечность: не охота обо всемъ позаботиться во время. Между тѣмъ какъ у нѣкоторыхъ есть лошади довольно порядочныя, могли бы увезти пудовъ тридцать, а на нее положить сѣна пудовъ двѣнадцать, или, пять, шесть чурокъ дровъ и везуть нѣсколько верстѣ, гдѣ бесполезно тратятъ одно время. Инымъ же сѣно сложить некуда—нѣтъ нодъ него помѣщенія.

Все лѣтнее время чернухинцы пичкались со своей и Гладина работой; у многихъ, особенно осенью и зимою, свободного времени были достаточно, а въ нѣкоторыхъ семьяхъ были даже излишніе работники, но у нихъ время безнолезно пропадало: никто не хотѣлъ заняться побочнымъ заработкомъ. Между тѣмъ, во всей волости не было ни своего портного, ни своего сапожника, ни своего катальщика; все это дѣлать у нихъ пришлый народъ и уносить отъ нихъ деньги.

Даже и свое-то полевое хозяйство нѣкоторыми правилось не толкомъ: на своихъ клячахъ кое-какъ взбороз-

дать землю, хорошо не заборонять ея, назъму повозать мало, набросаютъ въ землю плохихъ сѣмянъ... и конечно, при такой обработкѣ нечего ждать хорошаго урожая хлѣба. Если бы и тщательно-то воздѣлать землю, труда пошло бы немногимъ болѣе, а урожай получился бы несравненно лучше.

Покосы плохо прибавлялись; только человѣкъ шесть исправныхъ хозяевъ заботились о нихъ и приводили въ порядокъ свои покосы, расчищая ихъ отъ лѣсу и кустарнику, а у остальныхъ заросали и старые-то покосы: нѣкоторые при косьбѣ кругомъ обойдутъ тоненькую годовалую или двухгодовалую ольху, осину или иву, не скосятъ, или съ корнемъ не вырубятъ ея; впоследствии же, они разрастаются, занимаютъ на покосахъ много мѣста, къ расчисткѣ становятся уже упорными. Хозяева посмотрятъ на кусты, на деревца—имъ и самимъ они не нравятся, все собираются покосы почистить, но никакъ не могутъ собраться. Хотя и времени на это хватило бы достаточно, но бычное у насъ „завтра“ или „еще поспѣется,“ портитъ все дѣло: чистка покосовъ все откладываетъ и откладывается, а они все заростають и заростають.

Въ зимнее время мужики, наготовивъ дома корму, отправлялись въ лѣса, на заготовку лѣса.

Сначала они рубили бревна изъ своего лѣсу и продавали ихъ на мѣстѣ, или внизъ по рѣкѣ весною гоняли ихъ на ярмарку. Когда же толстые бревна у нихъ повывелись, то они на вывозку стали поряжаться къ лѣсопромышленникамъ, владѣвшимъ огромными участками въ ихъ мѣстности, за исключеніемъ казны и удѣла, дачами; плату они получали по числу доставленныхъ на свалку, утраиваемую на берегу рѣки, бревенъ. Мужики съ лошадыю, на своемъ содержаніи зарабатывали, смотря по работнику и по силѣ лошади, отъ пя-

тидевяти копѣекъ и до одного рубля въ день.

Деньги у нихъ шли на подати. Волостные расходы у нихъ увеличивались: имъ приходилось строить обширные дома подъ правленіе и училища, содержать церковный причтъ, давать на отопленіе, на освѣщеніе, на сторожей церкви, двухъ училищъ, правленія и фельдшерскаго пункта; не мало шло на жалованіе старшинъ, волостному писарю, получавшимъ по двѣсти рублей въ годъ, и также на содержаніе причта, сельскихъ старостъ и волостныхъ судей, служившихъ ранѣе безвозмездно; кромѣ того, еще было не мало кой-какихъ сельскихъ и волостныхъ расходовъ; земскіе расходы въ теченіе тридцати лѣтъ возросли втрое. Особенно обременителенъ былъ для крестьянъ наборъ рекрутовъ: они съ среды себя отдавали на военную службу лучшихъ работниковъ и кромѣ того, еще имъ приходилось посылать имъ деньги, такъ какъ они тамъ сильно нуждались и просили у родныхъ помощи.

Народъ сталъ забрасывать холстинку и носить болѣе ситцевыя рубашки, суконные и казинетовые пиджаки и штаны; зажиточные много денегъ расходовали и на это. Если къ этому присчитать акцизъ на водку и на купленный товаръ: чай, сахаръ, табакъ, свички и проч. и промысловой налогъ, то расходы крестьянъ возросли до большихъ размѣровъ.

Некоторые имѣли по двѣ, даже по одной коровѣ, дарававшихъ и съ новотелу-то въ сутки фунтовъ по семи, восьми. Первое время постѣ крѣпостного права, хотя жили тоже плохо—въ прежнихъ грязныхъ избушкахъ съ узкими окнами и черными печками и ходили въ грязной, холстинной одеждѣ, но, имѣя молоко, масло, сметану, творогъ, хоть были сами и ихъ ребята сыты. Появились маслодѣльные заводы—и отняли у мужиковъ и ихъ дѣтей послѣдній питательный продуктъ—молоко

и оставили имъ одну обрату, которой бы мѣсто поить скотину, а не портить людей, да чай, полоскавший у мужиковъ брюхо.

Деньги за молоко забирались товаромъ: чаемъ, сахаромъ, табакомъ, спичками, кислой мукой, душиной треской... однимъ словомъ, мѣна для здоровья крестьянина была не очень благопріятна.

Съ виду крестьяне стали жить какъ-будто лучше, а фети стали куда-какъ хуже, отчего у нихъ скоро и появилась пословица: „Носить шелкъ, а на брюхѣ—щелкъ.“ Бѣдняки же не вылѣзали изъ холстинной грязной одежды, жалко влача свою жизнь и не зная какъ бы выбиться на настоящую дорогу.

VII.

Въ осенній темный вечеръ въ избѣ Таганьки ярко горѣла, потрескивая, воткнутая въ свѣтецъ лучина. Около свѣтца сидѣлъ самъ Таганька. Онъ сильно постарѣлъ: посивѣлъ, опленивѣлъ, ноосунулся, плохо видѣлъ; силы ужъ ему измѣнили, но въ легкой работѣ онъ еще подсоблялъ своему Тишкѣ,—Глубоко ужъ отдѣлился. Да и постарѣть Таганькѣ не диво: ему ужъ стукнуло семьдесятъ лѣтъ. По другую сторону свѣтца сидѣлъ совсѣмъ дряхлый его сосѣдъ, сгорбившійся Тима.

Старики вели бесѣду о привидѣніяхъ—домовыхъ, лѣсныхъ, водяныхъ и другихъ, а ихъ слушали, раскрывъ ротъ и отъ страху пожимаясь другъ къ другу, маленькіе замаранные внучата Таганьки. Взрослые ушли смотреть посидѣлку.

— Да, живетъ въ домѣ кормильчикъ—это вѣрно,—говорилъ Таганька.—Онъ любитъ скотину и болѣе трети около нея; но не всякая и скотина ему понутру. Ну, коли которую онъ не езлюбитъ, то нѣтъ ей отъ

него житья: сядетъ онъ на лошадь, да всю ночь ее и гоняетъ; утромъ придешь—она вся въ иѣнѣ; стоитъ, да дрожить; а коровы, телята, овцы не пьютъ, не ѣдятъ, бродятъ ровно сонныя; продавай ихъ скорѣе, а не то живо изведутся. Ну, коли и полюбить кормильчикъ скотину—ей добро: онъ ее ласкаетъ, лошади гриву въ косички заплетаетъ, скотина вся добрѣетъ, шерсть у нея такъ и лоснится, ровно человѣкъ ее щеткой вычиститъ. Вотъ у насъ по двору черныя коровы, а красныхъ лучше не заводи: хоть ты ихъ закорми, никакъ онѣ не порѣютъ, бока у нихъ провалились, ноги едва таскаютъ, сами онѣ одна кожа да кости; дѣлать нечего, пришлося держать все черныхъ—и скотина хоть куда.

— Говорятъ, что кормильчикъ передъ бѣдой все причитаетъ,—сказалъ Тима.—Вонтъ, на Баранихъ передъ пожаромъ онъ недѣли двѣ причиталъ въ подпольѣ Макаренка. „Не передъ добромъ кормильчикъ причитаетъ,“ говорили всѣ. И правда: вся деревня сгорѣла до тла. И передъ покойникомъ онъ всегда плачетъ какъ малый ребенокъ.

Разъ меня кормильчикъ и напугалъ, что я долго даже опомниться не могъ. Когда я былъ еще маленькимъ, то какъ-то я темною позднею ночью съ братишкой бѣжалъ съ посидѣнки; бѣжимъ это мы мимо избы нашего сосѣда... и вдругъ, видимъ: мохнатая рукавица въ оконкѣ подполья расцепенерила пальцы и машетъ намъ. Мы со всѣхъ ногъ пустились домой и долго тряслись тамъ, какъ осиновый листъ.

— Меня такъ онъ душилъ. Лѣтомъ я спать на сараѣ. Лежу. Вдругъ кто-то навалился на меня, да и давить что есть мочи. Хочу я кричать, но не только кричать, даже вздохнуть не могу, и думаю: „Вотъ ужъ со всѣмъ смерть пришла.“—Со страху я давай

процаться съ бѣлымъ свѣтомъ, молитвы читать и призывать Николу Милосливаго. Должно-быть нехорошій его испугался—отъ меня отступился. Я вскочилъ съ постели—и не помню какъ, очутился въ избѣ. Свои видятъ во мнѣ большую пережѣну, испугались, спрашиваютъ, что со мной случилось, а я даже слова выговорить не могу—зубъ на зубъ не сходится. Потомъ ничего—поостыло; имъ все рассказать, а Николѣ Милосливому свѣчку поставилъ и молебень отслужилъ.

Ну и шутить надъ собой кормильчикъ не любитъ. Мой дѣдъ рассказывалъ, что на посидѣнкѣ одинъ парень хотѣлъ напугать ребятъ и дѣвокъ, и забрался въ подполье... Какъ кормильчикъ вскочить парню на плечи, да и давай парня давить,—тотъ нерядомъ зарывѣлъ подъ нимъ. Народъ весь всполошился—и къ нему; а парень лежитъ—и пѣна у роту. Едва его откачали. Въ другой разъ небось не вздумаетъ пугать честной народъ.

— А меня такъ больно напугалъ покойникъ,—при одномъ воспоминаніи даже дрожь прохватывала Тиму.—Того мимо нашей деревни провозили покойника и остановились почевать вокуратьна противъ нашего дома. Легъ я спать на сараѣ—больше тамъ никого не было. Лежу, ворочаюсь съ боку на бокъ, заснуть не могу: хоть матушку рѣчку пой, а покойникъ не идетъ съ ума,—въ глазахъ такъ и мерещится гробъ съ нимъ. Вдругъ, слышу, что кто-то съ назъму идетъ по лѣстницѣ и стучитъ. У меня даже волосы поднялись дыбомъ... Какъ вскочилъ я, да встрѣлить въ избу—тамъ едва опаматовался.

Вонъ, домовою, говорятъ, сильно шалѣлъ въ деревнѣ Сидорковъ у Мохова. Ни съ того, ни съ сего вдругъ, братецъ ты мой, полетѣли съ вышки на поветъ полѣнья, кахни, глина. Хозяева удивились, стали

искать тамъ; но никого тамъ не нашли. Мало этого, давай въ избѣ шалѣть: съ печки горшками, кринками, камешками такъ и жарить.

Хозяева сначала ужъ больно испугались домового; хотъ выходи изъ дому—нѣтъ отъ него житья; но покидать домъ имъ не хотѣлось, тѣмъ болѣе, что у нихъ другого не было, а новой заводить не на что; да и домовой людямъ большого вреда не дѣлалъ: онъ все „годилъ“ мимо, а въ нихъ не попадалъ; должно быть онъ ихъ только пугалъ.

Какъ-то у Мохова остановился прохожій и расположился у него спать. Стало темнать... и вдругъ, братецъ ты мой, какъ шарахнетъ съ печки кринка съ тѣстомъ! Кринка—вдребезги, а тѣсто росплылось по полу. Прохожій вскочилъ. „Что это такое?“—едва отъ страху онъ могъ выговорить. „Это домовой у насъ немного пошаливаетъ,“ объяснилъ хозяинъ. Прохожій схватилъ свои пожитки въ охапку—да и былъ таковъ.

Однажды много народу собралось смотрѣть домового. Это тому не полюбилось, онъ сталъ больно злиться: бросалъ чѣмъ попало, стучалъ, шумѣлъ и, видя что это не понимаетъ, съ горя даже расплясался. Ребята, дураки, надъ нимъ давай смѣяться: „Ты бы, говорятъ они, завелъ бы себѣ опорки, а то ноги себѣ смозолишь.“ Взяли узду и ловили его. Домовой советѣмъ озлился и началъ фурять ужъ камнями. А ребята ему: „Чѣмъ бы бросать камнями-то, ты бы лучше бросилъ бы намъ мѣшокъ серебра: мы бы купили водки, да за твое здоровье выпили бы.“ Хорошо что домовой надъ ними ничего не сдѣлалъ, а то узнали бы они каково смѣяться надъ нимъ.

Этого домового хозяева всячески выживали: и знахарей-то приводили, и молебны-то угодникамъ служили—ни что его не беретъ. Такъ ничего бы съ нимъ и не

подѣлать, да онъ самъ надоумилъ ихъ поставить во всѣ дверныя косяки христовскія свѣчки,—и отступилъ. Съ тѣхъ поръ въ домѣ стало тихо.

Знаешь ли ты, какъ насъ напугало въ лѣсу? Замѣть ты: вѣдь не одного, а цѣлую артель.

Такъ, человѣкъ насъ шесть возвращались съ выгонки лѣса и остановились почевать въ источкѣ, стоявшей кругомъ въ лѣсу; къ ней вела одна только тропинка. Тамъ, вотъ какъ и сейчасъ, сидимъ да отъ нечего дѣлать и рассказываемъ про домовыхъ да лѣшихъ... Вдругъ, какъ—ни съ того, ни съ сего да затычка изъ за трубы хлещь на полъ!... Мы какъ вскочимъ всѣ на ноги!... Со страху даже котомки перепутали; кто какую ужъ на себя „напялили“—некогда тутъ было разбирать—и пустились, не оглядываясь назадъ, бѣжать... И что же, ты думаешь, онъ съ нами сдѣлать?

— Вотъ ужъ совсѣмъ не знаю что.

— Да и не узнать ни за что, если тебѣ про это не сказать: всѣ котомки онъ съ насъ снималъ, и я не понимаю, на что онѣ ему понадобились.

— Однако и оказія у васъ случилась,—удивился Таганька.

— Да какая еще оказія-то, что рѣдко такая бываетъ.

— Я тоже въ лѣсу пугивался,—началь Таганька.—Иду это лѣсомъ осеннею темною глухою ночью... Вдругъ, какъ закричить нехорошимъ голосомъ: „Фу-у-у. Ники-та-тита, я подъ кустомъ сижу. Фу-у-у.“ У меня по кожѣ даже мурашки забѣгали: я сразу смекнулъ, что это лѣхій кричить, и сталъ про себя читать молитвы. Онъ сталъ кричать все тише, тише, а потомъ совсѣмъ заглохъ.

И скотину иной разъ лѣхій поставитъ въ кругъ:

какъ она ни ходить, а не можетъ изъ него выйти. Ницешъ, ницешъ скотину—ея и слѣдъ пропасть; а только стоитъ съ иконою^ю обоить поскотину—сразу скотина откликнется, и найдешь ее.

— Не только скотину, но и людей онъ заводитъ въ кругъ.

— И это бываетъ,—подтвердилъ Таганька.—Особенно лѣшій любить проклятыхъ ребятъ. Чуть если мать проклянетъ своего ребенка, онъ непременно его къ себѣ утащить.

— Не такъ я боюсь лѣшаго какъ водяного. Попадись ему въ когти, если снусться въ воду безъ молитвы и креста, онъ не только тебя утопитъ, но даже задунитъ. Вотъ, я видѣлъ утопленника, то у него все тѣло въ синакахъ: это его водяной такъ въ водѣ давить.

— Да и не приведи Богъ съ нехорошимъ знаться; надо дѣлать все съ крестомъ и молитвою, тогда врагъ не подступится.

— И находятся же дураки,—говорилъ Тима:—идеть токо страшный вихорь, а они еще его дразнить: „взы, взы.“ или же свистятъ, а онъ того пуще еще глется. Долго ли тутъ до грѣха: онъ такихъ бѣдъ натворитъ, что опосля ихъ не расхлебаешь.

— Ты слыхать, какое было уското въ деревнѣ Тимонинской?—спросилъ Таганька.

— Какъ не слыхать—слыхать; баяли, что ни день, то и валилась тамъ скотина. Чуть было вся не перевелась.

— Да и перевелась бы, какъ бы одному богобоязненному старику не явилось бы видѣніе: сидитъ на берегу, пруда баба; а у самой ноги коровы. Онъ разсказать объ этомъ сосѣдямъ, и всѣ такъ и рѣшили, что это ко-

ровья смерть. Стали служить молебны великомученицъ Параскевѣ Пятницѣ—и скотина перестала валиться. Съ тѣхъ поръ вотъ въ этой деревнѣ празднуютъ Девятую пятницу—на девятый недѣли послѣ Пасхи—и такого большого уското́ря ужъ болѣе у нихъ въ деревнѣ не случалось.

— Вотъ я дивлюсь тому, что нѣкоторые пастухи много знаютъ: передъ выпускомъ скотины въ поскотину иной скажетъ заговоръ—и у него ни одна корова въ кругъ не зайдетъ; звѣрь ее не тронетъ и болѣзнь не посѣтитъ. Бываютъ же на свѣтѣ мудреные люди. Диво только: откуда они такой мудрости нахватываются? Вопръ, если на свадьбѣ дружка мало знаетъ, токо находятся колдуны, которые весь поѣздъ обрабаютъ въ стаю сърыхъ волковъ, а тѣ и губятъ нану скотину; или, колдунъ возьметъ, да жениха или невѣсту испортитъ. Съ ума и скидываетъ ихъ. На Основкѣ и теперь есть порченная баба. Стоитъ въ церкви за сбѣдной—все ничего, а какъ запоютъ „Иже херувимы.“—закричитъ, упадетъ, сама забьется—и пѣна у роту. Херувимскую пропоютъ—стихнетъ. Замѣть ты: это съ ней случается каждую службу... Диво, да и только.

— Всѣ колдуны свою такую мудрость получаютъ не отъ Бога, а отъ дьявола,—замѣтитъ Таганька.—Они продадутъ дьяволу свою душу, ну, отъ него въ награду получаютъ силу дѣлать на землѣ, что они хотятъ, а душу свою губятъ—придется ей горѣть въ вѣчномъ огнѣ.

У тебя, Тима, отецъ слылъ за колдуна; много народу ходило къ нему и онъ много зналъ: умѣлъ дѣвокъ, ребятъ привораживать, ни одна свадьба безъ него не обходилась—вездѣ онъ былъ дружкой. И когда онъ былъ въ поѣзду, никто не смѣлъ подступиться, чтобы испортить молодыхъ. Ты не знаешь ли какіе заговоры онъ зналъ?

— Какъ не знать: онъ мнѣ много заговоровъ по-

вѣдать и многому научить, но этимъ дѣломъ я самъ заниматься не сталъ—побоялся губить свою душу. Словъ не говоря, сначала, послѣ смерти отца и ко мнѣ народъ ходилъ, денегъ, муки, масла, яицъ подавали, но я не бралъ и всеѣмъ говорилъ, что я ничего не знаю: мнѣ отецъ ничего не сказалъ.

— Скажи мнѣ какойнибудь заговоръ?

— Хочешь я тебѣ скажу заговоръ „для господъ.“ Идя къ начальству, только скажи этотъ заговоръ, оно для тебя будетъ милостиво, и что ты захочешь, все для тебя сдѣлать.

— Ну, скажи.

— Слушай.

— Ладно.

„Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Господи Иисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ. Помолюся я, рабъ божій,—и. р.—Господу Иисусу Христу и животворящему кресту и матушкѣ Пресвятой Богородицѣ, святымъ ангеламъ и архангеламъ, херувимамъ и серафимамъ, первоверховнымъ апостоламъ Петру и Павлу и всеѣмъ святымъ, Николаю Чудотворцу, безсребренникамъ Козьмѣ и Даміану, Киру и Іоанну, мученикамъ и пророкамъ и всеѣмъ святымъ о вспоможеніи мнѣ, рабу божью—и. р.—Какъ рада заря свѣту и свѣтъ солнцу, такъ бы и мнѣ, рабу божью—и. р.—возрадовались и возвеселились цари и царицы, князья, бояре—и. р.—судьи и вельможи, и воеводы, и всякихъ чиновъ люди, чиновники и все православные христіане.

И какъ мать увидитъ отлученнаго дитя, возрадуется и возвеселится и такъ бы мнѣ, рабу божью—и. р.—возрадовались цари и царицы, князья и бояре—и. р.—судьи, вельможи, воеводы и всякихъ чиновъ люди и

чиновники и все православные христиане, всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

И какъ идутъ въ божью церковь цари и царицы, князья и бояре, Николай, Василій, Катерина и Михайло, судьи, вельможи, воеводы и всякихъ чиновъ люди и чиновники и все православные христиане, не думаютъ не зла, не лиха, не думаютъ на ликъ божій, на иконы святыхъ, такъ же бы на меня, раба божья—и. р.—не думали бы не зла, не лиха, всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Какъ возрадуется матушка Пресвятая Богородица, святыи ангелъ хранитель и архангелы, херувимы и серафимы, первоверховные апостолы, мученики и пророки и все святые Господни Воскресенію Христову, Пасхѣ, Христовому дню, такъ бы на меня, раба божья—и. р.—возрадовались и возвеселились цари и царицы, князья и княгини, бояре и судьи, вельможи и воеводы и всехъ чиновъ люди, чиновники, и все православные христиане, возрадуются и возвеселятся, всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

И какъ на вольномъ свѣтѣ святые отцы, мученики и пророки устъ не отворяли, рукъ не поднимали, такъ бы на меня, раба божья—и. р.—цари и царицы, князья и бояре, Николай, Василій, Катерина и Михайло, судьи, вельможи, воеводы, всякихъ чиновъ люди и чиновники и все православные христиане устъ не отворяли и рукъ не поднимали, всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь."

Вотъ, этотъ и весь заговоръ. И тебѣ еще скажу заговоръ на рыбную ловлю. Слушай.

„Какъ въ великодневные утренники и обѣдни собираются и освѣжаются пономари и трапезники, дьячки и дьяконы, поны и протопоны, архирей и архимандриты, князья,

божре и преодолимыя власти, такъ бы ко мнѣ, рабу божью—и. р.—сбирались, сбѣжались все божьи рыбы, безотмѣнно, безотворотно въ мою ловлю, вовѣки вѣковъ. Аминь.

— Однако толково они выдуманы,—похвалить Таганька.

— Дураку ужъ ничего и начинать ихъ выдумать... А ты слыхалъ, какъ ловили разбойника колдуна Анику?

— Слышать-то слышать, да что-то худо помню. Ты расскажи, какъ дѣло было, а я послушаю.

— Около села Марьи́на появился Аника разбойникъ, и никому-то онъ не давалъ пощады: воровалъ, грабилъ, поджигалъ и людей убивалъ какъ скотину. Все боялись его. Куда ни придетъ, все, что онъ ни попроситъ, до слова ему отдавали и отъ начальства его хоронили, чтобы онъ какого зла кому не сдѣлалъ: для него, лихого человѣка и село спалить ровно ничего не стоитъ.

Наконецъ, отъ Аники крещенымъ не стало совсемъ житья. Они сговорились все вмѣстѣ, подкараулили его въ сѣновалѣ, когда онъ спалъ, и давай его хлестать чѣмъ попало: кто полѣномъ, кто стягомъ. „Бьютъ,“ бьютъ его—а ему ничего не „диется,“ кажется на немъ не осталось ни одного живаго мѣстечка, а онъ все шевелится. „Православные, ужъ самъ онъ взмолился, принесите деревянную изъ подъ телѣги ось, да и хлещите ею по мнѣ—тогда убьете, а то напрасно сами бьетесь, да и меня мучите: вамъ меня не убить.“ Пошли въ деревню, взяли „погрузнѣ“ ось, такъ что она близко къ двумъ пудамъ будетъ, да такую-то осью и стегнули колдуна по банкетъ—у него и духъ вонъ. Подрѣзали ему подъ

колѣнамъ жили, чтобы онъ не ожилъ, стащили его къ каменной бабѣ и похоронили около нея.

— Что это такая за каменная баба?—спросилъ Таганька.

— Эту бабу я и самъ видѣлъ—нарочно ходилъ ее смотрѣть. Лежить въ полянѣ большущій, пребольшущій камень, и похожъ онъ на бабу.

— Отчего онъ тутъ очутился?

— Была одна баба и любила она въ праздники работать. И вотъ разъ въ воскресенье пошла она жать; только дошла до этой поляны—и обратилась въ камень. И по дѣломъ ей: не работай впередъ въ праздники.

Долго же у тебя я закалялся—мнѣ домой пора идти. Прощай. Счастливо тебѣ оставаться.

— А тебѣ счастливо идти. Ты ночью одинъ не боишься идти?—спросилъ Таганька, видя, что Тима въ нерѣшительности переминается съ ноги на ногу.

— Пожалуй. Что-то послѣ такихъ разказовъ „жутко“ становится.

— Такъ ты немножко „помани“—скоро придетъ Тишка, то онъ тебя проводитъ.

— Ладно.

Немного погодя, Тима, въ сорисовожденіи Тишки, появился домой.

VIII.

Семья у Таганки стала опять большая. У Тишки было шестеро ребятъ: три сына и три дочери. Двѣ старшія дочери вышли замужъ и уже завелись ребятами, а младшая Катюшка была невѣста—восемнадцатилѣтъ. Старшій сынъ, Олешка, уже женился и имѣлъ сына и двухъ дѣвокъ, средній, Егорко, былъ двадцатилѣтъ, на будущій годъ подлежалъ призыву, третьему

Ванькѣ пошелъ девятнадцатый годъ. Олешка при призывѣ зачисленъ былъ въ ратники ополченія перваго разряда и уже отбылъ онъ въ городѣ оба мѣсячные сбора.

На такую семью, на круглый годъ едва только хватало хлѣба, а въ неурожайные же даже съ весны приходилось покупать. Сѣнокосу, при раздѣлѣ его на четверыхъ, стало мало; новыхъ расчистили немного,—такъ какъ остальная ихъ земля, находившаяся подъ лѣсомъ, была песчана, неудобна для сѣнокосу. Хотя и были гдѣ-индѣ мѣстечка, которыя бы можно изладить подъ сѣнокосъ, но они находились далеко отъ деревни, сильно заросли лѣсомъ, поэтому при расчисткѣ требовали много работы; много нужно ставить кругомъ ихъ огорода, чтобы охранять ихъ отъ скота, да и мѣстечка были высокія; ну, первые года послѣ расчистки трава поросла бы хорошая, а потомъ бы она переродилась и стала бы на ней расти одинъ упругій, хотя и сѣдобный, бѣлоусъ, котораго даже коса днемъ не возьметъ; а главное, владѣніе землей у всѣхъ было общее,—сообща производить расчистку покосовъ мужикамъ ни за что не собраться, а одному работать—нѣтъ расчёту: сосѣди могутъ покосъ, какъ устроенный на общей землѣ, отобрать и раздѣлить между собою.

При всей своей аккуратности, Тишка, теперь уже за дряхлостью отца управлявшій всѣмъ домомъ, съ трудомъ прокармливалъ двухъ лошадей, трехъ коровъ, двухъ теленковъ и шести овецъ. Коровы, какъ и прежде, были малорослые, молока давали пустяки—оно кругомъ расходилось для пропитанія своей семьи.

Каждый день вся семья пила чай; самъ Тишка и сынъ Олешка курили, то и дѣло покупали табакъ, спички, бумагу; одѣваться стали, особенно въ праздничное время, во все покупное: дѣвки и бабы носили ситцевые

и кумачные сарафаны и платья, суконные и казинетовыя кофты и шубы, а на головахъ ситцевыя платки и шерстяныя большія шали; а мужики, ребята—ситцевыя и кумачныя рубахи, суконныя и казинетовыя пиджаки, штаны, поддевки и шубы; обувь, противъ прежняго, вдвое дороже стоила, такъ что, прокормить обусть, одѣть такую семью, а особенно двухъ жениховъ царней и дочь невѣсту—что нибудь да стоять.

Дѣвки уже стали забрасывать свои сарафаны, которые такъ красиво облевали ихъ полныя станы и подражали горожанамъ: отдавали портнихамъ шить кофты, которыя крайне неуклюже сидѣли на нихъ, и надѣвали зимою, такъ поверхъ шалей и платковъ, шляпки.

Еще въ будни одѣвались скромно—встрѣтишь на мужикахъ домотканныя холстинныя рубахи, порты и куртки двухшовки, и на женщинахъ своего издѣлія бѣлыя рубахи и шерстяныя коровьи юбки, а въ праздники, особенно подгородныя молодежь, ходили нарядно.

Въ образѣ жизни крестьянъ не произошло большой перемѣны: главными источниками жизни являлись хлѣбъ и лѣсъ, добыча которыхъ велась способами, установленными ихъ дѣдами и прадѣдами. Многіе жили также грязно; у нѣкоторыхъ въ новыхъ домахъ стали появляться бѣлыя печки—съ трубой, и окна, похожія на городскія но только небольшія, съ аршинъ вышины и въ домахъ у нихъ стало почище. Такъ какъ дома были обширныя, а лѣсъ за послѣднее время сильно вздорожалъ, дома же отъ нагрѣваемой для скотины воды сильно прѣли и скоро ихъ приходилось перестраивать, то нѣкоторые къ домамъ пристраивали небольшія низенькія избышки зимовки и жили въ нихъ зимою, а на лѣто переходили въ большіе дома, гдѣ у иныхъ даже соблюдалась довольно хорошая чистота.

Среди деревни стоялъ бѣлый, съ черной извивающейся кругомъ его полосой, столбъ; къ нему приколочена доска съ надписью: „Деревня Житьево. 23 дома 124 жителя.“

Молодежь же, выросшая за время послѣ крѣпостного права, отличалась сильною самостоятельностью въ своей жизни.

Какъ только ребята начинали ходить, они со своими братишками и сестренками все весеннее, лѣтнее и осеннее время бѣгали по деревнѣ, по полямъ, лугамъ и лѣсамъ. Взрослые были заняты работой—имъ не до ребятинекъ: они даже рады, что ребята бѣгаютъ на волю, хоть дома не мѣшаютъ. Да въ лѣтнее время отцы и матери находились въ полѣ, на сѣнокосѣ, а своихъ дѣдушекъ и бабушекъ ребята не больно боялись: въ случаѣ, если они напалятъ, то убѣгали отъ нихъ; а старики поворчатъ на нихъ и тѣмъ дѣло кончалось.

Лѣтъ съ восьми дѣвочки начинали прясти, плести кружева и косынки, подсобляли матерямъ въ обрядахъ, а ребята лѣтъ съ десяти ужъ брали въ руки топоръ и помогали въ работѣ своимъ отцамъ: рубили дрова, драли корье и бересту, боронили, косили и гребли.

Многіе изъ ребятинекъ и совсѣмъ мало изъ дѣвочекъ, учились на дому отъ проходящаго учителя немного пописывать и почитывать, порядочно ихъ училось и кончило земское училище, находившееся отъ Житьева въ четырехъ верстахъ и существовавшее уже лѣтъ десять.

Въ училищѣ ребята познакомились съ Ветхимъ и Новымъ заветомъ; и хотя въ очень краткомъ содержаніи, съ русской исторіей, географіей, физикой, зоологіей, ботаникой, минералогіей, научились письменно излагать свои мысли и рѣшать задачи на какія угодно простыя и именованныя числа.

Кругозоръ кончившихъ земское училище, какъ ни кратки были сообщенныя имъ свѣдѣнія, былъ гораздо обширнѣе чѣмъ у неграмотныхъ, да и сами они были развитѣе своихъ сверстниковъ. Въ рукахъ же кончившихъ земское училище было средство къ дальнѣйшему ихъ самообразованію—расширенію ихъ краткихъ знаній, если въ комъ являлось къ тому желаніе и если подъ руками находились необходимыя книги.

Лѣтъ съ пятнадцати, съ шестнадцати уже топоръ, пила, вилы, коса, являлись постоянно въ рукахъ нашихъ ребятъ, а года черезъ два, три—и соха.

Какъ ребятамъ наступало время, когда ихъ можно было женить, то есть восемнадцать лѣтъ, то отцы женили почти всѣхъ одиначекъ, а нѣкоторые женили и тѣхъ, которые должны получить при отбываніи воинской повинности льготу второго и третьяго разряда, а другіе женили безолыготныхъ, чтобы ребята не избаловались, да иногда въ семьѣ нужна была работница. При женитьбѣ, обыкновенно, сами ребята выбирали себѣ невѣсты; родители, если выборъ невѣсты имъ не нравился, уговаривали сына жениться не на этой а на другой, но въ концѣ концовъ, большею частью, хотя и скрѣпя сердце, соглашались на бракъ сына по его выбору. Конечно, бывали и такіе браки, гдѣ, уступая волѣ родительской, сыновья женились, а дочери выходила замужъ и за такихъ, какіе имъ не нравились. Такіе браки бывали рѣдко счастливы.

Безолыготные, освободившись отъ призыва, а принятыя на службу женились тотчасъ же по окончаніи ея: въ деревняхъ парень, лѣтъ двадцати шести, считается между дѣвockъ уже пожилымъ; онъ стѣсняется ходить по посидѣлкамъ, гдѣ надъ нимъ молодежь подсмѣивается и обзываетъ старикомъ.

Надъ крестьянами очень много начальства, которое имѣеть надъ ними большую власть: сельскій староста, волостной старшина и земскій начальникъ могутъ, безъ всякаго суда, по своему только усмотрѣнію, посадить подвѣдомственнаго ему мужика подъ арестъ; исправникъ, становой приставъ могутъ приказать старшинѣ или старостѣ подвергнуть крестьянина аресту, и тѣ ихъ приказанія исполнять безпрекословно: иначе вмѣсто крестьянъ придется самимъ сидѣть подъ арестомъ... И надъ одними только крестьянами тяготѣло тѣлесное наказаніе.

Всѣ эти наказанія тяготѣли только надъ горетью и то самыхъ лучшихъ, болѣе развитыхъ и цѣнящихъ челоѣвскую личность крестьянъ. Эта гореточка знала, что существуютъ такіа неблагопріятныя условія для ихъ жизни, гдѣ свой же собратъ—волостной старшина или сельскій староста, не говоря уже про другое вышее для нихъ начальство, единственно по собственному своему капризу, можетъ лишить ихъ свободы, и вправѣ или не вправѣ они это сдѣлають, жаловаться, за исключеніемъ очень рѣдкихъ случаевъ, совсѣмъ нельзя. Что же касается норки—то висѣніе надъ ихъ головами такого нозорнаго наказанія, для нихъ было очень унизительно, хотя на дѣлѣ оно очень рѣдко примѣнялось: въ ихъ волости и въ нѣсколько-то лѣтъ развѣ случалось одно, два постановленія волостного суда съ примѣненіемъ тѣлеснаго наказанія; но нерѣдо и эти постановленія отмѣнялись нѣкоторыми земскими начальниками.

Да и самая норка болѣею частью исполнялась только на бумагѣ: немного находилось людей, которые въ спокойномъ состояніи рѣшились бы наносить мученіе и позоръ тѣмъ, кто лично не причинилъ имъ никакого зла. Надъ нѣкоторыми обвиняемыми происходила только одна процедура норки: наказываемый, спустивъ

съ себя порты, ложился на полъ, и десятскій слегка хлестать его раза два. „Ну, съ него и этого будетъ,“ — останавливалъ его старшина. Иногда же старшина вызывалъ наказуемаго для порки, тотъ кланялся ему въ ноги и просилъ не подвергать его такому позорному наказанію. Добрый старшина, не приводя въ исполненіе, отмѣчалъ, что приговоръ волостного суда исполненъ.

Да и наказывать жестоко лихихъ людей, отчаянныхъ головъ, часто не смѣлъ ни волостной судъ, ни старшина, ни десятскій—они боялись этихъ людей: въ отместку отъ нихъ можно ожидать себѣ всякаго зла. Для иного, у кого потеряна совѣсть совѣсть, ничего не стоитъ спалить сѣноваль, даже домъ, или, при удобномъ случаѣ изувѣчить человѣка или прибить его на смерть. Со своимъ же волостнымъ приходится встрѣчаться—и жди отъ него бѣды. Лучше уже не наживать, если есть возможность, себѣ враговъ изъ лихихъ людей: не хуже отъ нихъ оставаться въ сторонѣ.

Большая же часть крестьянъ, какъ народъ еще темный, даже не знали своихъ и должностныхъ лицъ правъ, и мало чувствовали надъ собою тяготѣнія начальства: сельскіе старосты и волостные старшины почти не злоупотребляли своею властью, земскіе же ограничивались сниманіемъ передъ ними шапокъ: только за этимъ они строго слѣдили.

Тяготѣніе же начальства чувствовали одни десятскіе и сотскіе, служившіе безвозмездно, по очереди. Ихъ гоняли съ пакетами урядники, пристава, исправники, которые иногда очень злоупотребляли своею властью, зная, что надъ ними суда нѣтъ и на беззаконныя ихъ дѣйствія пожаловаться не смѣютъ. Хотя впоследствии и вышелъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ разъясняющій, что десятскіе не могутъ быть посылаемы съ пакетами урядниками и приставами, но полицейское на-

чальство не обращало вниманія на циркуляръ министра и гоняло съ пакетами десятскихъ. Попадались такіе пристава, которые со всей волости безъ всякой надобности собирали къ своему прїѣзду въ правленіе десятскихъ и сотскихъ. Какъ-то къ одному приставу явился десятскій черезъ пять минутъ послѣ переклички—онъ отлучился недалеко отъ правленія и не успѣлъ посѣтить къ прїѣзду пристава—то приставъ приказалъ старшичѣ посадить его подъ арестъ; спустя полчаса, велѣлъ выпустить, и въ сильную мятель послалъ съ пакетомъ къ уряднику, жившему отъ него за двадцать верстъ; мало этого, еще вызвалъ къ себѣ въ станъ, единственно только за тѣмъ, чтобы посмотреть его, изъ-за чего десятскому пришлось тащиться напрасно въ одну сторону около сорока верстъ. Но крестьяне смотрѣли на должность десятскаго какъ на обязательную и необходимую для нихъ повинность, которую отбывъ—и къ сторонѣ: тогда живи спокойно нѣсколько лѣтъ—ни кто-то тебя не потревожитъ.

Крестьяне занимались хлѣбопашествомъ, кормились отъ своихъ трудовъ, платили подати, поставляли солдатъ—и тѣмъ дѣло ограничивалось. И жили многіе такъ, что сами не знали, что они завтра, или черезъ недѣлю, или черезъ мѣсяцъ, или черезъ годъ будутъ ѣсть: хлѣбопашество шло у нихъ первобытнымъ порядкомъ и не смотря уже назрѣвшее для нихъ время, они къ культурѣ не стремились—даже они не знали ее, а учителей, которые бы на дѣлѣ показали имъ развитіе полевого хозяйства, покаместъ еще не видать.

IX.

Приближался храмовой праздникъ, лѣтній Кузьмовъ

день—1-е Июля. Во всѣхъ деревняхъ приготовлялись къ встрѣчѣ этого праздника. Въ Жигевѣ сообща варили пиво: собирали съ каждаго дому известное количество ржи, загружали ее въ воду и держали тамъ до тѣхъ поръ, пока она не дастъ большихъ ростковъ; затѣмъ рожь сушили и мололи—и получался солодъ. Часть мужиковъ, на которыхъ въ этомъ году падала очередь, притащили на рѣчку, протекавшую вблизи деревни, большой котелъ и два громадныхъ чана. Повѣсили котелъ на перекладнѣ, наполнили его водой, развели подъ нимъ огонь, вскипятили воду, всыпали въ него положенное количество солоду, потомъ долго кипятили. Когда солодъ весь выпрѣлъ, то сусло черезъ солому, вложенную въ кадушку съ дырой на днѣ, перегоняли въ чаны: на соломѣ оставались отброски солода, а въ чаны протекало чистое сусло. Такъ кипятили нѣсколько котловъ, пока сусломъ не наполнились оба чана. Сусло ведрами дѣлили между собою: дома каждый ужъ по своему приготовлялъ пиво: клать въ сусло хмѣлю, давать суслу съ хмѣлемъ бродить не однѣ сутки, потомъ процѣживалъ въ бочки, которыя плотно закупоривалъ и ставилъ на погребъ, а если его не было, то въ сѣнникъ. Осадки отъ пива сливали въ бутылки и на нихъ, какъ на дрожжахъ, пекли пироги.

Наканунѣ праздника нѣкоторыя мыли въ избѣ полы и стѣны.

Въ праздникъ поднимались очень рано, наряжались въ лучшую одежду и отправлялись къ заутренѣ и къ обѣднѣ. Дома оставались однѣ обряжухи, которыя пекли пироги и варили похлебку.

При церкви былъ одинъ священникъ и одинъ псаломщикъ. На клиросѣ встало нѣсколько мужиковъ и ребятъ. Они на всѣ-то лады, стараясь перекричать другъ друга, подсобляли своему дьячку, глуховатому старичку.

къ тому же еще часто забывавшемуся.

Послѣ молебна народъ высыпалъ на площадь, гдѣ въ этотъ день происходило каждый годъ гулянье.

День былъ ясный и жаркій.

На площади торговцы въ лавкахъ, устроенныхъ полукругомъ, разложили свои товары: ситцы, платки, матерьи, пряники, конфекты, жестяные чайники; среди площади, на травѣ расположились съ лантями; рядомъ съ ними—съ корзинами и кузовами, а далѣе съ граблями и горшками; съ воевъ продавали косы.

По за лавкамъ тянулся березовый лѣсъ. Березы были въ полной зелени, такъ и манили къ себѣ подѣтънь. Далѣе, по дорогѣ, пролегавшей подѣ гору, къ рѣчкѣ, тянулись луга, гдѣ выглядывали изъ зеленой травы бѣленькіе, голубенькіе, красненькіе, желтенькіе цвѣточки. Къ площади примыкало ржаное поле, красиво колебавшееся при малѣйшемъ дуновѣніи вѣтерка.

Одни подошли къ лавкамъ. Они смотрѣли, торговались и покупали товаръ; другіе среди площади сѣли кучками, а большая часть расположились подѣ березами и ѣли пироги принесенные изъ дому хозяйками.

Подкрѣпившись, молодежь стала расхаживать по дорогѣ, начиная по площади и спускаясь къ самой рѣчкѣ.

Видѣ гуляющаго народа былъ очень красивый: платья и сарафаны на дѣвкахъ и бабахъ, а на ребятахъ рубахи, подпоясанные шерстяными съ большими кистями поясами, были самыя разноцвѣтныя: и красныя и бѣлыя, и голубыя, и малиновыя, и розовыя и другихъ яркихъ цвѣтовъ. Цвѣта нестрѣли, перемѣнялись и красиво колебались въ гуляющей толпѣ.

Любимыя цвѣта нашихъ крестьянъ: красный, малиновый, бѣлый, голубой. Эти цвѣта всего болѣе идутъ

къ нимъ, потому что вся природа, окружающая крестьянъ—лѣсъ, луга, поля, и дома—носятъ темный, зеленый, желтый, сѣрый видъ, и постоянное однообразіе цвѣтовъ утомляетъ глазъ, поэтому, при такой природѣ, глазу пріятно видѣть другіе яркіе цвѣта.

Подъ березами ребята завели „кругъ“—пляску. Парни пригласили себѣ по дѣвкѣ и по парочкѣ встали кругомъ. Ихъ обступили мужики, бабы и ребятишки. Гармонникъ, поправивъ себѣ на бокъ картузь, заигралъ плясовую. Выступила одна пара. Дѣвка степенно, прямо держась, притопывала ногами, а парень передъ нею откалывалъ разныя колѣна, начиная мелкой дробью и кончая вприсядку. У него даже руки и плечи двигались подъ тактъ гармоньи.

Гармонникъ попался хорошій; подъ звуки его гармоньи и другихъ такъ и подмывало на пляску; нѣкоторые даже пошевеливали плечами и притопывали на мѣстѣ, а но за кругу пьяные мужики пустились даже вприсядку.

Плясавшій парень, подбодряемый криками окружающихъ, совсѣмъ разошелся и своимъ звучнымъ голосомъ подъ гармонью запѣлъ:

Шевелись, конайся,
Въ руки не давайся!

Охъ, рукава кума купила,
Поставушку продала,
Рукомойничекъ разбила
И сама плясать пошла!

Эта пара плясать перестала. Ихъ смѣнила другая пара.

Такихъ круговъ нѣсколько завели; ребята и дѣвки весело въ нихъ наплясывали.

Въ послѣднее время урядники не дозволяли на гуляньяхъ заводить круги и играть на гармоньяхъ: иногда въ кругахъ начинались драки; но драки можно предупреждать мѣрами сельской полиціи—усилить число десятскихъ, которые и безъ того приходятъ на гулянье; поставить бы по десятекому къ каждому кругу, тогда бы они не допустили драки, и народъ не лишился бы единственного своего національнаго невиннаго развлечения.

Къ часамъ четыремъ стали появляться пьяные мужики и что-то есть мочи затыгивали веселыя и протяжныя заунывныя пѣсни; но къ нимъ подходилъ со знакомъ на груди и съ батономъ въ рукахъ десятскій и предупреждать, чтобы пѣсенъ больше не пѣть, иначе они угадають въ кутузку. Мужики, крѣпко выругавшіеся, переставали пѣть, а другіе заводили съ ними ссоры, такъ что тѣ были не рады, что и сказали.

Нѣкоторые изъ мужиковъ сильно захмѣлѣли, свалились около дороги на лугъ и громко храпѣли; пользуясь ихъ беззащитнымъ положеніемъ, мухи кружились надъ ними и садились на лицо и на руки.

Народъ началъ расходиться. По дорогѣ, подъ гору, шель, пошатываясь, здоровенный большого роста мужикъ и самымъ отчаяннымъ теноркомъ пѣлъ:

Всѣ птички канарейки
Такъ жалобно ноютъ.
Съ тобой, мой расхороній,
Разлуку намъ даютъ.

Разлука, ты, разлука,
Чужая сторона,
Никто насъ не разлучить,
Какъ мать сыра земля.

И нашъ мужикъ горько заплакать. Его расхоро-

шая—баба, сзади толкала его и сердито ворчала:

— Иди, ты, иди, орало, скорѣе домой, вѣдь мнѣ обряться надо, а съ тобой пробредешь цѣлый вечеръ и въ полночь прикатишь домой.

Х.

Къ Тишкѣ пришло много гостей: два зятя съ женами, съ отцами и матерями, братья, сестры и племянники свои и жены и невестки. Всѣ гости долго гуляли по деревнѣ, и плотно поужинавъ, улеглись спать на сараѣ—на повети.

Хозяйка Тишки поднялась еще до солнышка. Она разбудила невестку и затопила печку. Невестка пошла доить коровъ.

По деревнѣ уже молодой пастухъ на рожкѣ наигрывать. Скрипѣли ворота и съ мычаніемъ выходили коровы и телята, а по за нимъ съ блеяніемъ выбѣгали овцы.

Когда выгнали всѣхъ коровъ, пастухъ, похлопывая бичемъ и громко покрикивая, погналъ ихъ на пастбище. Коровы, растянувшись по прогону, шли вереницей, и выйдя изъ прогона, разбрелись по лѣсу, перекликались другъ съ другомъ. Пастухъ, загородивъ жердями прогонъ, возвратился въ деревню гулять вмѣстѣ съ ребятами—сегодня и ему праздникъ.

Невестка Тишки стала подсоблять своей свекрови: приготавливать похлебку и печь пироги.

Одинъ за другимъ поднялись гости. Каждый изъ рукомоиника умылся холодной водой, утерся холстиннымъ полотенцемъ и помолился нредъ иконами Богу.

Огромный самоваръ уже пыхтѣлъ на повети и надувался. Его внесли въ избу и поставили на столъ. Типика заварилъ чаю, налилъ всѣмъ чашки и подаль

гостямъ. Гости, откусывая понемногу изъ взятаго изъ сахарницы куска, пили изъ блюдечка. За чаемъ закусывали рыбникомъ; рыба изъ него была вывалена на тарелку, а корки разрѣзаны на небольшіе куски. Рыбу брали прямо пальцами—вилокъ не имѣлось. Чаю пили много—чашекъ по пяти, семи и болѣе. Напившись чаю, чашки вверхъ дномъ на блюдечко опрокидывали и клали на дно оставшіеся кусочки сахара.

Немного погодя, завтракали—ѣли нѣсколько теплыхъ, только что вынутыхъ изъ печи налеушекъ.

Около полудня уже собрались обѣдать. Передъ обѣдомъ мыли руки. Тишка усадилъ въ передній уголъ затевей и сватовей, какъ болѣе почетныхъ гостей. Хозяйка подала на столъ большую кулебяку—рыбникъ, а изъ стаканчика Тишка обносилъ всѣхъ виномъ по очереди, не пропуская и невзрослыхъ, и пивомъ изъ кружки, въ которую наливалъ изъ мѣдной „яндовы.“

— Вышей, сватушко,—подчивалъ Тишка водкой.

— Ну-ко, самъ-то ты на здоровье.

Тишка глотнулъ изъ стаканчика водки, долилъ его и подаль свату. Тотъ осушилъ стаканчикъ.

Послѣ рыбника ѣли изъ одного блюда и изъ одной чашки деревянными большими ложками мясныя щи, жареную картошку, пшеничную кашу, молоко, а потомъ пирогъ съ макомъ и пирогъ съ изюмомъ. Пироги были изрѣзаны на мелкіе четырехугольные кусочки, которые цѣликомъ попадали въ ротъ.

Молодежь послѣ обѣда пошла гулять, а пожилые гости отдыхать. Часовъ около четырехъ паужнали, около шести пили чай съ пирогами, а около десяти ужнали; ѣли съ аппетитомъ и всего много. Можно было удивляться, какъ все это могло вмѣщаться въ ихъ брюха.

Вечеромъ молодежь собралась у маховой качели,

стоявшей на краю деревни. Ребята садили дѣвокъ на бѣсѣдку и колами попеременно качали ихъ. Иногда раскачаютъ выше переклада, такъ что при опусканіи слабнуть веревки, дѣвка боится, ухаетъ, а ребятамъ смѣшно—они еще выше стараются раскачать ее. Накачавши ее вдоволь, останавливали колами, подставленными попереку веревки; случалось, что дѣвка качается еще въ половинѣ качели, ребята, подмигнувъ другъ другу, схватывали за веревку—дѣвку всгряхивали, и она чуть не перекувыркивалась черезъ голову.

Всѣмъ надобно качаться; ребята и дѣвки въ кружокъ устѣлись на траву; каждый паренъ очутился у своей голубушки. Стали пѣть пѣсни.

Катюшка Типки звучнымъ голосомъ затянула, а къ ней пристали остальные дѣвки и ребята и запѣли:

Охъ, прощай жизнь, радость моя.
 Да слышу ѣдетъ милой отъ меня.
 Охъ, темная ночьенька мнѣ не снится.
 Сама я не знаю, право, почему...

Дѣвки обладали сильными голосами; начиная первый куплетъ тихо, онѣ на второмъ брали очень высокія ноты, а потомъ протяжно и не очень громко кончали куплетъ. Изъ души ихъ пѣсни вполне вылились слова поэта:

Что-то слышится роднее
 Въ долгихъ пѣсняхъ ямника:
 То разгулье удалое,
 То сердечная тоска.

Дѣвки и ребята еще пропѣли нѣсколько пѣсент.

Вдругъ, неожиданно вскочила Катюшка и, притопывая ногами, весело запѣла:

И вечеръ молода во пиру была,
 Во пиру была, въ бесѣдушкѣ,
 Не у батюшки, не у матушки—
 У мила дружка, у Иванушка...

Ай-да, Катюшка,—захохотавъ, подбодрили ее ребята и вмѣстѣ съ дѣвками весело подхватили пѣсню. Парень, сидѣвшій съ Катюшкой, заигралъ плясовую. Всѣ встали и пошла пляска.

Наплясавшись вдоволь, всѣ ушли на лугъ. Любый Катюшки заигралъ на гармонѣ коротенькія пѣсни частушки, а Катюшка стала припѣвать:

Пѣсни пой, пока поется:
 Замужъ выйдешь—какъ придется.
 Не придется пѣсень пѣть,
 Придется горюшко терпѣть.

Кого люблю, тотъ не ходитъ:
 Жалѣть сапоговъ.
 Кого душа не принимаетъ,
 Только басень про любовь.

Говорили—не разстаться,
 Какъ шутя разсталася:
 Среди полу я на стулѣ
 Чуть жива осталася.

Массу перепѣли онѣ частушекъ.

Парень съ гармоньей запѣлъ:

Охъ ты, милая моя,
 Сердце камень у тебя—
 Сидишь, не взглянешь на меня...

Среди улицы поднялся шумъ—всѣ побѣжали туда. На дорогѣ дрались два пьяныхъ мужика: одинъ изъ нихъ попеременно сидѣлъ на другомъ и почему понало

колотилъ его кулакомъ. Когда же онъ уставалъ, то лежавшій его смѣнялъ—вывертывался изъ подъ низу и его въ свою очередь тузилъ.

Народъ смотрѣлъ на драку и хотя оба они были въ крови, рубашки па нихъ были въ грязи и изорваны, только подсмѣивался или подбодрялъ того или другого драчуна. Нѣкоторые хотѣли ихъ растащить, но другіе не дали.

— Что ихъ разнимать-то,—сказали они,—подерутся да отстанутъ. А если намнутъ другъ другу бока, того они оба и стоятъ—оба драчуна; впередъ поменьше будутъ на другихъ налѣзать.

Мужики подрались, поуехали, хмѣль немножко повышелъ, и оба, разойдясь въ разныя стороны, въ лужѣ стали умываться. На другой день, встрѣтившись между собою, какъ ни въ чемъ не бывало, любезно поздоровались другъ съ другомъ.

На другой день Тишка унимать гостей еще у него погостить, но тѣ отказались.

— Нѣтъ, спасибо, мы тобой довольны,—благодарили они.—Надо и чередъ знать. Теперь сѣнокосъ, время дорого, а мы и то потеряли понапрасну два—дня. Спасибо за угощеніе.

— Неначемъ,—отвѣчалъ Тишка.—Вы меня не обезсудьте—можетъ быть въ чемъ не угодилъ вамъ.

— Что ты? Мы у тебя угостили такъ, что лучше не надо. Къ намъ милости просимъ въ Савватіевъ день.

— Ваши гости. Впередъ о праздникѣ приходите къ намъ.

— Куда какъ не къ вамъ. Прощай.

— Ну, когда не остаетесь, то счастливо вамъ идти.

— А тебѣ счастливо оставаться.

Проводивъ гостей, Тишка сталъ наколачивать ко-

су—завтра онъ отправляется на сѣнокосъ.

XI.

Настали святки. Дѣвки гадали. Онѣ собрались въ одну избу, по числу дѣвокъ раскладывали на полу кучки овса. Приносили пѣтуха, кружили его и ставили среди кучекъ; изъ которой кучки онъ начинать клевать, то та дѣвка въ нынѣшнемъ году и выйдетъ замужъ. По вечерамъ дѣвки бѣгали по улицѣ и перваго встрѣчнаго спрашивали какъ его имя. Тотъ называлъ. Это имя и должны быть имя жениха. На перекресткахъ же дорогъ онѣ на одномъ мѣстѣ кружились и падали: въ которую сторону дѣвка очутится головой, въ ту сторону она замужъ выйдетъ. Брали изъ полѣнницы первое подвернувшееся подъ руку полѣно. Если оно оказывалось прямымъ, гладкимъ, то и женихъ будетъ красивый, хорошій, а если кривымъ, то—худой. Въ избѣ, оставшись однѣ, дѣвки смотрѣлись въ зеркало, поставивъ напротивъ его сзади себя другое, а между ними свѣчку. И суженый въ зеркалѣ имъ показывался. На ночь подъ подушку клали таракана и говорили: „Суженый,“ ряженный, приходи ко мнѣ ночевать.“ И суженаго онѣ во снѣ видѣли.

Всѣ святки, по очереди дѣвки собирались на посидѣнки другъ къ другу. Даже изъ другихъ деревень къ нимъ приходили съ гармоньями ребята, набивались въ избу смотрящія: бабы, ребятинки, мужики, такъ что иногда не было свободного мѣста даже на печи и на полатахъ. На посидѣнкахъ держались всѣ очень свободно. Ребята, за неимѣніемъ мѣста на лавкахъ, садились къ своимъ голубушкамъ на колѣни, а дѣвки къ нимъ. Одинъ изъ ребятъ игралъ на гармоньѣ, а другіе попеременно по парочкѣ плясали русскую.

Иногда ребята мѣрялись между собой силой. Под-

нимали другъ друга кринкой и мертвецомъ: кринка—одинъ садился на полъ, ноги складывалъ крестъ на крестъ и ухватывался руками за носки, а другой, за подназухи забравъ его спереди, взваливалъ на плечо къ себѣ; а мертвецъ—одинъ ложился въ ростяжку на полъ, а другой, за подъ колѣнки ухвативъ его промежъ своихъ ногъ, ставилъ его на ноги. Нѣкоторые ступу, въ срединѣ выдолбленный толстый комель дерева, зубами ложили на полати; тягались на пальцахъ, одной рукой за ножку поднимали скамейку; выбѣгали на улицу, боролись, ухватившись за воротки или въ охабку. По вечерамъ осенью и зимою дѣвки собираются въ одну избу съ работой: съ пряслицами, съ кутузами и съ шитьемъ. Вмѣстѣ имъ весело: онѣ поютъ пѣсни, шутятъ между собою, про все разговариваютъ, и къ нимъ ходятъ ребята. По воскресеніямъ и праздникамъ затѣвались носидѣнки.

Послѣ святокъ къ Тишкѣ пришелъ сватунъ. Онъ сѣлъ вдоль половицъ и завелъ разговоръ о томъ, что онъ пришелъ сватомъ отъ жениха.

Если женихъ по праву, то онъ спрашивалъ, когда можно пріѣхать смотрѣть невѣсту. Наединѣ въ горницѣ Тишка посоветовался со своей бабой, съ отцомъ и спросилъ Катюшку пойдеть-ли она замужъ за этого парня. Катюшка знала парня, онъ былъ ей любъ, и она сослалась на волю родителей: если они этого хотятъ, то она замужъ идти не прочь.

Тишка назначилъ сватуну день смотрить невѣсты.

Къ этому времени онъ запасъ бутылку водки, а баба наекла пироговъ.

Пріѣхалъ женихъ съ отцомъ, съ матерью, съ братомъ, съ сестрой и со сватуномъ.

Невѣста набѣлилась, наругянилась, нарядилась въ

лучшее платье и вышла къ жениху.

Вся изба наполнилась народомъ.

Сватунъ обратился къ неvěстѣ: „Пройдись-ко, не хромя-ли ты?“ Невѣста проишла и въ свою очередь заставила жениха прогуляться по избѣ. Потомъ они встали рядомъ. Всѣ сказали, что женихъ да неvěста пара, то есть ростомъ и видомъ подходятъ другъ къ другу. При женихѣ неvěста пряла; смотрѣли ее работу. Мать и сестра жениха пошли въ горницу. Тамъ имъ мать неvěсты показывала всю ея скруту. Тѣ пересчитали всѣ шубы, кофты, рубашки, полотенца, юбки и прочее ея приданое.

Гости, усѣвшись за столъ пить чай, сказали, что неvěста и приданое ея имъ любо, и если любовь женихъ, то пріѣзжали бы смотрѣть мѣсто у жениха, и назначили бы день, въ который они пріѣдутъ. Тѣ имъ сказали.

Тишка съ бабой, съ Оленкой и съ неvěсткой на двухъ лошадяхъ подъѣхали къ дому жениха. На улицу вышелъ встрѣчать ихъ женихъ.

Отецъ жениха свелъ гостей въ хлѣвъ и показать имъ лошадей, коровъ, телятъ и овецъ; затѣмъ осматривали хлѣбъ въ амбарѣ и скруту жениха.

Тишка со своими мѣстомъ остался доволенъ. Онъ сталъ уговариваться съ отцомъ жениха насчетъ столовъ, насчетъ приданого, насчетъ подарковъ. Послѣ долгихъ споровъ, рѣшили на томъ, что Тишка дастъ за дочерью приданого: деньгами тридцать рублей, на овчинномъ мѣху суконную шубу, шубное одѣяло, всѣ платья и все бѣлье, которое смотрѣли и кое-что необходимое для женскаго хозяйства: косу, грабли и пр., одарить близкихъ родственниковъ жениха по полотенцу и устроить на другой день свадьбы „хлибины.“

Помолившись Богу, въ знакъ согласья, гости сѣли за столъ, и ихъ усердно стали угощать водкой, чаемъ и пирогами,—это они пропивали невѣсту.

Тишка со своими навеселѣ съ пѣснями подѣзжалъ къ своему дому. У невѣсты собрались подружки и сосѣди. Услыхавъ, что ее пропили, невѣста запричитала:

Что ни ключики ли брякнули,
 Не замочки ли шелкнули,
 Не меня ли запоручили
 За поруки за крѣпкія,
 За письма за мелкія?
 Выручать-то меня—не выручить,
 Выкупать-то—не выкупить,
 Не златомъ, не серебромъ,
 Не всей златой казной.

Вскорѣ сыграли свадьбу.

XII.

Весною по рѣкѣ Печенгѣ, протекавшей на протяженіи верстѣ около трехсотъ пятидесяти, крупные лѣсопромышленники лѣсъ гнали молежъ, то есть, каждое бревно, спущенное въ воду, плыло по теченію само по себѣ внизъ по рѣкѣ. Бревна въ большую воду обыкновенно скатывали съ береговъ: быстрѣе они плывутъ и меньше на мелкихъ мѣстахъ останавливаются и сгруживаются,—но за то массу бревенъ раскидывало по полямъ и тамъ они обсыхали.

На гонку лѣса лѣсопромышленники отправляли партіи рабочихъ: одни изъ нихъ, начиная съ верховья рѣки, шли на хвостѣ сплава—спускали въ воду раскиданныя по берегамъ бревна, а другіе отправлялись впередъ и расчищали заломы—гдѣ лѣсъ останавливался, сгруживался и загоразивалъ проходъ рѣки. Лѣсу по рѣ-

къ Печенгѣ отплавлялось громадное количество, каждое лѣто болѣе милліона бревенъ, то и народу при сплавахъ работало много.

Каждую весну оба парня Тишки Егорко и Ванька были на сплавахъ лѣса. Они на водѣ были бойкіе ребята: стоя на одномъ бревнѣ съ багромъ въ рукахъ, они умѣли свободно плавать, то имъ, какъ и другимъ нѣкоторымъ лучшимъ работникамъ, платили хорошо: на годовомъ содержаніи въ недѣлю рублей по шести.

И нынѣшней весной они ушли уже на сплавъ зарабатывать деньги. Начиная съ мая и до Петрова дня, иногда такъ и до осени они все время не сходили съ рѣки, гнали бревна.

Жизнь ихъ при сплавахъ лѣса была очень тяжелая. Рѣка протекла больше все ненаселенными мѣстами: иногда случалось, что вереть по сорока, по пятидесяти они не встрѣчали на пути никакого жилья.

Кормили ихъ худо: крупянкой, щами изъ тухлой говядины, кашей и заплѣснѣлымъ хлѣбомъ. Хотя на содержаніе рабочихъ, денегъ отъ хозяевъшло порядочно, но приказчики, управлявшіе сплавомъ лѣса, старались загнать себѣ экономію и кормили рабочихъ чѣмъ попало. Рабочимъ и сказать имъ ничего было нельзя—сейчасъ прогнать: въ народѣ—нужда, рабочихъ найдется сколько угодно, всѣ рады хоть сколько нибудь заработать денегъ.

Работа шла партіями по полусуткамъ: одна партія работала полусутки, другая въ это время отдыхала, а потомъ смѣняла первую партію.

Егорко и Ванька все время не сходили съ заломовъ: они, стоя на бревнахъ часто среди рѣки, рассчитали заломы: выдерживали баграми изъ лѣсу, отпихивали и пускали по водѣ передовыя бревна, пока самъ

лѣсъ не двигался массой—тогда они на ходу лѣса перескакивали съ бревна на бревно и выходили на берегъ.

Какъ ни искусно наши ребята держались на бревнахъ, но въ рѣдкій день они могли ухраниться отъ воды: между бревнами проскальзывали въ воду и работали часто мокрые. Ноги же до смѣны никогда не сохли. Иногда же время стояло холодное, дождливое, вѣтряное, вода сильно настывала, и ребятамъ мокрымъ приходилось работать цѣлыя полусутки.

Въ хвостѣ шли харчевки—на длинныхъ плотахъ тесовыя избушки. Въ харчевкахъ жили приказчики и хранили провизию.

Въ мелкую воду харчевки то и дѣло останавливались на каменныхъ и деревянныхъ заѣздкахъ, на камняхъ, на отмеляхъ и на илотинахъ. Иногда какъ съ дубинушкой ни сдвигаютъ ихъ канатомъ, но съ мѣста сдернуть не могутъ,—ребята соскакиваютъ въ воду и тамъ, нерѣдко по часу по поясъ и но плечи работаютъ въ холодной водѣ. Высушиться же до смѣны не придется, приказчики не отпустятся. Уже придя на отдыхъ, сушись у теплины, сколько тебѣ угодно.

Спали гдѣ попало: въ лѣсныхъ избушкахъ, въ сѣновалахъ на голомъ полу, а чаще у теплины, растянувшись на землѣ и осаждаемые тучами комаровъ и мошекъ.

Если кто заболѣетъ, то при сплавѣ ему помощи никакой не подадутъ, а разсчитаютъ, и отправляйся домой; хоть помирай на дорогѣ или дома, простудившись на работѣ—лѣсопромышленникамъ-милліонерамъ нужды нѣтъ: имъ самимъ живется прекрасно.

Наши ребята, еще съ дѣтства закаленные нуждой, холодомъ и голодомъ, все это переносили, ихъ здоровье было жѣлѣзное—ни что на него не дѣйствовало,

и бодрыми и здоровыми возвращались они домой къ лѣтнему Кузьмову дню, и подавали отцу рублей по тридцати пяти своего заработка.

При сплавѣ лѣса иногда сильно матеріально страдали береговые владѣльцы. Сразу по уходѣ воды земля на берегахъ была мягкая и ногами рабочіе вытоптывали луга: бревна советѣмъ мало таскали на плечахъ, а болѣе — по нѣскольку человекъ ухватывались баграми за бревно, одинъ изъ нихъ зашѣвалъ: „О-о-леле-ле,“ тащили его по землѣ, бороздили лугъ и срывали дерно. Бревна волокли не по одному мѣсту, а по всей пожнѣ, гдѣ находили ближе къ рѣкѣ.

При сплавѣ лѣса добровольно платить за убытки луговъ, лѣсопромышленники не считали нужнымъ, и только волей не волей отдавали деньги тѣмъ владѣльцамъ луговъ, которые посудятся съ ними не одинъ годъ и послѣ разныхъ издержекъ, волоките и потери времени докажутъ размѣръ убытковъ.

Между тѣмъ, эти убытки причиняются владѣльцамъ береговъ почти всецѣло по винѣ самихъ лѣсопромышленниковъ: они считаютъ советѣмъ лишнимъ расходомъ поставить партіи рабочихъ на всемъ протяженіи рѣки, чтобы они по мѣрѣ убыли воды спускали въ русло бревна съ береговъ; но богачи-лѣсопромышленники, причиняя постороннимъ небогатымъ крестьянамъ убытки, зиждуть на горѣ другихъ миллионныя состоянія.

ХІІІ.

— Смотрите, ребята, у меня сегодня вы гуляйте тихо, не деритесь, — наказывалъ Тишка своимъ ребятамъ, собиравшимся въ Ильинъ день къ своей сестрѣ. — Ты, Ванька, нонѣ сталъ больно потягивать вино, — это, братъ, нехорошо: пить-то можно, а наливаться нельзя. Да ты

ужь стали и черезчуръ боекъ. Вонъ, въ Вознесеневъ день разодрались наши ребята съ климовскими, то ты къ чему-то сунулся въ драку; ну, тебѣ и попало, носи за бархатъ: голову тебѣ проломилъ Ерунда такъ, что съ недѣлю ты провалялся, чуть живъ остался.

— Тягька, вѣдь тогда климовскіе стали тѣснить нашихъ ребятъ,—замѣтилъ Ванька,—ну, я за нихъ и присталъ, хотѣлъ драку рознять; а мнѣ, не за что, не про что Ерунда хлестнулъ коломъ по головѣ три раза.

— Ты не лѣзь туда, гдѣ драка, а уходи подальше, тогда цѣлѣе будешь.

Ребята ушли. Тамъ у сестры они подвыпили. И опять на улицѣ между климовскими и житѣевскими ребятами завязалась драка. Ванька въ это время сидѣлъ въ избѣ сестры. Съ улицы ему вскричали: „Ванька, климовскіе нашихъ бьютъ!“

Ванька выскочилъ изъ избы и побѣжалъ на шумъ. Тамъ ужь перекидывались полѣньями и камнями. Между дерущимися былъ и Ерунда. Ванькѣ сразу блеснуло на умъ, какъ Ерунда больно его коломъ прибилъ, какъ онъ долго, опираясь отъ болѣзни, страдалъ... И схвативъ первый подвернувшійся подъ руку колъ, побѣжалъ и по головѣ ударить имъ Ерунду. Тотъ, какъ сношъ, слетѣлъ съ ногъ и не встаетъ. Къ нему побѣжали, стали его трясти,—а онъ и не говорить.

„Ерунду убили!“ пронеслось по деревнѣ и драка сразу прекратилась. Ерунда еще дышалъ. Его стащили въ избу.

Ванька съ братомъ и со своими ребятами ушелъ домой. Всѣ были заняты дракой, говорили, кто какъ дрался. Всѣхъ интересовало: оживетъ-ли Ерунда? Если онъ померетъ, то ребятамъ было жалко Ваньки.

Ванька невеселый пришел домой. На другой же день извѣстили, что Ерунда умеръ. Въ домѣ Тишки стало невесело. Мать, зная, что недоброе ожидаетъ сына, можетъ-быть придется навсегда разстаться съ нимъ, сильно жалѣла сына, громко причитала, что онъ погубилъ свою и чужую душу. Тишка то-ли ранѣе былъ ни крѣпокъ и тотъ, лежа ночью на повети, ворочался всю ночь съ боку на бокъ, не могъ заснуть, тяжело вздыхалъ и нѣсколько разъ даже прослезился.

Ванька ходилъ какъ самъ не свой: ему жалко было убитого парня. Какъ онъ ударилъ парня, то сразу пожалѣлъ его. „Напрасно я его коломъ колонулъ, блеснуло у него въ умѣ.“ Онъ радъ былъ тогда же, чтобы этого не случилось, но теперь обратно удара не возьмешь. „Вѣдь парня-то я загубилъ, думалось ему, да и самому придется пострадать. Да я вѣдь не хотѣлъ его убивать, оправдывался онъ самъ съ собою, а только думалъ отплатить ему за нанесенные мнѣ побои. Вѣдь онъ меня коломъ по головѣ на смерть билъ, но ничего, не смертная, такъ вынесла, Богъ помиловалъ, живъ остался, а тутъ вотъ случилась такая оказія: съ одного удара Ерунда умеръ... Не надо бы его колотить, отплачивать зломъ за зло, тогда бы Ерунда живъ былъ, да и мнѣ бы не пришлось страдать.“

Прошло дня два. Вся семья обѣдала. Въ избу вошелъ сотскій. Помолившись предъ иконами, онъ ска-залъ:

— Хлѣбъ да соль.

— Милости просимъ,—отвѣчалъ Тишка.—Садись съ нами обѣдать.

— Нѣтъ, благодарю, я пообѣдалъ, какъ пошелъ сюда.

Все почувствовали недоброе. Бѣти уже болѣе не

могли и вышли изъ-за стола, остались одни ребятинки. У Ваньки больно сжалось сердце.

Сотскій знать всю семью Типки какъ за хорошихъ людей, и какъ ни неприятно ему было, но дѣлать нечего, пришлось объяснить причину своего посѣщенія.

— Ванька,—обратился онъ,—тебя урядникъ велѣлъ привести въ правленіе. Давай, одѣвайся, да пойдѣмъ.

— Ладно,—глухо проговорилъ Ванька,—я сейчасъ иду.

Мать заголосила, и у другихъ семейниковъ навернулись слезы.

— Можетъ-быть, его ужъ болѣе домой не отпустятъ,—сказала Таганька,—то ты его, Типка, благослови; да и ты, мать, чѣмъ ревѣть-то, дай ему свое материнское благословеніе: оно вѣдь на водѣ не тонетъ и въ огнѣ не горитъ.

Типка дрожащими руками взялъ съ божницы икону Спасителя, и, благословляя сына, не могъ удержаться, заплакать, а мать, голося на всю избу, едва благословила своего Ваньку; послѣ нея истово благословили дѣды.

Ванька расцѣловался со своими родными. „Прощай мать, прощай отецъ, прощай дѣдко, прощай побратимко, прощайте всѣ добрые люди,—со слезами на глазахъ говорилъ онъ собравшимся въ избу сосѣдямъ.—Не поминайте меня лихомъ, простите меня, грѣшного: можетъ быть, не видать мнѣ родимыя сторонунки.

Ванька помолился предъ иконами Богу, передъ отходомъ присѣлъ на лавку, и, нахлобучивъ на глаза картузь, въ сопровожденіи сотскаго вышелъ изъ избы. Сосѣди провожали его за деревню и многіе плакали о немъ какъ о покойникѣ.

Дойдя до лѣсу, Ванька взглянулъ въ послѣдній

разъ на родимую деревню, на поля и луга, гдѣ онъ беззаботно жилъ и гдѣ онъ оставлялъ родного отца, родимую мать и своихъ родныхъ, и ему можетъ-быть болѣе ни видать своей родимыя сторонутки,—горько сдѣлалось на душѣ: онъ прослезился, снялъ картузь, перекрестился... и, встряхнувъ себя, приподнялъ голову и круто зашагалъ по дорогѣ, такъ что сотскій едва за нимъ поспѣвалъ.

Урядникъ, допросивъ его, посадилъ до слѣдователя подъ арестъ. Изъ дому Васькѣ носили пироговъ и двѣ недѣли онъ былъ на одномъ сухояденіи.

Пріѣхалъ слѣдователь съ врачомъ и фельдшеромъ. Фельдшеръ вскрылъ трунъ Ерунды. Врачъ опредѣлялъ, что смерть Ерунды послѣдовала отъ нанесенной ему тяжелой раны. Слѣдователь допросилъ свидѣтелей, а потомъ Ваньку, признаетъ ли онъ себя виновнымъ въ томъ, что онъ съ умысломъ нанесъ Ерундѣ тяжелую рану, отъ которой тотъ и умеръ.

Ванька отвѣтилъ:

— Виноватъ, случился грѣхъ такой, и рассказалъ какъ дѣло было.

Слѣдователь, допросивъ Ваньку, сдѣлалъ постановленіе о заключеніи его до суда подъ стражу въ тюремный замокъ.

Ванька уже помирился съ новымъ своимъ положеніемъ и безучастно выслушалъ постановленіе. Онъ наказалъ домой, что завтра его отправятъ въ городъ. Родные пріѣхали и съ плачемъ проводили его.

Съ котомкой за плечами Ванька съ сотскимъ пошлагать въ городъ. Начевали у десятскаго. Онъ напоилъ ихъ чаемъ и накормилъ ужиномъ. Десятскій и его баба отъ души пожалѣли парня.

Щелкнулъ въ тюрьмѣ замокъ. У Ваньки больно

екнуло сердце. Онъ еще свободнымъ взглянулъ назадъ на свѣтъ божій—и тотчасъ же перешагнулъ черезъ порогъ тюрьмы. За нимъ съ шумомъ и грохотомъ хлопнула тяжелая дверь, звякнулъ большой замокъ—и прощай свобода.

XIV.

Стоялъ конецъ октября. Къ Житьеву шелъ лѣсомъ нищій-стариченко, свалился и умеръ. Десятскому сказали, что на ихъ землѣ лежитъ мертвый стариченко. Десятскій собралъ сходъ. На сходѣ мужики порѣшили по очереди караулить трупъ до пріѣзда станового, назначивъ въ очередь на каждыя сутки трехъ человѣкъ. Бросили жеребій, кому съ кѣмъ и когда идти. Два парня и пожилой мужикъ, захвативъ съ собой пироговъ, спичекъ и рогозку, пошли по дорогѣ къ лѣсу. Десятскій же отправился къ становому.

Стариченко, скорчившись, лежалъ на боку; милостыни у него просыпались. Караульщики остановились въ нерѣшительности: собрать ли милостыни въ корзинку,—вѣдь грѣхъ хлѣбу валяться по землѣ, или же оставить ихъ на землѣ: если уберутъ, то какъ-да становой ихъ забранить? Потолковавъ между собою, порѣшили, до стариченка не дотрагиваться; прикрыли его рогозкой, натащали дровъ, развели огонь и стали сидѣть у огня въ ожиданіи себѣ смѣны.

Недѣли черезъ три пріѣхалъ становой, спросить понятыхъ, осмотрѣть стариченка, признаковъ насильственной смерти не нашелъ и велѣлъ его похоронить.

Мужики сколотили кое-какъ гробъ, положили въ него стариченка и на дровняхъ свезли его къ церкви. Священникъ отслужилъ панихиду. Два мужика подняли гробъ на плечи и понесли къ могилѣ. Когда гробъ стали

опускать съ плечъ, худо приколоченныя къ дну гроба доски отстали, покойникъ вывалился изъ гроба и полетѣлъ въ могилу. Стоявшій у могилы сѣдой старикъ, удивился и серьезно сказалъ:

— Вишь, какъ онъ могилѣ-то обрадѣлъ, даже дно вышибъ!

Гробъ спустили въ могилу, положили въ него покойника и могилу засыпали землей.

Егорко же 15 ноября этого года подлежать призыву. Всю осень онъ рекрутился: мало работалъ, все болѣе по посидѣлкамъ ходилъ съ товарищами, наигрывая въ гармонію и припѣвая:

Вы погуляйте-ко, рекрутики,
Да вы послѣднія минутики...

И другія пѣсни.

Призывной участокъ находился отъ нихъ въ сорока верстахъ. Вмѣстѣ съ отцомъ и матерью Егорко поѣхалъ на призывъ. Цѣлымъ поѣздомъ рекрута ѣхали другъ за другомъ.

Призывной участокъ помѣщался въ правленіи, находившемся въ селѣ. Тамъ собралось много народу. Въ первый день рекрута, по объявленіи имъ льготы, вынимали жеребья. Вынувшіе дальнія жеребья, особенно безольготные или имѣвшій второго или третьяго разряда льготу, радовались, а иные, съ ближними жеребьями, были печальны, теряли часть надежды, что они останутся дома.

Да другой день по вынутому жеребью начался пріемъ. Отцы и матери рекрутокъ, въ ожиданіи участи сыновей, на сѣту простаивали по нѣскольку часовъ. Они пріѣхали въ катанкахъ, а сдѣлалась оттепель, такъ что на дорогѣ появились лужи, и ноги всѣ промочили.

нѣкоторые сильно прозябли, но съ улицы не сходили. Принятого рекрута съ плачемъ встрѣчали ихъ матерм. Рекрута сначала причечаливались, а потомъ ужъ бодрились.

Пришла очередь и до Егорка. Онъ парень былъ здоровый: роста средняго, а въ груди вышелъ даже линка на два вершка. Врачъ, не видя въ немъ недостатковъ, спросилъ:

— Здоровъ?

— Всѣмъ здоровъ,—отвѣчалъ Егорко.

— Принять!—крикнуть предсѣдатель.

Одѣвшись наскоро, Егорко вышелъ на улицу.

— Ну, какъ?—спросили его сначала чужіе, толпившіеся ближе къ дверямъ.

— Готовъ,—отвѣчалъ онъ.

— Слышь, matka, Егорка нашего забрили,—сказать Тишка.

Мать заревѣла.

— Полно, дура, ревѣть-то,—унимать ее Тишка.—вѣдь не на вѣкъ его поставили. Послужить, дастъ Богъ, воротится и домой. Вонъ, прежде служба была и 25 лѣтъ, да и рекрутиться-то, гулять, не давали. И помню, какъ поставили Сеньку Вагана: онъ жилъ до самого послѣдняго времени, ничего не зная; пріѣхалъ онъ изъ лѣсу, вдругъ ему сказали, что сходомъ въ солдаты его поставили. Парень опомниться отъ испугу не могъ, какъ его съ десятскимъ отпразднили въ городъ. Ну, тогда, я понимаю, и поплакать можно было, а нонѣ что? Въ солдатахъ, служба четыре года, они еще тамъ ума понаберутся, посмотрятъ свѣту блага, какъ тамъ другіе люди-то живутъ. Смотришь—время незамѣтно пролетѣло—на родину пошелъ.

— Меня такъ нисколько даже не повертѣли.—объявлялъ Егорко:—какъ только смѣряли ростъ и грудь, сразу сказали: „Принять.“

Егорко дома вмѣстѣ съ другими, принятыми на службу рекрутами, гулялъ по посидѣнкамъ.

Насталъ день отъѣзда рекрутовъ. Въ избу Тишки собралась вся деревня. Отецъ, мать и дѣдко благословили Егорка иконой и пожелали ему счастливо служить. Егорко прощался со всѣми, не исключая и сосѣдей. Онъ плакать, жаль ему было разставаться съ родимымъ домомъ; надо было отъ привольной сельской жизни идти подъ строгое начало, и, уѣзжая, онъ не зналъ, вернется ли назадъ. Сердце у него больно щемило. Только, когда онъ выѣхалъ съ отцомъ въ поле, когда до его слуха не стали долетать рыданія матери, терявшей надолго, а можетъ-быть и навсегда другого родного сына, и когда холодный вѣтеръ опанхнулъ разгоряченное его лицо, онъ перекрестился и сталъ спокойнѣе разговаривать съ отцомъ. Отецъ провожалъ его верстъ тридцать, а тутъ Егорко, взваливъ на плечи котомку съ бѣльемъ, пирогами и сухарями, пошагалъ вмѣстѣ съ другими рекрутами.

Придя въ городъ, первымъ дѣломъ Егорко сѣвшиль повидаться со своимъ братомъ; но въ тюрьмѣ ему сказали, что на свиданіе съ братомъ нужно разрѣшеніе слѣдователя. Получивъ разрѣшеніе, вошелъ въ тюрьму. Онъ взрогнулъ, когда захлопнулась за нимъ дверь и щелкнулъ замокъ.

Ванька очень обрадовался ему. Онъ былъ такой же, какъ и ранѣе, плечистый парень, только съ лица сошелъ загаръ и замѣнился блѣднотой. На его осадистой фигурѣ сидѣла ловко даже сѣрая куртка.

— О-о, Егорко пришелъ. Какими судьбами? Поди

въ солдаты угадать,—обрадовавшись брату, привѣтствовалъ Ванька.

— Да, братъ, угадать,—поцѣловались, сказалъ Егорко.—Какъ ты поживаешь?

— Видишь и самъ какое мое житье: сиди у моря, да жди себѣ погоды.

— Не больно ты здѣсь скучаешь?

— Сначала такъ, братъ, больно скучалъ,—нигдѣ не находилъ себѣ мѣста, не шлось, не ѣлось, но потомъ ничего, попривыкъ, поосвоился съ новымъ своимъ положеніемъ. И въ аду, если кого туда посадятъ, то придется тамъ жить и привыкать... Ты вотъ лучше мнѣ Расскажи: какъ дома наши-то поживаютъ?

— Вѣстимо житье у нашихъ стало не изъ хорошихъ. Матка по тебѣ больно убивается. Сначала такъ она съ недѣлю не оеушала глазъ своихъ, и теперь рѣдкій день не поплачетъ; а какъ меня проводила, то, я думаю, ночи не спитъ—все тоскуетъ и плачетъ о насъ. Отецъ хоть крѣпится, но видать, что больно жалѣетъ тебя.

— Онъ мнѣ писалъ письмо, что адвоката найметъ застаивать меня: въ казенномъ-то, вишь, мнѣ отказали, ихъ нѣтъ; адвокатъ проситъ семьдесятъ рублей, чтобы только побыть на судѣ и позаставать меня: сдѣлаетъ-ли онъ мнѣ пользу или нѣтъ, онъ за это не беретъ, а денежки-то ему вынь да положи; но вѣдь тогда отцу, какъ онъ мнѣ пишетъ, придется продавать купленную землю. Я ему отвѣчу, чтобы онъ на меня не зорился: пусть—что будетъ, то и будетъ. Можетъ-быть и адвокатъ не выстараетъ меня, меня соплотъ,—тогда всѣмъ намъ придется бѣдствовать: безъ купленной земли мы будемъ плохіе жители.

— Отецъ и матка за послѣднее время сильно устареѣли: совсѣмъ не то стало что прежде: ихъ горе убило

на нѣсколько лѣтъ. Не знаю, какъ они безъ насъ станутъ жить: теперь, пожалуй, настоящій-то работникъ одинъ Олешка, а ѣдиковъ-то много, пятеро большихъ да четверо ребятишекъ; вѣдь девять человѣкъ—немалая семья.

— Да, жалко ихъ,—тяжело вздохнувъ, сказалъ Ванька,—неладно я сдѣлалъ, да дѣлать нечего, такова ужъ, должно-быть, моя судьба... Ну, а какъ нонѣ хлѣбъ уродился?

— Яровое такъ ничего, хорошо, а рожь такъ рѣдко-вата, едва ли хлѣба хватить на круглый годъ.

— Чего теперь наши работаютъ?

— Вѣстимо чего: что ранѣе, то и теперь дѣлають. Матка все возится съ ребятишками, обряжается около печки, по вечерамъ прядеть, а невѣстки дѣла довольно со скотиной, да надо всѣхъ обмыть, обнить и холстины наготовить. Отецъ, проводивъ меня, навѣрно съ Олешкой уѣхалъ на вывозку лѣса.

— Ну, а какъ поживаютъ наши дѣвки?

— Что имъ „диется?“ Ихъ житье славное: пряди, тка, плети, пой пѣсни да пляши—вотъ вся ихъ работа; но твоя Лизка по тебѣ больно скучаетъ, ничто ее не веселитъ; она велѣла тебѣ передать большой поклонъ и послала со мной четвертакъ.

— Спасибо ей, что она не забыла меня. Поди у нея ужъ другой „прихихеня“ есть?

Не знаю, что впередъ будетъ, а теперь ей ни до кого, она не можетъ забыть тебя. Разъ, когда мы вдвоемъ сидѣли съ ней, она по тебѣ горько плакала. Я утѣшалъ ее, говорилъ, что, дастъ Богъ, твой Ванька воротится, его не сошлютъ, а обсудятъ въ тюрьму, онъ возьметъ тебя замужъ, и тогда ты все горе забудешь. „Дай то, Богъ,“ отвѣтила она.

— Если ворочусь я домой, то непременно посватаюсь къ Лизкѣ—она мнѣ больно любя. Ну, а какъ ты разставался со своей Людьюкой?

— Едва, братъ, мы съ ней разошлись съ послѣдней посидѣнки: жаль разставаться другъ съ дружкой—да и только. Она мнѣ подарила на память полотенце.

— Ты возьмишь ее замужъ, какъ воротишься со службы?

— Еще бы. Только бы она дождалась бы меня, не вышла замужъ, то безпремѣнно будетъ моя жена.

— Вотъ за тебя Людью отдадутъ, а за меня острожника, если моя Лизка и согласится идти, то ее свои едва ли отдадутъ,—съ сожалѣніемъ сказалъ Ванька.

— Вотъ ужъ про это не знаю,—нерѣшительно проговорилъ Егорко.—Я думаю, если она больно захочетъ, то настоить на своемъ, выйдетъ замужъ за тебя... Матка велѣла передать тебѣ пироговъ и сухарей. Вотъ возьми ихъ.

— Онѣ тебѣ самому вѣдь пригодятся.

— Чего тутъ разговаривать, возьми да и все. Она много ихъ наклала мнѣ въ котомку, намъ обоимъ хватитъ; мнѣ съ большой-то ношей и то таскаться надо-ѣло, а тебѣ они пригодятся.

— Ладно когда. Оставь. Ты, Егорко, какъ будешь отправляться на службу, зайди ко мнѣ.

— Какъ же, непременно зайду и скажу, куда меня назначили служить.

— Ну, вотъ и ладно.

— Прощай, побратимко, мнѣ ужъ въ казарму пора идти.

— Прощай. Да, смотри, заходи: какъ поговоришь со своими, то легче дѣлается на душѣ.

— Сказать—приду, то приду.

Егорко, выйдя изъ тюрьмы, вздохнуть полною грудью, и съ него свалилась ровно какая тяжесть.

„Вѣдняга, Ванька, подумаль онъ съ сожалѣніемъ. Плохое ему житье: какъ дикій звѣрь живи вотъ въ четырехъ стѣнахъ за крѣпкими замками; а вѣдь и звѣрю въ клѣткѣ тяжело. человѣку же и подавно. Хоть бы выпускали ненадолго посмотриѣть міръ божій, хоть тогда бы можно было изрѣдка свободно вздохнуть. Вѣдь и этого-то нѣтъ!“

Егорка отправили служить на прусскую границу.

XV.

Приближался день суда надъ Ванькой. Тишка еще дня за два припелеся въ городъ узнать, чѣмъ рѣшится участь сына. Отъ нечего дѣлать онъ ходилъ слушать дѣла выѣздной сессіи окружнаго суда, гдѣ разсматривались трагедіи мужицкой души.

Сначала дѣла шли безъ присяжныхъ засѣдателей.

Семь дѣлъ было о нанесеніи легкихъ ранъ и поврежденій въ дракахъ, въ пьяномъ видѣ, иногда изъ-за ничтожнаго случая. Затѣмъ пошли дѣла болѣе серьезныя.

Вотъ, мужикъ во время драки, вмѣсто того, чтобы полною, находящимся у него въ рукахъ, бросить въ нападающихъ на него, во время размаха, наотмашь убить, не замѣтивъ, стоявшую сзади бабу, имѣвшую пятерыхъ малолѣтнихъ дѣтей.

Вотъ, парень, кидая полною въ своего врага, стоявшаго кругомъ въ народѣ, попалъ въ совѣмъ посторонняго парня и выбилъ у него три переднихъ зуба.

Вотъ, парнишка, лѣтъ семнадцать, напившись пьянымъ, билъ гирькой, надѣтой на ремнѣ на руку, по срубѣ колодца. Подошелъ къ нему хозяинъ колодца и сказалъ: „Полно тебѣ шалѣть.“ Парень на это—хлесь его по головѣ гирькой: мужика не стало, ребятишки его лишились своего поителя, кормителя отца, а парень очутился на скамьѣ подсудимыхъ. Но вопросъ председателя: „Для чего вы колотили гирькой по колодцу?“ Парень отвѣчалъ:—Такъ, по пьяному дѣлу.—„Была ли ранѣ у васъ съ нимъ ссора?“ Никогда никакой не бывало.—„За что же его вы такъ ударили, что онъ лишился даже жизни?“—Такъ, по пьяному дѣлу.

— Вотъ, подрядчику на главу церкви нужно было крестъ поднять. Веревка, перекинутаая черезъ блокъ и за которую должны были тянуть крестъ, оказалась коротка, сажени на четыре. Недолго думая, онъ наставилъ ее отрепной тоненькой веревкой, валявшейся нѣсколько лѣтъ въ краскѣ. Мужики, собравшись на подъемъ креста, предупреждали его, что наставленная веревка ненадежна, не выдержитъ тяжести креста, который былъ пудовъ около одиннадцати, оборвется. „Ничего, успокаивать подрядчикъ: мы вѣдь поднимаемъ крестъ, то намъ Господь поможетъ.“ По одну сторону церкви мужики стали оттягивать бечеву, по которой долженъ подыматься крестъ, а по другую сторону тянули, подымая, крестъ, за тонкую наставленную веревку. Крестъ уже приподнялся отъ земли на сажени три... и вдругъ, наставленная веревка оборвалась, крестъ со стремительной силой полетѣлъ книзу по туго натянутой оттяжной бечевѣ и ударилъ по шеѣ перваго мужика, стоявшаго ближе ко кресту, такъ что онъ съ ногъ свалился. Концомъ креста мужику разрѣзало шею. Онъ на другой же день умеръ.

Вотъ, отецъ осматривалъ, сидя на лавкѣ, револь-

верть, а около него ходила двухлѣтняя его дочь. Нечаянно грянулъ выстрѣлъ—и дочь отецъ убилъ наповаль. На судѣ отецъ, рассказывая, какъ онъ нечаянно застрѣлить свою дочь малютку, не могъ удержаться и плакать навзрыдъ.

Вотъ, дѣвка, живя прислугой у деревенскаго торговца, забеременѣла и до послѣдняго дня скрывала свою беременность, исполняя всякую тяжелую работу. Наканунѣ праздника зимняго Николина дня, она вымыла во всемъ обширномъ домѣ полы и вдругъ вечеромъ почувствовала, что ей настало время родить. Приняла въ баню, тамъ родила, ребенка задушила, опустила трупъ ребенка въ чугунъ со щелокомъ, и сама, какъ ни въ чемъ не бывало, пришла въ кухню и стала дѣлать свое дѣло; но по за себѣ она оставляла слѣды крови, хозяева смекнули въ чемъ дѣло, и нашли трупъ ребенка. Дѣвка сказала, что она, когда родила, была внѣ себя и не помнить, какъ она задушила ребенка.

На второй день начался судъ съ присяжными. Присяжные были большею частью малограмотные мужики, толстые кунцы и поджарые чиновники. Въ старшины попадають одинъ изъ кунцовъ или одинъ изъ чиновниковъ.

Первое дѣло разбиралось объ ограбленіи трехъ погонщиковъ коровъ. Дѣло было такъ:

Зимою большою дорогою ѣхалъ съ возомъ пьяный извозчикъ. Возъ у него опрокинулся. Какъ онъ ни старался, но возъ отопрокинуть не могъ. Въ это время подошли къ нему три погонщика коровъ, возвращавшіеся уже домой. Они помогли извозчику отопрокинуть возъ. Между тѣмъ къ извозчику подъѣхали два его товарища и замѣтили, что одинъ изъ погонщиковъ взялъ изъ передка саней узелокъ товарища, въ которомъ на-

ходились чай, сахаръ, крендели, и побѣжали. Они бросились за нимъ, догнали, отняли у него узелокъ и поколотили. Другіе же погонщики убѣжали и смотрѣли издалека.

Придя въ ближайшую деревню, погонщики заявили, что на дорогѣ ихъ товарища ограбили три извозчика: вытащили изъ кармана кошелькъ съ четырьмя рублями.

И всѣ три извозчика предстали на судъ, обвиняясь въ грабежѣ. Они говорили, что колотить погонщика колотили, такъ какъ онъ стянулъ у товарища узелокъ, а никакого кошелька съ деньгами у него не отнимали; а извозчикъ, у котораго опрокинуло возъ, даже къ погонщику не подходилъ—онъ былъ сильно пьянъ.

Свидѣтелями выступили два товарища потерпѣвшаго, оба погонщика. Они показывали, что у товарища извозчики вытащили кошелькъ съ деньгами.

Прокуроръ настаивалъ на обвиненіе извозчиковъ въ виду того, что показаніями самаго потерпѣвшаго и свидѣтелей, погонщиковъ, исполнѣтъ установленъ фактъ грабежа.

На это обвиняемые, какъ люди малограмотные, ничего не могли возразить; защитника же у нихъ не было. Между тѣмъ, показанія свидѣтелей въ настоящемъ дѣлѣ могли имѣть такую же силу доказательства, какъ и объясненіе обвиняемыхъ, потому что, заяви они напередъ полиціи о кражѣ погонщиками у ихъ товарища узелка съ чаемъ, сахаромъ и кренделями, то тогда бы не они, а погонщики были на скамьѣ подсудимыхъ, и они бы могли показывать на тѣхъ, что угодно, и имъ была бы безусловная вѣра.

Присяжные удалились для совѣщанія. Старшина, уѣздный молодой торговецъ, посовѣтовалъ обвинить

всѣхъ трехъ извозчиковъ. „Всѣ они буяны,—говорилъ онъ,—это онъ хорошо знаетъ.“ Онъ такъ рѣзко напалъ на нихъ, потому что съ однимъ изъ нихъ была у него ссора.

Присяжные согласились съ нимъ. „Надо буяновъ учить,—говорили они,—а то не будетъ проѣзду добрымъ людямъ.“ И недолго думая, вынесли обвинительный приговоръ всѣмъ тремъ извозчикамъ.

Судъ постановилъ заключить ихъ въ арестанскія роты каждаго по три съ половиной года.

Обвиняемые по году просидѣли въ арестанскихъ ротыхъ, и по Высочайшему соизволенію были прощены.

Надо же было случиться такому интересному совпаденію. Торговецъ, старшина присяжныхъ по дѣлу извозчиковъ, черезъ годъ самъ попалъ на скамью подсудимыхъ въ окружномъ судѣ, обвиняясь вмѣстѣ съ двумя ворами въ покупокъ отъ нихъ завѣдомо краденого, похищенного со взломомъ изъ жилого помѣщенія.

Оба вора положительно утверждали, что украденные катанки и щетину они продали торговцу за четвертую часть ихъ стоимости, что онъ знаетъ, что эти вещи краденія, такъ какъ покупалъ ихъ не въ лавкѣ, а на выникѣ, гдѣ и платилъ имъ деньги. Потерпѣвшая, баба и другіе свидѣтели показали, что они слышали, что этотъ торговецъ и ранѣе занимался покупкой краденого.

Защитникъ торговца, присяжный повѣренный роспинался на судѣ, стараясь изъ всѣхъ силъ выгородить своего кліента заработать себѣ лакомый кусочекъ—торговецъ былъ богатый, тысячникъ, попасть ему въ тюрьму не хотѣлось, то онъ обѣивалъ своему адвокату, если онъ выиграетъ дѣло, щедро его наградить. Потер-

иѣвняя слушала, слушала адвоката, по временамъ нападавшаго на нее и немного заикавшагося, не вытерпѣла и обрѣзала его: „Вишь, ты какъ изъ-за рубля-то ..тенешься!“ Пристыженный адвокатъ замолчалъ и вышелъ изъ суда.

Присяжные, изъ которыхъ много было торгорцевъ, не дали вѣры ворами и нашего торговца оправдали.

По одному дѣлу бывалый на судахъ воръ самъ хорошо защищать себя. Онъ былъ молодой бойкій парень, уже судившійся нѣсколько разъ за кражи и знакомый не съ одной тюрьмою. Теперь онъ обвинялся въ четырехъ кражахъ, а другой воръ, простой мужиченко, попалъ за компанію съ парнемъ: безъ сомнѣнія тотъ сманилъ его на выгодное ремесло. Мужиченко больше молчалъ, а парень защищать себя не хуже хорошаго адвоката: онъ въ оправданіе себя приводилъ всѣ уловки.

На мѣстѣ преступленія, подъ зѣздомъ была найдена второняхъ забытая ворами котомка съ сырымъ женскимъ и дѣтскимъ бѣльемъ.

— Эта котомка съ бѣльемъ ваша?—спросилъ председатель.

— Вонъ, его,—указывая рукой на товарища, отвѣчалъ парень:—у него есть баба и ребята, то онъ таскалъ съ собой ихъ бѣлье...

— Полно-ко ты, Спѣшиловъ, врать-то,—махнувъ рукой, остановилъ его простой сѣрый мужиченко, которому ужъ надобно слушать вранье товарища.

Недовольный Спѣшиловъ замолчалъ.

Одного изъ свидѣтелей председателя спросилъ:

— Чѣмъ занимается Спѣшиловъ?

— Да вотъ, этими самыми дѣлами.

— Какими именно?

— Да оно выходит воровскими.

— Онъ вретъ,—оправдывался Спѣшиловъ:—я маляръ.

— Какъ же такъ,—говорилъ председатель,—онъ объясняетъ, что онъ маляръ, а вы показываете, что онъ воръ?

— Правда, правда, онъ по лѣтамъ въ церквахъ стѣны чистить,—размахивая, какъ маляръ, руками, отвѣтилъ свидѣтель.

— Этотъ свидѣтель показываетъ неправду,—обидѣлся Спѣшиловъ,—давечи говорилъ то, а теперь другое.

— Что ты? Я вѣдь теперь поправился,—добродушно отвѣтилъ свидѣтель.

Отецъ Спѣшилова говорилъ:

— Я нѣсколько разъ ругать его и толкомъ ему говорилъ, чтобы онъ отсталъ отъ этихъ дѣлъ. Нѣтъ—ему все нейдетъ. Поживетъ недолго дома и вдругъ пропадетъ; тогда знаешь, что парень гдѣ нибудь шалить. Послѣ этой кражи онъ явился домой невеселый и сказалъ: „Ну, отецъ, въ послѣдній разъ я ходилъ воровать и теперь ужъ отъ меня этого не будетъ.“

— Господа присяжные,—сказалъ въ послѣднемъ своемъ словѣ Спѣшиловъ,—я воровалъ и погибъ изъ-изъ того, что отецъ не далъ мнѣ взять замужъ любую мнѣ дѣвку. Съ этого времени я пришелъ въ отчаяніе, жизнь моя пошла кое-какъ, дома находила на меня тоска, и тогда я шелъ гулять, забыться на опасномъ промыслѣ.

Спѣшилова обсудили въ арестанскія роты, а мужиченка въ тюрьму.

Началось третье дѣло. Три молодыхъ парня,

спшибъ съ ногъ мужика, топтались на немъ, сломали у него ребра, такъ что онъ вскорѣ же умеръ. Свидѣтели показали, что одинъ изъ парней не топтался на мужикѣ, а только пнулъ его въ ногу. Всѣхъ трехъ парней сослали на четыре года въ каторжныя работы.

На слѣдующій день разборъ начался съ дѣла, по обвиненію неграмотнаго мужика въ подлогѣ.

На волостномъ судѣ истецъ взыскивалъ съ обвиняемаго шесть рублей. Мужикъ заявилъ на судѣ, что онъ деньги истцу уплатилъ, и въ доказательство этого представилъ росписку, выданную истцомъ. Истецъ призналъ роспику подложной. Дѣло перешло въ окружный судъ.

Мужикъ оправдывался тѣмъ, что онъ деньги своему кредитору уплатилъ и въ томъ тотъ выдалъ ему росписку; кто писалъ эту росписку, онъ не знаетъ, такъ какъ онъ человѣкъ неграмотный.

Судъ обсудилъ его въ тюрьму на восемь мѣсяцевъ.

Всего вѣроятнѣе, что мужикъ, въ избѣжаніе платежа денегъ по роспискѣ, по которой можетъ быть и на самомъ дѣлѣ былъ уплаченъ долгъ, обратился за совѣтомъ въ городѣ къ подпольному адвокату, пьянчугѣ, и тотъ, не иначе, написалъ ему отъ имени истца подложную росписку и посоветовалъ представить ее въ судъ. Темный мужикъ, не подозрѣвая, какія могутъ быть отъ этого печальныя для него послѣдствія, подалъ росписку, и попалъ въ тюрьму.

Предсталъ на судъ подъ конвоемъ крѣпкій съ просѣдью старикъ.

Года два тому назадъ сослали за убійство въ ка-

торазныя работы его сына, послѣ котораго осталась молодая, красивая невѣстка. Старику невѣстка полюбилась и онъ къ ней сталъ приставать; но невѣстка къ нему не благоволила, и сосѣдямъ жаловалась, что отъ свекра совсѣмъ нѣтъ житья, хотъ налагай на себя руки. Мало этого, свекоръ сталъ невѣстку ревновать къ молодому пастуху и слѣдить за ними.

Въ лѣсу онъ засталъ ихъ въ самый разгаръ ихъ любви... пришелъ въ бѣшенство и тутъ же на мѣстѣ, не давъ имъ даже подняться, безчеловѣчно ихъ убилъ находившимся у него въ рукахъ топоромъ, а потомъ, уже надъ мертвыми издѣвался: проводилъ, разрѣзывая, по лицамъ и по головамъ ихъ остриемъ топора, затѣмъ, заострилъ колья и всунулъ ихъ въ проходы. Въ преступленіи онъ сознался, говорилъ, что онъ убилъ, но какъ это случилось, онъ не помнитъ, потому что у него въ то время помрачился умъ. Его присудили на двадцать лѣтъ въ каторжныя работы.

Потомъ обвинялась въ убійствѣ своего мужа девятнадцатилѣтняя красивая его жена. Она объяснила, что мужъ былъ ей не любъ и постоянно ревновалъ ее къ свекру.

Когда онъ, возвращаясь съ праздника, лежалъ пьяный на землѣ и ругалъ ее, она схватила подвернувшійся подъ руку камень—онъ оказался семнадцать фунтовъ—и убила мужа. Присяжные ей даже не дали снисхожденія. Судъ приговорилъ ее на шесть лѣтъ въ каторжныя работы.

Сейчасъ будетъ слушаться дѣло Ивана Тихонова,—объявилъ предсѣдатель.—Приведите сюда подсудимаго.

Застучали сапогами и забрякали ружьями два конвойные и Ванька сѣлъ на скамью подсудимыхъ.

Ванька призналъ себя виновнымъ въ томъ, что о

Ильинѣ днѣ колонуть Ерунду коломъ по головѣ за то, что тотъ безъ всякой причины его самого поколотить въ Вознесеневъ день: коломъ проломилъ ему голову. Свидѣтели подтвердили его показаніе, а врачъ удостовѣрилъ, что смерть Ерунды послѣдовала отъ нанесеннаго ему коломъ удара.

Прокуроръ объяснилъ, что сознаніемъ подсудимаго и показаніями свидѣтелей безусловно установлено, что Тихоновъ ударилъ коломъ Ерунду; что смерть его послѣдовала отъ этого удара, удостовѣряетъ врачъ-экспертъ, и что если такимъ тяжелымъ орудіемъ наносить ударъ по головѣ такой добрый молодецъ, то онъ сознаетъ, что причиняетъ тяжкую рану,—почему онъ и надѣется на присяжныхъ засѣдателей, что они признаютъ Тихонова виновнымъ въ приписываемомъ ему преступленіи, въ нанесеніи Ерундѣ съ умысломъ тяжкой раны, отъ которой тотъ умеръ.

Ванька обратился къ присяжнымъ:

— Вѣдь я не хотѣлъ убивать Ерунду, а только думалъ отплатить ему за нанесенные мнѣ въ Вознесеневъ день побои: онъ тогда хлестнулъ меня три раза по головѣ коломъ, который повѣсится этого будетъ, такъ что я съ недѣлю не вставалъ съ постели, самъ едва не умеръ,—а я колонуть его только одинъ разъ, то за нимъ остались еще два удара.

Предсѣдатель замѣтилъ ему, что онъ въ убійствѣ и не обвиняется; а если его Ерунда билъ коломъ по головѣ, онъ долженъ былъ жаловаться суду, а не расправляться съ обидчикомъ своими руками.

Предсѣдатель просилъ присяжныхъ взвѣсить всѣ доказательства, представленныя обѣими сторонами, въ пользу обвиненія и въ защиту обвиняемаго и рѣшить дѣло по убѣжденію своей совѣсти.

Присяжнымъ всё доказательства въ пользу обвиненія были на лицо, къ тому же противъ дракъ, сильно распространенныхъ въ ихъ мѣстности, они были сильно предубѣждены, поэтому они, не задумываясь ни сколько, вынесли Ванькѣ обвинительный приговоръ, а судьи объявили, что онъ ссылается въ каторжную работу на два года.

Не видя свѣту свѣту, Ванька вышелъ изъ суда— онъ лишился послѣдней надежды; а сзади, плача, до тюрьмы провожалъ его отецъ.

XVI.

Самъ по себѣ судъ съ присяжными застѣдателями есть судъ хороший. Онъ, сравнительно, дѣлаетъ мало промаховъ. Каждое дѣло внимательно просматриваетъ слѣдователь, прокуроръ, судебная палата и окружный судъ, которые наблюдаютъ, чтобы правосудіе той и другой стороны не пострадало. При разсмотрѣніи каждаго дѣла участвуютъ судьи, люди хорошо подготовленные къ своей должности, знакомые съ правомъ, и присяжные, хорошо знающіе мѣстные условія жизни, заглядывающіе въ душу преступника и соображающіе, при оцѣнкѣ преступленія, съ мѣстными условіями жизни обвиняемаго.

Этотъ судъ вполне хорошъ для болѣе состоятельныхъ преступниковъ: они могутъ нанять для защиты себя опытныхъ адвокатовъ, которые при знаніи законовъ являются противосѣсомъ обвинительной власти, такъ что тогда скалки обвиненія и защиты находятся въ равновѣсіи, слѣдовательно и правосудіе стоитъ на своемъ мѣстѣ. При бѣдномъ же преступникѣ, не имѣющемъ средствъ, чтобы нанять себѣ хорошаго защитника, стороны нападѣнія и самозащиты далеко неравны.

Присяжными заседателями въ уѣздныхъ городахъ, когда туда временно прѣзжаетъ окружный судъ, являются болѣе простые, малограмотные, обитавшіе ранѣе въ глуши, мужики. Дома же они не смѣютъ что-либо возразить не только пристапу, даже уряднику, которые, да же иногда справедливые доводы мужиковъ останавливаютъ своимъ неизмѣннымъ: „Молчать! И на тебя составлю протоколъ и посажу подъ арестъ!“—то присяжные въ силу привычки или иногда совѣмъ невольно, подчиняются убѣжденію прокурора, такъ краснорѣчиво глаголющаго, который даже всѣ мелчайшія доказательства обвиненія подчеркнетъ и не только представить имъ на лицо, да еще разукрасить ихъ своими словами,—тогда какъ темный безграмотный преступникъ иногда не можетъ выразить даже двухъ словъ въ пользу своего оправданія.

Большею частью прокуроры сильно налегаютъ на обвиненіе, хотя имъ по закону и вмѣняется въ обязанность держаться середины; но они сами невольно увлекаются своимъ дѣломъ и даже восторгаются и гордятся, если они почти по всѣмъ дѣламъ запрячутъ преступниковъ въ тюрьму, въ арестанскія роты и въ каторжныя работы. Но если бы прокуроры заглянули въ души преступниковъ, иногда еще хорошихъ людей, случайно впавшихъ въ преступленіе, а единственно по милости ихъ неоправданныхъ или осужденныхъ болѣе тяжкому наказанію чѣмъ слѣдуетъ, просмотрѣли бы потомъ всю искалѣченную ихъ жизнь, ихъ душевные и тѣлесныя страданія, скорби и лишенія,—то приняли бы отъ того не въ восторгъ, а въ горе, пожалѣли бы несчастныхъ обвиняемыхъ, которые, болѣею частью на самомъ дѣлѣ не такъ преступны, какъ они представляютъ предъ судомъ,—и тогда стали бы хладнокровно разсматривать дѣла, стали бы обвинять только то,

что достойно обвиненія, и заботились бы о томъ, чтобы судъ, правда и милость шли рука объ руку и торжествовали бы.

И господъ защитниковъ нельзя похвалить: они только въ исключительныхъ случаяхъ возьмутся изъ-за истины защищать человѣка, а требуютъ себѣ отъ него громаднаго, не по средствамъ преступника, вознагражденія, рублей по пятидесяти по сту за дѣло; иногда они ввергаютъ преступника двойному наказанію: въ дѣлѣ-то не помогутъ своей защитой, да вдобавокъ и раззорять его.

Этотъ пробѣлъ легко бы устранить: назначить бы при каждомъ окружномъ судѣ двухъ или трехъ защитниковъ законовѣдовъ, и вмѣнить имъ въ обязанность—вести уголовное дѣло каждого преступника, обращающагося къ нимъ за защитой. Тогда бы стороны обвиненія и защиты были бы равны. Да и вообще-то, для нашего темнаго народа крайне необходимы общественные добросовѣстные адвокаты, которые бы и совѣтомъ и дѣломъ помогали бы имъ.

Будь защитникъ при дѣлѣ Ваньки, то онъ навѣрно бы не попалъ въ каторжныя работы, а ограничился бы временнымъ исправленіемъ въ арестанскихъ ротахъ или даже въ тюрьмѣ. Это не такой преступникъ, который нетерпимъ обществомъ и вреденъ для него, но онъ былъ бы здоровый сильный хлѣбопашецъ въ потѣ лица добывающій себѣ и другимъ хлѣбъ.

Защитникъ сумѣлъ бы внушить присяжнымъ, что Ванька, когда наносилъ коломъ ударъ по головѣ Ерундѣ, не могъ находиться въ спокойномъ состояніи, потому что самая драка сильно возбуждаетъ, особенно если человѣкъ находится въ пьяномъ видѣ и если участвуютъ въ дракѣ близкія ему лица товарищи. Ванька же,

которому недавно Ерунда не за что не про что напестъ коломъ три удара по головѣ, чуть не лишилъ его жизни, причинилъ ему въ теченіе недѣли сильныя страданія, при видѣ своего врага тѣмъ болѣе пришелъ въ раздраженіе,—то, принимая во вниманіе все это, по совѣсти осуждать его нужно было за причиненіе тяжкой раны, отъ которой послѣдовала потерпѣвшему смерть, не въ спокойномъ хладнокровномъ личномъ состояніи, а въ запальчивости и раздраженіи, однакоже сознательно, за что законъ наказываетъ гораздо легче: вмѣсто каторжныхъ работъ назначаетъ арестанскія роты или даже тюрьму.

Присяжные, на основаніи приведенныхъ выше доводовъ, исходатайствовали бы предъ судомъ постановки другого вопроса: виновенъ ли Тихоновъ въ нанесеніи тяжкой раны въ запальчивости и раздраженіи, а тогда навѣрно бы по первому не нашли поступка, а по второму бы отвѣтили: да, виновенъ.

Или въ дѣлѣ, гдѣ одинъ ушелъ въ каторжныя работы только за то, что за компанію съ товарищами—пнулъ потерпѣвшаго въ ногу, при защитникѣ это едва ли могло случиться: за это есть другое наказаніе—легкіе побои.

XVII.

Не все хозяйство Таганьки и Тишки шло ровнымъ ходомъ, что только они знали, что посѣяли рожь, овесъ, ячмень, пшеницу и ленъ, а потомъ осенью собрали хорошій урожай, что хлѣба имъ хватало не только на круглый годъ, а остатокъ еще продавали; но въ теченіе сорокалѣтняго хозяйничанія на свободѣ, хозяйство ихъ иногда капризничало, не вознаграждало ихъ труды, ставило ихъ въ тяжелое положеніе; проходилъ же несчастный годъ, удавался урожай, опять жизнь ихъ на-

равлялась на обычный путь и они съ обычной энергіей продолжали земледѣіе.

Таганькѣ и Типкѣ пришлось испытать не одинъ неурожай, когда не приходилось снимать съ полей хлѣба самъ второй, а однажды не сросло даже сѣмянъ.

По два года подъ-рядъ еще осенью всю озимь выѣлъ червякъ, такъ что всѣ ихъ труды при обработкѣ озимого поля пропали бесполезно. Весною кое-какъ сбившись на сѣмена, на голое черное озимое поле сѣяли ячмень и овесъ. Тогда весь годъ приходилось питаться овсянымъ и ячменнымъ хлѣбомъ.

Въ одно лѣто градомъ, падавшимъ цѣлыми кусками льда, во время цвѣта выбило рожь до основанія. Тяжело было хозяевамъ, такъ недавно видѣвшимъ свое прекрасное, волнующееся, въ ростъ человѣка, ржаное поле съ длинными колосьями, смотрѣть черезъ какихъ нибудь часа два, какъ вся ихъ надежда, все ихъ богатство, отъ котораго зависѣло благосостояніе цѣлаго года, погибло!

Поле представляло безотрадный видъ. Такъ еще недавно гордо подымавшіеся колосья печально растянулись по землѣ, словно войско, сраженное невидимой рукой; торчали въ полуаршинѣ отъ земли одни стебли, лишённые колосьевъ и половины соломы. Вотъ, наклонившись до самой земли своей головой, колосомъ, изгибается переломленная на нѣсколько колѣнъ солома.

Метелка, почувствовавъ свободу, тянется кверху, заглушая поверженную во прахъ свою сосѣдку. Голубенькіе васильки тамъ и здѣсь съ любопытствомъ выглядываютъ на поле. Далеко-далеко другъ отъ друга, какъ сиротки, уныло качаются слабые молоденькіе колоски. Они еще болѣе своимъ видомъ наводятъ уныніе на душу, напоминая, что еще недавно тутъ было цвѣ-

тущее поле, кормилецъ цѣлой деревни, а теперь его нѣтъ.

Далѣе картина еще безотраднѣе. Тутъ градъ шелъ и разрушалъ все съ какимъ-то сильнымъ ожесточеніемъ: вся растительность на полосахъ была перебита, перемята, лежала кое-какъ на землѣ, такъ что трудно было понять, что тутъ такое и есть: была какая-то безформенная, безвременно-лишенная жизни масса.

Поле черезъ нѣсколько дней послѣ града приняло желтый безжизненный видъ.

Таганька и Тинка, выйдя въ поле, долго грустно и молча смотрѣли на него. Имъ было больно и обидно, что они честно, неутомимо работали, положили на обработку поля столько силъ и набросали въ землю хлѣба, и вотъ, въ какія-нибудь часа два всѣ ихъ труды пропали безслѣдно! Невольно изъ глазъ ихъ вывернулись слезы.

„Видно такъ Богу угодно, — проговорилъ Таганька: — видно Онъ за грѣхи наказываетъ насъ, чтобы мы въ нихъ покалялись.“

Бабы нѣсколько дней не осушали глазъ своихъ и безъ слезъ не могли пройти мимо погибшаго поля.

Не по одно лѣто стояла засуха. Рожь уродилась сама четвертая, а у иныхъ сама вторая. Половинѣ деревни пришлось съ Рождества покупать хлѣбъ.

Ранніе осенніе и поздніе весенніе заморозки вредили хлѣбу, истощали его. При частыхъ проливныхъ весеннихъ дождяхъ хлѣбъ вымокалъ, а при лѣтнихъ почти непрерывныхъ дождяхъ, болѣе сильная и частая жара и яровое ложились на землю и гнили. Дожди иногда вредили и при уборкѣ хлѣба: нерѣдко отъ сырости зерно въ суслонахъ и грудяхъ разбухало и прогнѣвало. У нѣкоторыхъ хозяевъ не имѣлось гумени-

ковъ, хлѣбъ складывался въ груды; тамъ въ дождливую осень его промачивало, и груды проростали.

Погода во время цвѣта хлѣба сильно вліяла на урожай: самая благоприятная для урожая была ясная и тихая погода, когда хлѣбъ процвѣталъ въ какихъ-нибудь дня три, четыре; сильный вѣтеръ и дождь вредили урожаю: колосья выходили неполный зернами; жаркая сухая погода во время налива хлѣба вредно отражалась на урожаѣ, зерно было мелкое, тогда какъ при сѣрой или ясной съ перепадавшими дождями погодѣ, зерно наливалось крупное. Наливъ во время ясной погоды давалъ болѣе бѣлый хлѣбъ, а въ сѣрую погоду болѣе темный.

Въ посѣвѣ даже самый опытный хозяинъ не могъ точно сообразоваться—онъ не знаетъ, какая будетъ осень, весна и лѣто. Если простоятъ онѣ холодныя или сильно сухія, то лучше посѣять почаще, такъ какъ тогда меньше зеренъ взойдетъ, многіе ростки погибнутъ отъ заморозковъ, отъ засухи—и посѣвъ выйдетъ настоящій. Случись же теплая дождливая погода, этотъ же посѣвъ будетъ плохимъ, на худой землѣ хлѣбъ взойдетъ частымъ, слабымъ, мало колосистымъ и брунистымъ, а на хорошо-удобренной землѣ онъ весь изляжетъ, подопрѣетъ, мѣстами изростетъ, появится новый всходъ и тогда получится плохой урожай. Хорошій опытный хозяинъ сѣетъ по среднему, сообразуясь съ качествомъ земли и количествомъ удобренія: гдѣ земля плодородна и хорошо удобрена, онъ сѣетъ порѣже, а гдѣ плоха, почаще. Пожилой хозяинъ въ теченіе своей жизни изучитъ каждый аршинъ своей земли и знаетъ, гдѣ и какъ сѣять.

Обработка земли производилась, какъ и прежде, тѣми же сохами, боронами, серпами, молотилами, граблями и метлами.

Въ последнее время, у зажиточныхъ крестьянъ стали провертываться плуги. Одни хвалили ихъ, а другіе не могли присноровиться къ пашнѣ плугомъ съ колесикомъ, съ которымъ пахать гораздо легче; у нихъ, когда колесико вѣдетъ на бугорокъ, то плугъ почему-то не захватываетъ земли. Изъ-за этого нѣкоторые колесики съ плуговъ сняли, а безъ нихъ пахарю тяжело: на поворотѣ пахарю надо почти весь плугъ тащить на своихъ рукахъ. Да въ ихъ мѣстности не было хорошихъ кузнецовъ, такъ что если поломается плугъ—то и починить его некому. Лошади же у многихъ крестьянъ слабосильны, заморены, то плуги при пашнѣ имъ были тяжелы; нѣкоторымъ же не позволяла пахать плугомъ черезъ-чуръ каменистая почва. На глинистой землѣ крестьяне признали плуги для пашни негодными, такъ какъ плуги не разрыхляли землю, цѣликомъ переворачивали пласть. Борона же не могла разрыхлить этотъ пласть. Хлѣбъ родился плохъ. Нѣкоторые опять возвращались къ своимъ сохамъ. И хлѣбъ, по словамъ крестьянъ, родился лучше.

Всего больше заботы у крестьянъ было при уборкѣ сѣна: и уродится трава хорошая, не знаешь, какое выставишь сѣно. Иногда только подкосятъ пожню, какъ пойдутъ дожди; сѣно недѣлю, двѣ лежитъ подъ дождемъ: его и посушить и помочить нѣсколько разъ, оно темнѣетъ, а потомъ сгниваетъ, только и остается, что стлать его въ наземь. Или, придутъ на сѣнокосъ, находившійся отъ деревни въ пяти, десяти, у нѣкоторыхъ пятнадцати верстахъ, скосятъ траву, а тутъ пойдутъ все дожди и дожди. Полежатъ тамъ день, два, иногда съ недѣлю, въ ожиданіи хорошей погоды, съѣдятъ весь запасъ пищи, а дождь не унимается, и поплетутся домой, чтобы въ другой разъ опять придти на такой дальній сѣнокосъ.

При неурожаѣ сѣна, по одну позднюю весну многимъ пришлось за безцѣнокъ продавать коровъ, лошадей, овецъ, необходимыхъ для хозяйства, платить за сѣно по сорока, по пятидесяти копеекъ за пудъ, да и то достать было негдѣ, тогда какъ въ другое время, даже съ осени этого года, пудъ сѣна стоилъ отъ десяти, до двадцати копеекъ. Нѣкоторые скормили съ крыны даже всю солому. Коровы весною до того обезсилѣли, что валялись и не могли вставать, такъ что иногда приходилось ихъ подымать.

Не по одно лѣто былъ наежъ скота—свирипствова-вала сибирская язва: въ одно лѣто унесла болѣе половины всего скота. Ветеринарный фельдшеръ, жившій отъ нихъ въ сорока семи верстахъ, посѣтилъ ихъ два раза, отвелъ мѣсто подъ коровье кладбище, велѣлъ огородить его, заставилъ карболовкой побрызгать въ хлѣбахъ, и уѣхалъ на другую эпидемію, а потомъ отдохнуть домой.

Чтобы прекратить язву, дѣвки на себѣ танцили соху, и обвели вокругъ деревни канавкой. Мужики пригласили священника, принесли изъ церкви иконы и служили молебны, чтобы Господь прекратилъ язву.

Истиннымъ бичемъ каждымъ лѣтомъ, а особенно осенью, были медвѣди и волки. Они похищали у крестьянъ массу скота: лошадей, коровъ, овецъ, телятъ. По одну осень волки, бѣгая стаями, задавили въ ихъ волости болѣе трехъ сотъ животинъ. И противъ такихъ хищныхъ, крестьяне были безсильны. Они много что сберутся всѣ вмѣстѣ, возьмутъ съ собой сковороды, заслонки, ходятъ по поскотинѣ, побрякаютъ, покричатъ, пожгутъ муравейники, чего боятся медвѣди, и тѣмъ дѣло ограничивалось. Еще на медвѣдей, хотя и рѣдко, но находились охотники, стрѣляли ихъ, когда они приходили въ поле ѣсти овесъ: устраивали на деревьяхъ,

близь поваленной медвѣдемъ животины лобаза и караулили медвѣдей; иногда, если охотники сидѣли тихо, онѣ подходилъ, и имъ удавалось его убить; но противъ волковъ, крестьяне были безсильны—волки безпрестанно перебѣгали съ мѣста на мѣсто: сегодня повалятъ скотину въ этой деревнѣ, а смотришь, завтра ужъ убѣжали верстъ за двѣнадцать и уничтожаютъ скотину въ другой деревнѣ.

Зимою же волки похищали собакъ, конекъ и за ними забирались нерѣдко въ хлѣвы и на повети, гдѣ ихъ мужики колями убивали. Изрѣдка зимою ихъ травили и ловили въ клепи. Медвѣдей же зимою били въ берлогахъ.

Деревню Житьево постигъ и пожаръ. Баба вынесла на поветь корчагу съ непогашенными угольями, и, не замѣтивъ, что она со щелью, сама ушла на сѣнокосъ. Поднялся сильный вѣтеръ, раздулъ уголья и загорѣлся полъ. Огонь пошелъ все далѣе и далѣе и полѣзъ даже по стѣнамъ двора, подбираясь къ соломенной крышѣ. Увидали дымъ; но въ деревнѣ были одни беспомощные старики, старухи да малые ребята, такъ что тушить огонь было некому. Пламя вырвалось наружу; его сильно раздувало вѣтромъ. Находившіеся по близости мужики и бабы сбѣжались тогда, когда уже огонь охватилъ весь дворъ и перебрался въ избу; тушить съ ихъ средствами—нечего было и думать. Пожаръ они оставили на произволъ судьбы и стали спасать свое имущество, вытаскивая изъ дому, кто чего успѣвалъ схватить. Подоспѣвшіе мужики и бабы изъ окрестныхъ деревень, стали отстаивать отъ огня ближайшіе дома, ломая постройки и заливая бѣдрами воды огонь, забиравшійся на постройки; но помощь ихъ съ сильнымъ огнемъ была ничтожна.

Да и бороться съ огнемъ въ деревняхъ, гдѣ пост-

ройка вся деревянная, тѣсная, гдѣ крыши у нѣкоторыхъ соломенные, очень трудно: у нихъ кромѣ тяжелыхъ багровъ, ухватовъ, топоровъ, лопатъ, ведеръ—ничего нѣтъ; а ведро съ земли не плеснешь воды на крышу—надо все съ водой лазать туда и заливать. Мужики же, непривыкшіе къ пожарамъ, теряются, не знаютъ что дѣлать, безъ толку суетятся; хорошаго руководителя у нихъ нѣтъ, и при пожарѣ у нѣкоторыхъ такъ просто руки опускались—тутъ воля была огню хозяйничать.

У Тишки сгорѣло почти все добро; осталась одна скотина, бывшая на выходу, да что онъ со своей семьей имѣлъ на себѣ.

Послѣ пожара скотину хранили въ огородѣ, гдѣ попеременно сторожили ее. Наскоро сколотили для себя избушки, сложили въ нихъ печки-каменки и жили въ нихъ. Когда управились они съ полевой работой и получили изъ земства страховой преміи по сорока рублей за каждый домъ со всей постройкой, стали осенью и зимою заготовлять лѣсъ на постройку. Болѣе бѣдныхъ семьи ходили по окрестнымъ деревнямъ собирать милостыню на погорѣлое мѣсто. Многіе, нуждаясь въ деньгахъ, продавали скотину, а нѣкоторые и купленную землю, отдавая ее за дешевую цѣну—за десятину лѣса по семи рублей, тогда какъ года черезъ четыре за этотъ же лѣсъ платили по двадцати пяти рублей за десятину.

Въ Великій постъ мужики начали строить себѣ избы и дворы; къ концу іюня мѣсяца уже было поставлено много построекъ.

XVIII.

Мы теперь просмотримъ жизнь остальныхъ сыновей Таганьки.

Виссарька жилъ исправно. Всего было у него до-

вольно, и полный амбаръ насыпанъ хлѣбомъ. Семья у него была небольшая—одна дочь невѣста. Виссарька и его баба во всемъ скупились, дорожили каждой копѣйкой и приберегали ее. Хотя они работали полегоньку, но такъ какъ семья ихъ не одолѣвала, а всѣ трое они были надобные работники, они не испытали никакого горя и нужды.

Между тѣмъ дочери ихъ минуло двадцать три года, а силы у Виссарьки стали упадать; онъ издумалъ принять подживотника. Посватался изъ богатаго семейнаго дому женихъ—и вскорѣ сыграли свадьбу. Женихъ пригналъ изъ своего дому лошадей, корову, привезъ съ собою еще кое-какое, данное ему отцомъ имущество и поселился у тестя.

Виссарька съ зятемъ жилъ дружно, но зять никакъ не могъ уноровить своей ворчунѣ, скупой тещѣ: ей все казалось, что зять лѣниво работаетъ, а живетъ расхоже, такъ что изведетъ на нѣтъ онъ ихъ имѣніе.

Особенно зарываться на работѣ тестя, зятю не хотѣлось: баба у него была малоздоровая, принесла только одну хилую дѣвченку; помри баба—и его ни съ чѣмъ выгонять изъ тестева дома. Ему ужъ больно надоѣло слушать ругань, ворчаніе и попреки своей тещи, и какъ-то о праздникѣ онъ подвыпилъ и свою тещу потрепалъ.

Теща послѣ этого еще пуще взѣлась на него, и совсѣмъ не стало ему отъ нея житья. Онъ уговаривалъ свою бабу уйти въ домъ своего отца; но той не хотѣлось разставаться со своимъ домомъ, съ отцомъ, съ матерью; тогда зять, махнувъ на все рукой, ушелъ жить къ своему отцу.

Вскорѣ умерла его баба, и за нею тестъ. Осталась во всемъ домѣ одна старая бабушка со внучкой. Ста-

руха сама обряжала коровъ и ходила на полевою работу, таская вездѣ съ собой свою внучку, которую она очень любила. Не вырастила она свою внучку и до семи лѣтъ, какъ сама умерла.

Надѣ имѣніемъ учредили опеку. Опекуномъ назначили отца малолѣтней. Онъ хотѣлъ опять перебраться въ домъ тестя, но Житѣевское общество его въ деревню не приняло, а надѣлъ земли, оставшійся послѣ Виссарьки, передало Глѣбку, у котораго уже скопилась большая семья.

Опекунъ всю скотину, всю сбрую, все экипажи, все платье, весь хлѣбъ постепенно перевелъ, перевезъ въ домъ своего отца и тамъ пользовался ими какъ своею собственностью. Затѣмъ, коровъ, хлѣбъ, а впоследствии домъ съ дворомъ продалъ и деньги постепенно прожилъ.

Сходъ, заранѣе угощенный имъ, при учетѣ принимать весь выставленный имъ расходъ, не провѣряя, существовалъ или нѣтъ онъ на самомъ дѣлѣ. При продажѣ имущества опекунъ сильно наживался: на примѣръ, продать сѣна на пятьдесятъ рублей, а въ приходѣ выставить тридцать, въ карманѣ у него и осталось двадцать рублей. Сходъ же не провѣрялъ продажи имущества: если отецъ не жалѣетъ имущества своей дочери, то имъ чужого и подавно не жаль.

Родственники малолѣтней по матери пробовали жаловаться земскому начальнику на неправильныя дѣйствія опекуна и схода; но земскій прошенія ихъ направлялъ для переучета на тотъ же сельскій сходъ, который самъ себя не обвинить. Такъ ничего и не вышло. Родственники побились, побились, взяли да и махнули на все рукой.

Къ совершеннолѣтію опекаемой осталось изъ всего

имущества, доставшагося ей послѣ дѣда и бабки, одни обломки отъ экипажей, обрывки отъ сѣруи, да тряпки отъ платья.

Третій же сынъ Таганьки, Стенка умеръ еще въ молодые годы и оставилъ послѣ себя молодую, здоровую, красивую бабу и пятеро малолѣтнихъ дѣтей: двухъ сыновей и трехъ дочерей. Старшему Ѳедкѣ было только десять, а младшему пошелъ второй годъ.

Погоревала, поплакала баба, да дѣлать нечего—слезамъ горю не поможешь, а ребятъ-то кормить надо, и стала она править почти всю мужицкую работу. Она сама ѣздила въ лѣсъ за дровами, сама ихъ рубила и отвозила, сама съ лопатой и съ топоромъ ходила вмѣстѣ съ мужиками чинить дорогу, сама, по возможности, старалась сдѣлать всю, кромѣ пашни, полевую работу: боронку, сѣнокосъ, жниву, уборку хлѣба, молоченье; она молотила у себя вмѣстѣ съ мужиками и къ другимъ ходила въ отмолотку. Въ легкой работѣ ей помогаль Ѳедька. Но одно лѣто ей совѣмъ было нечѣмъ заплатить пахарю, то она все лѣто сама пахала, и впослѣдствіи часто выѣзжала на пашню.

Не было отдыха бѣдной бабѣ; цѣлые дни работала она, не покидая рукъ своихъ; присунется ночью поспать на какіе-нибудь часовъ пять, шесть—и опять за работу. Бьется, бьется, бѣдная, а все нужда забиваетъ ее: надо ребятъ накормить, обути, одѣть, обмыти, обпить и надо подать заплатить—подать не ждетъ: старшина-ужъ описывалъ за подать самоваръ и корову и чуть было ихъ ни продалъ. Помощи же отъ родныхъ совѣмъ мало; живи сама, какъ хочешь: имъ чередъ поправляться со своей нуждой; у всѣхъ свои большія семьи и всѣ спѣшать напередъ исполнить свою работу.

На грѣхъ, на ее зазрѣлся богатый, пожилой вдо-

вещь. Онъ сталъ ее прельщать тѣмъ: „Полно тебѣ, баба, биться съ нуждой-то,—постоянно онъ говорилъ ей:—вѣдь трудами праведными не наживешь палатъ каменныхъ; а лучше полюби-ко ты меня, то я тебѣ во всемъ помогу—и ты тогда славно заживешь.“

Вдова сначала его всячески ругала, плевалась, не одинъ разъ молотиломъ на нему съѣздила, но потомъ нужда стала ее совсѣмъ донимать: пошли неурожай—ребятъ не съ голоду будешь морить, а по міру, самой идти—стыдно, ребятъ посылать—жалко... и вотъ, она, махнувъ на все рукой, загуляла со вдовцемъ.

Словъ не говоря, вдовецъ помогать ей деньгами, такъ что жить она стали лучше—въ домѣ ея не было нужды.

Оедькѣ ужъ минуло пятнадцать лѣтъ. Ему обидно и стыдно стало, что къ мамкѣ ходитъ чужой мужикъ, да и сосѣди напѣвали ему, чтобы онъ прогналъ когда-нибудь вдовца. „Что за стыдъ такой, говорили они: вдовецъ ужъ безъ всякаго стѣсненія ходить къ твоей матери.“

Оедька полѣномъ прогналъ вдовца. Мать разсердилась и прибила Оедьку. Послѣ этого у нихъ пошла между собою постоянная ссора.

Вдова забеременѣла; роды произошли неблагополучно—она умерла, оставивъ послѣ себя круглыхъ сиротъ.

Учредили опеку. Но опека не принесла ребятамъ никакой пользы—они были предоставлены самимъ себѣ.

Видя, что надѣются не на кого, шестнадцатилѣтній Оедька принялся за хозяйство. Онъ самъ пекъ хлѣбы и пироги, доилъ коровъ, пахалъ, сѣялъ, молотилъ, рубилъ дрова и бревна. Такъ пришлось кормить семью лѣтъ пять, пока не выросла его сестра, которая и сняла съ него

бабье хозяйство. Сестра года через два вышла замужъ. Оедька сталъ было опять доить коровъ, но это ему вскорѣ надоѣло—онъ взялъ, да и женился.

Между тѣмъ, братинко его подросъ. Онъ былъ тоже нелѣпный парень и хорошо помогать ему во всякой работѣ. И Оедька хозяйствомъ сталъ заправляться, такъ что у него домъ былъ исправный, ни въ чемъ не ощущалось нужды.

Самъ Оедька былъ толковый парень: онъ самоучкой научился читать и писать. Братинко его уже самъ пахалъ. Видя, что двумъ работникамъ у земли нечего дѣлать, Оедька задумалъ столярничать. Онъ нанялъ столяра на дому работать у него и лѣтъ двадцати пяти сталъ самъ учиться столярному мастерству. Черезъ годъ онъ уже хорошо исполнялъ деревенскую работу: дѣлалъ рамы, столы, стулики, скамьи и табуретки, и теперь онъ уже самостоятельно занялся этимъ дѣломъ. За работу онъ бралъ сходно, то работы у него было довольно. При простой жизни, онъ зарабатывалъ хорошия въ крестьянскомъ быту деньги.

Таганька ужъ сталъ дряхлый старикъ: онъ совсѣмъ плохо видѣлъ и слышалъ. Силы у него измѣнили: онъ ничего не могъ работать, все болѣе лежалъ на печкѣ и на полатяхъ. За нимъ даже приходилось присматривать, чтобы на повети онъ не оступился бы, куданибудь не свалился и не убился бы.

Такъ какъ семья уже стала большая, ѣдоковъ было много, а хлѣба иногда не хватало, то, пожалуй, домашніе старикомъ ужъ тяготились. Тинка—еще ничего, не избивала его и обращалась съ нимъ ласково. „Ну, что, старикъ поработать, да меня вырастить—съ него и довольно, думать онъ: хозяйство-то, пожалуй, все поставлено имъ. Смерти Богъ не даетъ, такъ ничего тутъ не по-

дѣлаешь.“ Но старику казалось обиднымъ, что Тишка не во всемъ его спрашивается, съ нимъ не совѣтуется, а между тѣмъ, все его имѣніе нажито еще имъ же, и онъ ему отецъ. Между тѣмъ умъ у Таганьки сталъ ужъ не тотъ—слабже, онъ часто забывался; да и Тишкѣ ужъ попрежнему вести хозяйство не приходилось: условія жизни стали другія, гдѣ хлѣбопашество являлось не главнымъ занятіемъ, ужъ выступали на видный планъ посторонніе заработки, поэтому жить попрежнему, поступать по волѣ старика, смотрѣвшаго на міръ старыми глазами—было нельзя.

Невѣстка Таганьки, выведенная изъ терпѣнія недостатками, иногда попрекала его хлѣбомъ, что онъ ужъ больно долго зажился, пора бы ему и на тотъ свѣтъ отпраиваться, другимъ здѣсь мѣсто опростать. Проходила горячка, она считала себя виноватой и просила у старика прощенія.

Хилый, съ слабыми умственными способностями, съ худыми чувствами, гдѣ ужъ не было для него никакого-то удовольствія, и видя, что домашніе тяготятся имъ и смотрять на него, какъ на лишняго и ненадобнаго человека, который только напрасно ѣсть хлѣбъ, Таганька и самъ не радъ былъ своей жизни, не прочь былъ умереть, да смерть, ровно на зло, не приходила къ нему.

Но вотъ, онъ почувствовать, что ему стало тяжело—онъ застонать. Тишка подошелъ къ нему и съ участіемъ спросилъ.

— Что, батюшко, тебѣ не можется? Не съѣздить-ли за пономъ.

— Пожалуй... Тишка... съѣзди... Что-то меня... прихватило... Кажется... смертоныка приходитъ.

— Что ты, батюшко, пустяки-то говоришь,—сказаль.

Тишка, которому стало жалко отца.—Еще ты у насъ поживешь. Живи у насъ сколько угодно—мы тебя не переживаемъ.

— Нѣтъ... Чую, Тишка... я не житель.

Тишка запрягъ лошадь и съѣздить за священникомъ. Священникъ исповѣдалъ и причастилъ больного. Тишка отвезъ его домой.

Сосѣди, услыхавъ, что Таганька умираетъ, пришли къ нему прощаться. „Прости меня, грѣшнаго, или грѣшную,“ то и дѣло говорили они. „Богъ... простить,“ слабымъ голосомъ отвѣчалъ имъ Таганька.

На другой день, утромъ Тишка, заглянувъ на печку и видя, что старикъ не шевелится, окликнуть его—не отвѣчаетъ, потрогалъ его рукой—онъ уже умеръ.

Тишка съ Оленкой стащили старика съ печи, обмыли его, нарядили въ чистую холстинную рубаху, порты, надѣли на ноги сѣрые катаньки, положили его подъ иконами на лавку, покрыли холстиной, и стали на повети сколачивать новый гробъ.

Въ избѣ собралась вся деревня—пришли проститься со старикомъ. Внесли гробъ въ избу и положили въ него старика. На другой день Тишка, Глѣбо, Оленка и зять подняли гробъ на плечи, снесли его на дровни, въ которыя былъ запряженъ свой Карько. Закрыли крышкой гробъ, привязали его веревкой къ дровнямъ и тронулись къ церкви. Сосѣди провожали до конца деревни, а тутъ за гробомъ осталась одна только ближняя умершаго родня.

Привезли гробъ къ церкви. Поставили гробъ въ нее. Приготовили могилу. Тишка сказалъ священнику, что могилу они выкопали и просилъ его отійти панихиду. Пришелъ священникъ, одѣлъ черную ризу и от-

служить съ псаломщикомъ по покойникѣ панихиду.

Сыновья, внуки и зять подняли на плечи гробъ, снесли его, спустили въ могилу и засыпали ее землей, а сами пошли въ сторожку поминать покойника: росли тамъ двѣ бутылки водки и закусили пироговъ.

Недѣли черезъ двѣ Тишка сдѣлалъ толстый деревянный крестъ и въ воскресенье поставилъ его на могилѣ отца.

Крестьяне деревни Чернухина совсѣмъ стали жить плохо, что свидѣтельствовала ихъ деревня: дома были худые, крытые кое-какъ на одинъ скатъ, покривившіеся, съ выбитыми въ узкихъ продолговатыхъ рамахъ стеклами. Только человека четыре, занявшись дѣланіемъ кирпича, жили исправно, ни въ чемъ не нуждались, а остальные перебивались кое-какъ: прожилъ день—и слава Богу, а какъ буду жить завтра—вотъ ужъ не знаю.

Многіе изъ нихъ имѣли по полудуши земли и ту обрабатывали плохо, назъму возили мало, такъ какъ держали больше по одной клячѣ лонадѣ, да по худенькой коровенкѣ. Истощенная земля давала имъ постоянные неурожаи. Чернухинцы удивлялись: тогда какъ у ихъ сосѣдей, у Китьевскихъ мужиковъ въ это лѣто урожай озимого и ярового былъ хорошій, а у нихъ плохой, хлѣбъ уродился низенькій, слабосильный, рѣдкій.

„Вѣрно земля у насъ худа, положились они на этомъ. Наша земля наземъ любить, а много взять его намъ негдѣ.“

Покосы ихъ заросли кустарникомъ. Лѣсъ они весь вырубилъ, остались въ покотинѣ далеко другъ отъ друга небольшія елки, которыми пользовались только для отопленія своихъ избъ; они были тонки, для продажи

не годились.

Чернухинцы увидѣли, что дома имъ жить положительно печѣмъ, то и пошли они изъ своей деревни въ чужіе люди: маленькихъ дѣвочекъ отдавали въ няньки, а парнишекъ въ пастухи; взрослые ребята поступали въ работники, а дѣвки въ работницы, старухи поряжались въ няньки.

Нѣкоторые еще совершенно здоровые мужики и бабы, видя, что хозяйствомъ имъ не прокормиться, всеѣмъ забросили его; сами шлылись по деревнямъ, выпрашивая, Христа ради, милостыню и посылали за сборомъ своихъ ребятишекъ. Привыкнувъ къ этому легкому промыслу, имъ уже не хотѣлось честнымъ трудомъ зарабатывать себѣ хлѣбъ и идти въ наемную подневольную работу, и они весь вѣкъ свой жили нищенствомъ.

Крестьяне же, зная, что отъ тюрьмы и отъ сумы отказываться никому нельзя, со всякимъ, просящимъ у нихъ на нужду, дѣлили послѣднимъ кускомъ хлѣба; нищихъ, странниковъ и другихъ проходящихъ безплатно пускали къ себѣ ночевать, а еще иногда напоить чаемъ и покормить ихъ вмѣстѣ съ собою ужиномъ.

Какъ ни трудна, ни тяжела, ни полна была иногда разныхъ лишеній и невзгодъ жизнь нашихъ крестьянъ, но они до послѣдней крайности держались своей кормилицы-земли; но оторванные отъ земли, сдачей въ солдаты, или, въ силу необходимости, уходомъ на посторонніе заработки, они, возвратившись въ деревню, не такъ охотно принимались за хлѣбопашество—имъ уже казалась тяжела и трудна крестьянская работа. Они не могли вновь свыкнуться съ ихъ жизнью, и нѣкоторые снова уходили на чужую сторону, на болѣе легкіе заработки.

Попадались между крестьянъ такіе безпокойные люди, которымъ казалось тѣсно и скучно жить въ деревнѣ, душа ихъ требовала разгуля и простору; они шли на фабрики, на заводы, на дорожныя соруженія, въ города на болѣе кипучую удалую жизнь.

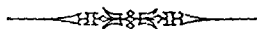
Осѣдлые исправные крестьяне находили много хорошихъ сторонъ въ своей жизни, дорожили и неохотно, даже съ горемъ, разставались съ нею, если ихъ къ тому заставляла нужда.

У исправныхъ крестьянъ есть свои дома, свои огороды, свои поля, свои луга, свои лѣса. Осенью они насыплютъ въ амбаръ хлѣба, котораго хватитъ на круглый годъ—и тогда живи безпечно до слѣдующей осени: при хлѣбѣ, на подати и на другіе расходы крестьянину заработать денегъ не очень тяжело. Трудъ ихъ здоровый, полезный и ни отъ кого независимый. Они иють, ѣдятъ добытое своими руками. И грубую пищу—капусту, рѣдьку, крутянку, картошку—они, поработавши физическимъ трудомъ на вольномъ воздухѣ, ѣдятъ съ такимъ аппетитомъ, что горожанину не приходится съ такимъ удовольствіемъ ѣсти даже самымъ изысканнымъ блюдомъ. Угнетеннаго состоянія, тоски, головныхъ болей у крестьянъ, работающихъ болышею частью на открытомъ воздухѣ, не существуетъ, и они почти всегда здоровы и довольны своею жизнію.

Но въ послѣднее время число бѣдняковъ и невольныхъ своею жизнію среди крестьянъ, все прибываетъ и прибываетъ. Многіе работаютъ, быются съ утра и до поздняго вечера, но все живутъ въ нуждѣ, въ горѣ, и какъ ни думаютъ они, но не знаютъ, какъ выбиться имъ, темнымъ людямъ, изъ тяжелого положенія; ждуть они, но все немогутъ дожидаться добрыхъ людей, которые бы подали отъ всего своего сердца руку по-

монци и повели бы ихъ, радуясь вмѣстѣ съ ними, на
путь счастья, здоровья, благополучія и довольства.

28-го іюля 1903 года.

Сельскій Староста

П О В Ъ С Т Ъ

I.

Домохозяева Пироговскаго сельскаго общества, въ началѣ октября тянулись, какъ муравьи, къ правленію для учета своего старосты и выбора новаго. Сборная изба уже наполнилась народомъ и часть его расположились около дома, на крыльцѣ и на лугу. На крыльцѣ сидѣли три мужика изъ деревни Назаровской: сѣдой старикъ Софронъ, бойкій лѣтъ сорока солдатъ Макаръ и черноглазый молодой Семень, и вели между собою бесѣду:

— Кого-то сегодня выберутъ въ старосты,—обращаясь къ своимъ сосѣдямъ, сказалъ Семень.

— А кого, какъ не Рожка,—отвѣчалъ Макаръ:—мужикъ онъ толковый, грамотѣ разумѣетъ, управить обществомъ, не то, что теперешній завара, который въ дѣлахъ, какъ слѣпой по перегородѣ, бродитъ. Не онъ у насъ староста, а писарь; староста только и знаетъ, что по безграмотству прикладываетъ печать. Отъ него, какъ отъ козла, ни шерсти, ни молока.

— Такъ-то оно такъ,—началъ дѣдъ Софронъ,—но только теперешній староста—кремень, не издержитъ зря копѣйки; небось, вотъ какъ будутъ учитывать, не много придется за нимъ; а денегъ черезъ его руки прошло—прорва: общество у насъ не маленькое—цѣлыхъ пятьсотъ душъ. Рожокъ вѣдь простъ больно. по-

проси у него что—ему не отказать; какъ говорится, послѣднюю рубашку сыметъ, да отдастъ; у старосты же постоянно на рукахъ мірскія деньги, чтобы они не егубили его, да и намъ не пришлось бы платить изъ-за его простоты другія деньги.

— Да если онъ и насидитъ, то онъ и отвѣтитъ,—возразилъ Сементъ,—да у него есть чего взять: одной купленной земли рублей на двѣсти будетъ—наши деньги не пропадутъ.

— Тогда какъ хотите: для меня—кого нужно, того и выбирайте, а мнѣ старику не много надо: до учета его мнѣ можетъ быть еще и не дожить...

— Вставай, ребята, да подходи къ избѣ, буду провѣрять!—выйдя на крыльцо, крикнуть пожилой писарь.

Кряхти, мужики поднялись и подошли къ избѣ. Писарь громко всѣхъ перекликалъ. Послѣ провѣрки староста предложилъ избрать учетчиковъ.

— Пусть учитываютъ: волостной старшина Дубовый, Рожокъ и Тихомировъ,—крикнуть кто-то изъ толпы:—они люди грамотные и смелые, а Дубовый ранѣе самъ служилъ старостой—то знаетъ эти дѣла!

Всѣ согласились.

Изъ толпы отдѣлились: небольшого роста, еще молодой, плотный, рыжеватый, со свѣтлыми голубыми глазами, Рожокъ, сухощавый длинный Тихомировъ и бородатый Дубовый. Они усѣлись въ переднемъ углу за широкій четырехугольный столъ, на которомъ лежали: толстая денежная книга, щеты, бумага, ручка и стояла изъ подъ лаку бутылка съ чернилами.

Рожокъ сталъ вычитывать статьи прихода и расхода, а два его товарища считали на щетахъ. Писарь и староста сидѣли тутъ же и поясняли недоразумѣнія.

За старостой ни сколько не присчиталось мірскихъ суммъ.

— Спасибо тебѣ, Степанъ,—сказали старики:—ухранилъ наши деньги—не пустилъ ихъ по вѣтру. Не хочешь ли еще послужить.

— Нѣтъ, братцы, благодарю—послужилъ и будетъ,—говорилъ староста, кланяясь въ поясъ:—со службой хлопотъ много; въ три-то года некогда было больно за хозяйствомъ присмотрѣть, то надо кое-что поисправить: упустить хозяйство, постѣ не вдругъ его по старому пустить.

— Ну, когда спасибо и на этой службѣ.

— Старый не хочетъ болѣе служить,—обратился къ мірянамъ старшина Дубовый,—надо выбирать новаго. Кого хотите?

— Рожка!—закричали всѣ.—Просите, ребята, его!

Рожокъ всталъ и обратился къ мірянамъ:

— Братцы, увольте меня: семья у меня большая—семь человѣкъ, а работникъ я одинъ; общество не малое—много хлопотъ по нему; не управить мнѣ вдругъ и въ обществѣ и въ хозяйствѣ; станешь слѣдить за хозяйствомъ, будетъ упущеніе въ обществѣ. Земскій начальникъ строгій: то и дѣло будетъ наказывать, штрафовывать, да подъ арестъ садить. Займешься толкомъ обществомъ—хозяйство запустеетъ, а вѣдь я отъ хозяйства живу, оно меня и семью кормить. Надо, братцы, съ должностью не нарушить его: отволочки по службѣ частыя, подмоги дома нѣтъ: и старшему-то сынишкѣ восемь лѣтъ, вѣдь не пошлешь его на пансію. Жалованье двадцать рублей въ годъ больно не велико: не выдаешь, какъ оно между пальцами пройдетъ.

— Не упрямься, послужи обществу,—уговаривали міряне.

— Служить обществу я всегда радъ, но и вы то пожалѣйте меня. Вѣдь служба въ конецъ разорить меня.

— Мы тебѣ прибавимъ жалованья—дадимъ вмѣсто двадцати сорокъ рублей. Можно будетъ жить... Ну, полно тебѣ упираться, давай, молись Богу.

— Дѣлать нечего: мѣръ хочетъ меня—я больно перечесть ему не стану. Сколько я могу, постараюсь для общества.

— Ребята, Рожокъ согласенъ,—сказалъ Дубовый.— Молитесь Богу, чтобы Богъ далъ ему счастливо служить: намъ на пользу, да и ему не на вредъ.

Настала въ избѣ тишина. Всѣ, устремивъ глаза въ передній уголъ, крестились и говорили: „Дай, Богъ, дай, Богъ, ему счастливо служить.“

— Пиши, писарь, приговоръ,—приказалъ Дубовый.

— Вотъ что, братцы,—обратился къ сходу солдатъ Макаръ:—за учетомъ, да за выборомъ старосты у насъ прошелъ цѣлый день; вѣдь мы всѣ проголодались—навѣрно у многихъ брюхо подволокло. Не худо бы чайку съ кренделями понить. Вѣдь старому старостѣ съ благополучнымъ учетомъ, а новому съ выборомъ въ должность, слѣдуетъ насъ угостить. Какъ вы думаете. А?

— То не худо бы,—проговорили мѣряне.

— Ну, какъ, старосты, будетъ отъ васъ милость?—спросилъ Макаръ.

— Братцы, васъ много, а жалованье мнѣ платили невелико—мнѣ не изъ чего вамъ давать,—сказалъ старый староста,—да и отъ начальства за это чего не было бы: узнасть, такъ придерется къ учету, скажетъ, за деньги учетъ произвели, да выбрали новаго старосту; тогда вамъ будетъ другая волокита, да и намъ чтобы

не влетѣло.

— Мы не на водку просимъ, а на чай и на крендели. Намъ немного надо: всего два рубля съ брата.

— Братцы, мнѣ обидно вамъ давать столько, сколько дать Рожокъ: ему жалованіе вы дали вдвое больше моего, а служба одна.

— Тогда съ тебя довольно полутора рубля, а съ Рожка за выборъ и за прибавку вдвое—три рубля. Идетъ?

— Коли такъ, то я не перечу.

— И я тоже,—согласился Рожокъ.

Раздѣлавшись съ приговоромъ, гдѣ досталось грамотнымъ: иному, кромѣ себя, приходилось расписываться за десять неграмотныхъ,—мужики, шумно разговаривая, довольные покатали въ трактиръ, находившійся неподалеку отъ правленія, пить чай съ кренделями.

II.

Прошла осень. Наступила зима. Рожокъ познакомился со своею должностію. Лѣто было урожайное, то осеннюю половину податей мужики платили исправно и взысканіе ихъ не очень затрудняло.

Около Рождества Рожокъ получилъ изъ правленія извѣщеніе, что его требуетъ для личныхъ объясненій земскій начальникъ. Староста просто не зналъ на что и подумать, зачѣмъ его приглашаетъ земскій начальникъ.

„Кажется, никакихъ у меня по службѣ упущеній нѣтъ, думалъ онъ, и вины за собой никакой не знаю. На что я ему? Да дѣлать нечего, не самъ большой—надо ѣхать.“

Запрягъ онъ свою лошадь въ длинныя лубочныя сани и потащился къ земскому начальнику, который жилъ отъ него за сорокъ верстъ. Въ десять часовъ утра

староста уже былъ въ его камерѣ, дожидаясь пріема своего начальника.

Въ часъ дня вышелъ земскій и обратился къ нему:

— Что тебѣ надо?

— Сельскій староста Пироговскаго общества,—объявить Рожокъ,—явился по вашему приказанію.

— Староста, ты знаешь кто я?—спросилъ земскій.

— Какъ не знать,—мой начальникъ, господинъ земскій начальникъ.

— А какъ же такъ: ты служишь уже три мѣсяца и до сихъ поръ не явился ко мнѣ, какъ своему непосредственному начальнику?

Этотъ вопросъ удивилъ старосту: онъ все время жилъ, не выползая, въ своей деревнѣ и не зналъ какъ обращаться съ начальствомъ.

— Дѣла ранѣе къ вамъ не было, то безъ дѣла, я думаю, зачѣмъ ѣхать, попусту утруждать васъ,—просто отвѣчалъ староста.

— Ты, какъ мой подчиненный, обязанъ былъ сразу, по утвержденіи, явиться ко мнѣ и представиться. А то служить у меня подчиненные и я ихъ не знаю. На первый разъ твой поступокъ я прощаю, а на слѣдующій разъ будь поисправнѣе передъ своимъ начальствомъ. Теперь можешь идти домой.

Выйдя изъ камеры, староста совѣмъ удивился и не зналъ, на что приглашалъ его земскій начальникъ.

„Неужели только посмотреть его, думаю я. То изъ-за такихъ пустяковъ не стоило бы тревожить меня: изъ-за поѣздки я потерялъ два дня,—досталъ бы въ это время въ вывозкѣ лѣса полтора рубля, а теперь они съ неба мнѣ не свалятся.“

Весной староста гонялъ плоты внизъ по рѣкѣ. Земскій узналъ про это. Онъ опять вызвалъ его для

личныхъ объясненій.

Во время самаго весенняго поѣва, староста въ грязь отправился къ нему.

— Какъ ты смѣешь отлучаться безъ моего спросу!— обратился къ нему земскій.—Ты знаешь, что безъ моего разрѣшенія, ни на шагъ не долженъ отлучаться изъ своего общества. Пріѣденъ къ вамъ, нужно дѣло дѣлать, а вась и съ собаками не сыщешь.

-- Да какъ же, баринъ, быть: я вѣдь не жалованіемъ, а отъ своихъ рукъ живу; а если на сторонѣ не добуду, то мнѣ совѣмъ нечѣмъ жить,—жалованье сорокъ рублей недалеко подернешь.

— Ты обязанъ взять отъ меня разрѣшеніе—тогда можешь отлучаться.

-- Баринъ, вѣдь къ вамъ идти надо сорокъ верстъ, потеряешь два дня, да можетъ еще попусту—вась не застанешь дома, а крестьянину дорогъ каждый день...

— Молчать!—крикнулъ начальникъ.—Онъ еще вздумалъ возражать. Знай и напередъ: безъ моего разрѣшенія—ни шагу. И не позволю, чтобы у меня подчиненные, куда вздумали, туда и ѣхали; вы всегда должны быть готовы къ исполненію своихъ обязанностей. А чтобы впередъ ты самовольно такъ не поступать, то я тебя штрафую на пять рублей.

Повѣсивъ голову, староста вышелъ отъ земскаго и, тяжело вздохнувъ, сказалъ: „Охъ, баринъ, баринъ, если бы ты зналъ, каково достались мнѣ эти пять рублей, отъ которыхъ у меня кровяныя мозоли на рукахъ: не поспалъ бы ты за нихъ почти три ночи, да помахалъ бы, работая на плотяхъ, тяжелыми веслами, да съ однимъ сухимъ хлѣбомъ и черствыми пирогами номерзъ бы по ночамъ, когда вода стынетъ, да помѣсилъ бы ногамъ грязь, идя обратно сто двадцать верстъ,

то, хотя бы я былъ тутъ и неправъ, то пожалѣлъ бы меня и не оштрафовалъ бы на пять рублей, тѣмъ самымъ не лишилъ бы меня добытыхъ за все это время денегъ.“

III.

Въ августѣ мѣсяцѣ у Рожка былъ сельскій сходъ.

Послѣ окончанія всѣхъ дѣлъ, староста обратился къ мірянамъ:

— Братцы, у насъ общество не малое, а далеко отстоитъ отъ сѣла, гдѣ находится школа; большая половина общества расположена за волокомъ, такъ что самымъ ближнимъ ребятишкамъ заволаочать, надобно бѣжать въ школу болѣ пяти верстъ, поэтому обучать нашихъ ребятъ въ селѣ больно „не сподручно.“ многіе ребятишки изъ-за этого у насъ остаются неучеными; а неученому нынче больно плохо: вѣдь непонусту говорятъ, что ученье—свѣтъ, а неученье—тьма. Не худо бы намъ завести у себя особое училище.

— Мы безъ училищъ, слава Богу, прожили; ребятъ выкормили и внуки безъ нихъ проживутъ,—возразилъ изъ толпы дѣдъ Софронъ.

— Вотъ что я тебѣ скажу, дѣдъ Софронъ,—говорилъ староста:—прежде не какъ нынче—было больно просто жить. Вы сидѣли у себя дома на печи; иной всю свою жизнь деже не повидаетъ своего города; нынче—волей-неволей приходится многимъ жить въ чужихъ людяхъ: одни идутъ на дѣйствительную военную службу, другіе въ ратники, не мало уходятъ на заработки. Возьми хоть военную службу—спроси любого здѣсь солдата, поступившаго туда неграмотнымъ, каково ему досталась тамъ темнота-то?

— И-и, упаси Богъ на службѣ неграмотному,—сказалъ еще молодой, недавно вернувшійся со службы

солдаты:—я испыталъ на себѣ и закажу лихому врагу, чтобы училъ ребятъ. Ну, гимнастику, ружейные приемы, стрѣльбу и все строевое обученіе можно понять и безъ грамоты, а при словесномъ ученіи неграмотному—чистое наказаніе! Унтеръ тебѣ скажетъ разъ, два, много три—не запомнишь—въ усь да въ рыло. А гдѣ тутъ запомнить сразу мудреные военные чины, имя, отчество и фамилію своихъ начальниковъ. Иногда и десять разъ унтеръ скажетъ, перепутанъ, изъ терпѣнія его выведешь... и влѣпить онъ тебѣ отъ всего усердія оплеуху, да и носи ее за бархатъ; а посмотришь—грамотные сидятъ одни себѣ, да словесность по книжкѣ и учатъ. Ты болтаешься, такъ бы и поучилъ бы свои уроки, да темень—ничего не подѣлаешь. Позавидуешь грамотнымъ, да и ругнень своего батьку, что оставилъ меня на весь вѣкъ темнымъ человѣкомъ. Про чужую сторону и говорить нечего—неграмотный чертоломъ тамъ: копай за пустяки землю, да таскай ее на себѣ на тачкахъ; а грамотные-то—шатай-валяй загребаютъ денежки.

— Что и говорить,—подтвердилъ молодой мужикъ изъ толпы:—грамотному жить легче. Такъ къ примѣру сказать: служба десяткимъ, иногда набѣгаешься съ приказомъ по всей деревнѣ, чтобы узнать, что въ немъ написано. Да только какъ приступить къ этому дѣлу? Поди съ училищемъ расходовъ много будетъ.

— Если расходовъ избѣгать, тогда намъ ничего не дѣлать.—замѣтилъ староста,—а если требуются деньги на полезное необходимое дѣло, которое впоследствии сторицею окупится, то почему же намъ не расходовать деньги? Да это дѣло встанетъ не такъ дорого, какъ вы думаете. Мы сейчасъ составимъ приговоръ и станемъ просить будущее земское собраніе, чтобы оно открыло у насъ земское училище, съ тѣмъ, чтобы оно дало содержаніе учителю, законоучителю и отпускало

бы ежегодно необходимы книги, учебныя пособія и мебель, а мы съ своей стороны обяжемся дать квартиру, отопленіе и освѣщеніе. Собраніе будетъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ и просьбу нашу навѣрно удовлетворить.

— Гдѣ же мы возьмемъ вскорѣ домъ подѣ училище?—спросили нѣкоторые изъ мужичковъ.

— Какъ собраніе постановить открыть у насъ училище, то на первое время, пока не выстроимъ подѣ училище новый домъ, я пушчу къ себѣ вверхъ. Въ первый годъ учениковъ будетъ не очень много: помѣщенія для училища и для учителя вполне хватитъ; а для общества я возьму недорого: за квартиру, за отопленіе и за освѣщеніе—шестьдесятъ рублей въ годъ; а тамъ, исподовольно станемъ заводить подѣ училище новый домъ: лѣсу у насъ много—пусть каждый съ дому привезетъ по бревну; плотники не дороги—немного за срубку возьмутъ; отоплять ничего не стоитъ—дрова больно дешевы: за два рубля привезутъ на мѣсто цѣлую кубическую сажень; а свѣту, не Богъ знаетъ, на сколько уйдетъ.

— Нашему концу домъ строить больно обидно,—замѣтили мужички, жившіе ближе къ селу,—потому что нашимъ ребятамъ ближе въ село въ школу ходить.

— Однако на сегодняшнемъ же сходѣ было: я издержалъ на покупку для вашей школы—бумаги, карандашей, грифелей и чернилъ—пять рублей, иначе совѣтъ не почему было учителю обучать ребятъ,—общество, несмотря, что добрая половина его никогда не посылаетъ своихъ ребятъ въ вашу, школу безпрекословно приняло отъ меня этотъ расходъ и никто ничего мнѣ не сказалъ,—а вы, меньшая половина, начинаете спорить. Если такъ будете разсуждать, то вы можете намъ въ хорошемъ дѣлѣ повредить, да и вы безъ нашего сог-

ласія ничего не сдѣлаете: все-таки большая половина за нами,—и не будетъ у насъ тогда ничего полезнаго. Спорить въ хорошихъ дѣлахъ ни тому, ни другому концу не слѣдуетъ.

Послѣ такихъ вѣскихъ доводовъ и эти противники замолчали.

— Да нечего тутъ долго съ ними и растабаривать,—закричали изъ толпы молодые,—пини приговоръ объ открытіи училища.

— Ну, что, братцы, все согласны?—спросилъ староста.

— Согласны,—сказали нѣсколько голосовъ, а остальные не возражали, выказывая тѣмъ свое согласіе.

Приговоръ тотчасъ же староста приготовилъ и представилъ его къ земскому собранію.

Собраніе въ сентябрѣ того же года постановило открыть училище. Съ Нового года училище помѣстилось въ домѣ Рожка.

Староста объ этомъ извѣстилъ мірянъ, и той же зимы лѣсъ для училища былъ готовъ. Ассигновавъ деньги, общество поручило старостѣ устраивать домъ, какъ онъ найдетъ лучше. Староста посоветовался съ учителемъ церковно-приходской школы и со — священникомъ, и къ первому октябрю слѣдующаго года выстроилъ для училища шесть оконъ по лицу одноэтажный домъ. Весь передъ дома занимала чистая свѣтлая комната съ шестью окнами по лицу и по три съ каждаго боку. Сзади, черезъ теплый коридоръ, была ночлежная, которая служила и прихожей, гдѣ раздѣвались ученики; рядомъ съ нею находилась квартира для учителя въ три комнатки: кухня, передняя и небольшая спальня. Мебели, какъ въ классѣ, такъ и у учителя была на видъ хотя простая, но очень чистая, прочная, удобная.

Міряне, принимая работу, остались довольны устройствомъ дома, который обошелся имъ сравнительно недорого: деньгами четыреста пятьдесятъ рублей—расходу легло меньше одного рубля съ души, и благодарили старосту за всѣ хлопоты...

И просвѣщеніе мірянъ Пироговскаго общества, сдвинувъ темноту съ мѣста, пошло обычнымъ своимъ ходомъ, который уже никакая сила не задержитъ: испытать на себѣ пользу ученія, ни одинъ грамотный отецъ изъ этого училища уже не оставитъ на всю жизнь своихъ дѣтей темными людьми, а по мѣрѣ силъ своихъ обучить ихъ грамотѣ.

IV.

Съ половины августа шли почти непрерывные дожди; къ концу сентября и безъ того худыя проселочныя дороги совсѣмъ размыло. Ямщики прихватывали съ собой топоры, чтобы мѣстами закидать выбоины, иначе изъ нихъ не выѣхать. Ни о какой ѣздѣ рысью было немыслимо.

Въ такую-то дорогу, да еще въ проливной дождь, волокомъ тройка лошадей едва шагомъ тащила къ правленію тарантасъ съ земскимъ начальникомъ, который со сѣзда ѣхалъ домой. Станцію въ двадцать верстъ онъ тащился шесть часовъ. Измученный нравственно и физически, онъ едва дотянулся до правленія.

Видѣ себя, онъ вошелъ въ правленіе, гдѣ его, трясаясь отъ страха, встрѣтилъ робкій старшина.

Приказавъ какъ можно скорѣе послать на станцію за лошадьми, начальникъ грозно обратился къ старшинѣ:

— Старшина, что-же у васъ какіе порядки! По

вашей волости просто нѣтъ проѣзду. Станцію двадцать верстъ нужно ѣхать цѣлыхъ шесть часовъ, да еще ямщикамъ приходится останавливаться и закидывать выбоины. Что же ты не позаботишься объ исправленіи дорогъ: просто скоро совсѣмъ сюда не попадешь! За такую бездѣятельность я тебя посажу подъ арестъ.

— Да что же мнѣ дѣлать, баринъ,—отвѣчалъ руки по швамъ старшина:—я нѣсколько разъ писать старостамъ приказы, чтобы они выгоняли на работу народъ, да народъ не слушается, не идетъ на работу.

— Если не слушаются тебя, то ты ихъ накажи—посади подъ арестъ: впередъ они будутъ знать, какъ противиться начальству.

— Всѣхъ, вѣдь, баринъ не пересадишь,—отвѣчалъ старшина,—ихъ много: волость у насъ большая, девятьсотъ душъ—тутъ немало народу.

— Зачѣмъ всѣхъ садить. Ты подвергай аресту только виноватыхъ.

— Трудно, баринъ, отобрать виноватыхъ отъ невиноватыхъ: одни согласны править, другіе нѣтъ; а которые и согласны, то тѣ безъ несогласныхъ одни на дорогу не идутъ. Какъ хочешь, такъ тутъ и дѣлай.

— Какъ у васъ ранѣе-то правились дороги. Не всѣ однако мужики упрямылись: видать стланъ мѣстами, да и мосты кто нибудь строилъ?

— Ранѣе народу было меньше, да и народъ поспокойнѣе, да послушнѣе былъ. Если начальство велитъ дорогу поправить, вся волость и работаетъ день или два, хотя иногда половина изъ нихъ только числится на работѣ, почти только пробродитъ взадъ и впередъ, идти въ другой разъ до худой дороги далеко, инымъ верстъ тридцать будетъ, то много времени у нихъ проходитъ въ дорогѣ. Выкапываютъ канавки въ четверть

глубины и ширины, тѣмъ и кончается вся поправка. Да, баринъ, дорогъ-то у насъ больно много: волостью двадцать верстъ будетъ, не считая въ сторону, деревню отъ деревни, да волоками двадцать пять верстъ. Хоть лѣса-то тутъ купцовъ, они отъ нихъ наживаютъ большія деньги, а дороги править приходится намъ. Однихъ мостовъ надо поправить страсть: даже ихъ не пересчитаешь. Иногда мужики найдутъ глѣдѣть дорогу, гдѣ она похуже, чтобы ее поправить, да весь день и проищутъ: они не знаютъ съ котораго конца приняться; какъ ни посмотрятъ—вездѣ она худа; то и порѣшатъ, лучше ужъ поправку не начинать: отъ правленнаго участка остальная дорога будетъ казаться еще хуже. Такъ и въ прошлую осень ходили они на дороги раза два, да ничего не подѣлали.

— Такъ вотъ что ты, старшина, сдѣлай: собери волостной сходъ и постановите приговоръ о порядкѣ исправленія дорогъ; чтобы всю дорогу, находящуюся въ волости, раздѣлили на участки: сначала по деревнямъ, потомъ каждая деревня по домохозяевамъ, и пусть каждый домохозяинъ править свой участокъ. А если чей участокъ окажется неисправнымъ и урядникъ о томъ составитъ протоколъ и представитъ мнѣ, то я того подвергну опредѣленному въ законѣ взысканію. Смотри, чтобы это было немедленно исполнено.

— Хорошо, постараюсь исполнить.

— Больше мнѣ съ тобой уже некогда говорить—подали лошадей, нужно ѣхать домой; но только предупреждаю тебя: не заставь повторять это—иначе будешь раскаиваться. Прощай!

— До свиданія, баринъ. Счастливаго пути,—говоритъ, усаживая своего начальника, старшина.—Впередъ милости просимъ.

— Пошелъ!—крикнулъ земскій ямщику.

Натянувшись, по колѣно въ грязи, лошади потащили тарантасъ съ грознымъ начальникомъ.

„Чтобы ты къ намъ подольше не ѣздить,—проворчалъ во слѣдъ старшина,—если бы ты и совѣтъ не пріѣхалъ, даже нисколько не потужили, даже рады были бы. А то пріѣдетъ—ровно погода пронесется... и трясись передъ нимъ, какъ осиновый листъ“...

— Давай-ка, писарь, съ проводинами начальника розопьемъ бутылочку,—обратился онъ еще не къ старому, высокаго роста писарю.

— Слѣдуетъ и выпить: такую тучу благополучно пронесло. Сначала, какъ онъ закричалъ, то я отъ страха не зналъ что и дѣлать: даже поджилки затряслись. Но потомъ все по хорошему обошлось.

— Эй, Нестеръ, сходи въ трактиръ, принеси бутылку водки,—крикнулъ старшина разсильному.

— Сейчасъ принесу.

Ничто такъ быстро не достается какъ водка, хотя иногда добыть ее довольно трудно; такъ и здѣсь—черезъ полчаса уже бутылка стояла въ совѣщательной комнатѣ передъ старшиной и писаремъ, а черезъ другіе полчаса она уже была порожняя.

Черезъ недѣлю собрали волостной сходъ по личному приказанію земскаго начальника. Но приговора о разверсткѣ дороги на участки, не постановили, а рѣшили дорогу править по старому. Старшина донесъ объ этомъ земскому. Тотъ оштрафовалъ за ослушаніе его каждое лицо, участвовавшее на сходѣ и не желавшее разверстки земли, по одному рублю, и велѣлъ снова собрать объ этомъ дѣлѣ волостной сходъ. Живившись на сходѣ, мужики долго спорили и кричали, но стояли на своемъ, что они слышали, что дороги, пролегающія

черезъ земли частныхъ владѣльцевъ, должны править сами владѣльцы, а не волости, въ средѣ которыхъ они лежатъ. Это разъяснилъ имъ староста Рожокъ, который, чтобы избавиться отъ путаницы о дорогахъ, нарочно ѣздилъ въ городъ для совѣта съ адвокатами и свидѣющими людьми. Тамъ ему сказали, что по закону дорогу должны править владѣльцы земли, гдѣ пролегаетъ она. Поэтому, мужики, несмотря на штрафы, не соглашались править дорогу черезъ чужія владѣнія, и постановили приговоръ о разверткѣ дороги, пролегающей только въ ихъ владѣніяхъ.

Старшина немедленно сообщилъ объ этомъ земскому. Узнавъ, что мужики такъ упорствуютъ по наущенію Рожка, земскій подвергнулъ его пятидневному аресту при полицейскихъ камерахъ, и о всѣхъ лицахъ, участвовавшихъ на сходѣ, за сопротивленіе властямъ, сообщилъ прокурору. Прокуроръ не нанеся въ ихъ дѣйствіяхъ проступка закона и всю переписку возвратилъ земскому начальнику.

Староста Рожокъ все-таки понесъ наказаніе: въ грязь по колѣно въ октябрѣ мѣсяцѣ, взявъ въ дорогу мѣшочекъ съ хлѣбомъ и пирогами, онъ пошелъ въ уѣздный городъ, находившійся отъ его деревни въ ста двадцати верстахъ, чтобы отбывать тамъ наказаніе за свой поступокъ.

Тамъ для мужиковъ, отбывавшихъ наказаніе по судебнымъ приговорамъ земскихъ начальниковъ, выстроены прекрасныя, свѣтлыя камеры съ крашенымъ поломъ, такъ что въ такихъ помѣщеніяхъ мужики не только сами не жилали, но даже не бывали въ гостяхъ, а этихъ мужиковъ начальству, — старшинамъ, старостамъ и исыарямъ, которое выбирается обыкновенно изъ самыхъ лучшихъ лицъ волости и которые большею частью попадутъ наказанію по мягкости своего характера, — отведе-

ны грязныя, крохотныя, въ одно окно, съ желѣзными рѣшетками комнатки, съ покатыми нарами, гдѣ расхаживаютъ кучи клоповъ и куда сажаютъ только пьяныхъ мужиковъ, которые иногда всю ночь провинившемся начальству, находящемуся отъ нихъ по сосѣдству, не дадутъ покою. О похлебкѣ тутъ и заикаться нечего — негдѣ сварить: и живетъ здѣсь сельское начальство иногда по недѣлѣ на одномъ сухоледіи.

Въ такомъ-то помѣщеніи съ хлѣбомъ и черствыми „япными“ пирогами, Рожку за свою вину и пришлось отсѣживать цѣлыхъ пять сутокъ.

V.

Подходитъ весна—время посѣва ярового, а у доброй половины крестьянъ Пироговскаго общества нѣтъ сѣмянъ: надѣются они на хлѣбозапасный магазинъ. Приговоръ о выдачѣ хлѣба уже болѣе мѣсяца посланъ земскому начальнику, но ни отъ него никакихъ увѣдомленій, ни отъ управы разрѣшенія нѣтъ, а посѣвъ уже на носу. Мужики толпами осаждаютъ старосту, чтобы онъ выдавалъ хлѣбъ, иначе поля останутся незасѣянными; къ тому же все озимовое поле выѣтъ червякъ, его приходилось пересѣвать, и сѣмянъ въ нынѣшній годъ требовалось вдвое.

За разрѣшеніемъ самъ староста отправился въ земскую управу. Тамъ ему отвѣтили, что еще не получены приговора отъ земскаго начальника, а безъ приговоровъ и его увѣдомленія, управа выдать хлѣба не можетъ.

Староста такъ ни съ чѣмъ и вернулся домой, а здѣсь, въ ожиданіи его, толпятся мужики и бабы: иные уже попахались, землю не сушить, надо сѣять. Мужики приступили къ старостѣ: что хочешь дѣлай, а вынь да

положь имъ хлѣба.

Староста сказалъ имъ:

— Безъ разрѣшенія управы я не имѣю права выдавать хлѣба.

Приговоръ давно посланъ земскому начальнику. Земскимъ приговоръ еще не доставленъ въ управу, почему управа разрѣшенія и не даетъ; сомовольно выдать хлѣбъ—я не могу, иначе мнѣ за это попадетъ.

Мужики поклонились въ поясъ, а бабы, какъ стояли, такъ и упали ему въ ноги, сидѣвшіе же покатились съ лавки и завопили:

— Староста, не губи насъ, что хочешь дѣлай, а только намъ хлѣба выдай, не разори насъ въ корень!

— Да встаньте вы, черти полосатые,—съ сердцемъ сказалъ староста,—что вы тутъ меня на колѣняхъ упрашиваете, ровно Бога!... Понимаете ли, что это не отъ меня зависитъ, а отъ начальства. Начальство разрѣшитъ, то мнѣ не жалъ мірскаго хлѣба; если оно велитъ, я хоть весь хлѣбъ вамъ выдамъ.

— Ты вѣдь знаешь наше положеніе,—говорили свое мужики: —мы хлѣбомъ и живемъ-то; а если недѣлю посѣва упустимъ, сымемъ половинный хлѣбъ: весенній день дороже осенней недѣли. И при раннемъ-то посѣвѣ не всегда у насъ вызрѣваетъ хлѣбъ, а что будетъ при позднемъ? Побьетъ его морозомъ, да и только. Тогда пропали всѣ наши труды!

— Все это я хорошо знаю, самъ крестьянинъ, но сдѣлать-то самъ собою ничего не могу. Вы займите у соседей, а послѣ какъ получите изъ магазина, имъ отдадите, а можетъ быть нѣкоторые подождутъ хлѣбъ и до осени.

— Охъ, староста,—тяжело вздохнувъ, отвѣчали мужики,—у кого займешь-то? Если у нѣкоторыхъ и былъ

ранѣ запасный хлѣбъ, ими нынче зимой проданъ: цѣна на хлѣбъ стояла хорошая, каждый постарался сбыть его по дорогой цѣнѣ, и оставилъ только себѣ на сѣмена... Пожалѣй насъ—у тебя вѣдь ключи: отопри магазинъ и выдай намъ хлѣбъ,—заставь насъ вѣчно за тебя Бога молить...

Староста просто не зналъ что дѣлать: какъ самъ землевладѣлецъ, онъ хорошо зналъ, какія могутъ быть печальныя послѣдствія отъ несвоевременнаго посѣва ярового; ржи нынче ожидать нечего—червякъ выѣлъ, да какъ еще яровое выдасть—тогда мужикамъ совсѣмъ корзина; да и выдавать онъ не имѣетъ права. Что хочешь, то и дѣлай. Если, не дождавшись разрѣшенія, раздать хлѣбъ, то самому отъ земскаго влетитъ. Какъ-да однимъ арестомъ не отдѣлаешься, еще подѣ судъ отдасть? Идти къ нему за приговоромъ, да опять въ управу, время уйдетъ—его не воротинь... „А что будетъ, то и будетъ—выдамъ хлѣбъ, рѣшилъ онъ, махнувъ на все рукою, если и пострадаю, такъ одинъ, по крайней мѣрѣ, мужики не будутъ бѣдствовать; а меня за это однако не сошлютъ: отдююсь казamatкой, да и ладно—къ ней мнѣ не привыкать... И велѣлъ мужикамъ на слѣдующій день пріѣзжать за хлѣбомъ.

— Дай тебѣ Богъ добраго здоровья, вѣкъ не забудемъ тебѣ этого добра,—съ чувствомъ говорили ему мужики.

— Давайте, проваливайте, ужъ мнѣ надоѣло слушать ваше канючанье. Накажите своимъ сосѣдямъ, что, если кому нужно хлѣба, ѣхали бы завтра въ магазинъ.

На другой день, съ самага ранняго утра, у хлѣбо-запаснаго магазина Пироговскаго общества, стоявшаго на краю деревни Пирогова, толпилось множество подводъ и народа, пріѣхавшаго за хлѣбомъ.

Пришелъ староста, отперъ магазинъ, помолился и, взглянувъ на списокъ, находившійся въ рукахъ, крикнулъ:

— Эй вы, дубровинскіе, подходите сюда!

Крестьяне деревни Дубровина съ мѣшками за плечами выдѣлились изъ толпы и вошли за старостой въ хлѣбный магазинъ.

— Авдотья Ванина!—крикнулъ староста.

— Туто-тка!

— Давай мѣшки, да получай восемь мѣръ овса.

— Только восемь мѣръ!—удивилась Ванина:—мнѣ этимъ овсомъ нечего дѣлать—и половины имъ не за-сѣешь.

— А кто тебѣ велѣлъ просить въ приговорѣ столько хлѣба; просила бы больше—больше и получила бы, а теперь сверхъ приговора мнѣ отпустить нельзя.

— Батюшко, я думала, что ржи-то хоть частица взойдетъ; вѣдь совѣтъ не ожидала, что придется все озимовое поле пересѣвать, а приходится: взошло гдѣ-индѣ перышко, на каждой полосѣ ихъ пересчитаешь; ужъ нечего и думать, чтобы хоть сколько нибудь ржи поросло. Отпусти, ради Бога, еще шесть мѣръ овса.

— Что ты за дура!—выругался староста,—говорять тебѣ русскимъ языкомъ, что я безъ приговора и безъ разрѣшенія начальства горсти хлѣба отпустить не могу, а не то мнѣ въ загривокъ за это попадетъ.

— Ничего не попадетъ. Воля твоя—только скажи, живо нагребемъ,—твердила свое Ванина.—Хлѣбъ въ магазинѣ также будетъ гнить, а я осенью тебѣ съ поклономъ свѣжаго привезу. Если хочешь, то даже лишній четверикъ всыплю. Казнѣ отъ этого не будетъ убытку, а меня заставишь вѣкъ Бога молить: дѣло мое вдовье, на рукахъ пятеро ребятъ, все малъ-мала меньше, тутъ не

добудешь на сторонѣ сѣмянъ. Не пусти меня, ради истиннаго Христа, по міру: безъ хлѣба-то съ такой семьей что я подѣлаю?

— Да, староста и намъ сѣмянъ по приговору не хватить,—сказали остальные.—Какъ хочешь, а отпусти намъ сверхъ нормы, а то мы останемся безъ хлѣба—безъ хлѣба же мы не жители. Мы все думали, что озимовое что-не-что взойдетъ, а на полосахъ просто черно—нечего ждать, чтобы хоть сколько нибудь поросло. Вѣдь самъ знаешь, что безъ пересѣву нынче не обойтись.

— Охъ, братцы,—тяжело вздохнувъ, отвѣтилъ староста,—хорошо знаю я всю ваши нужду, но не отъ меня зависитъ ее исправить: я больно маленькій человекъ. Я только дѣлаю то, что велятъ—вѣдь я подначальный человекъ; если узнаетъ про это начальство, то сочтетъ самовольную раздачу хлѣба злоупотребленіемъ по службѣ, и выпишетъ съ меня, а не съ васъ.

— Староста, ты пожалѣй и насъ-то: вѣдь крайняя нужда заставляетъ насъ просить; а осенью только скажи, мы тебѣ хлѣбъ до слова привеземъ. Когда начальство станетъ провѣрять, хлѣбъ будетъ наличю; оно и не узнаетъ, что ты столько роздалъ его.

— Само-то оно не узнаетъ, да нынче много лихихъ людей; общество у меня большое—всѣмъ не уноровишь, живо допѣхнутъ до земскаго—тогда моргай глазами-то.

— Будь отецъ родной, не разори,—завопили бабы, утираясь передниками,—не пусти ребятъ по міру, поставь Бога вѣчно молить. Господь тебѣ заплатитъ...

— Полно вамъ тутъ ревѣть, ровно подъ медвѣдемъ!—крикнулъ на нихъ староста.—Такъ и быть, ужъ отпущу—заодно отвѣчать; что будетъ, то и будетъ...

— Дай Богъ тебѣ за это добраго здоровья,—говорили, кланяясь въ поясъ, мужики и бабы,—вѣкъ мы не

забудемъ тебѣ этого добра!

Глядя на Рожка, выдали хлѣбъ и другіе старосты.

Черезъ двѣ недѣли, когда уже красная щетина покрыла всѣ поля, отъ управы пришло разрѣшеніе на выдачу хлѣба.

Волостной писарь давно сердился на сельскихъ старостъ за то, что онъ просилъ на волостномъ сходѣ прибавки себѣ жалованья, но старосты не поддерживали его просьбу, благодаря чему волостной сходъ просьбу писаря не удовлетворилъ. Главнымъ виновникомъ этого онъ считалъ старосту Рожка, какъ болѣе имѣвшаго вліяніе на сходъ. На время онъ притаилъ свою злобу и ждалъ удобнаго случая, чтобы поразсчитаться со старостами. Случай представился: приговора о разрѣшеніи, посланные земскою управой, шли черезъ волостное правленіе, поэтому, зная, что старосты выдали хлѣбъ до разрѣшенія, онъ дожидался земскаго начальника, чтобы лично передать ему о такихъ самовольныхъ дѣйствіяхъ старостъ.

Около Петрова дня земскій былъ у нихъ въ правленіи. Писарь, оставшись съ нимъ наединѣ, сказалъ:

— Ваше высокоблагородіе, здѣсь у насъ старосты поступаютъ самовольно: не дождавшись разрѣшенія начальства, роздаютъ изъ магазиновъ хлѣбъ. Они изведутъ его, что послѣ нихъ въ хлѣбозапасныхъ магазинахъ не останется ни одного зерна.

— Какъ они смѣютъ выдавать хлѣбъ безъ разрѣшенія!—вспылилъ начальникъ.—Я имъ покажу, каково самовольно распоряжаться, поступать беззаконно, не зная никакого начальства. Немедленно позвать ихъ сюда!

— Сейчасъ будетъ послано за ними,—сказалъ услужливый писарь.

Онъ мигомъ изготавилъ старостамъ приказы тако-
го содержанія:

Сельскому старостѣ—поименовано какого обще-
ства.

По личному приказанію его высокоблагородія гос-
подина земскаго начальника строго приказываю тебѣ тот-
часъ же по полученіи сего явиться въ волостное пра-
вленіе для объясненія съ его высокоблагородіемъ зем-
скимъ начальникомъ по весьма важному дѣлу.

Волостной Старшина

Скрѣпивъ эти приказы, старшина наказалъ раз-
сылному, чтобы тотъ какъ можно скорѣе снесъ ихъ
старостамъ.

Босой, въ одной рубашкѣ, разсылный, еще моло-
дой парнишка, схвативъ картузь и надѣвая его на до-
рогѣ, бѣгомъ побѣжалъ со своимъ порученіемъ. Только,
уже когда не видно стало правленія, пошелъ шагомъ,
тяжело отдуваясь отъ одышки и отъ жары.

Въ страхѣ, не зная по какому важному дѣлу тре-
буетъ земскій, одинъ за другимъ, запыхавшись отъ ско-
рой ходьбы, явились старосты и въ сборной избѣ до-
жидались, когда ихъ потребуютъ.

— Ване высокоблагородіе, сельскіе старосты по ва-
шему приказанію явились всѣ,—объянилъ писарь.

— А, явились. Хорошо. Позвать ихъ сюда.

Одинъ по за другому вошли пять старостъ, робко
прижимаясь другъ къ другу, какъ будто этимъ хотѣли
они защититься отъ начальника.

Рожокъ, какъ посмѣлѣе, очутился впереди. Писарь
всталъ къ печкѣ и съ самодовольнымъ видомъ дожидал-
ся какъ будетъ распекалъ старостъ ихъ начальникъ, и
со злобою думалъ:

„Узнаете вы, чортовы дѣти, какъ досажать мнѣ;

солоно вамъ достнется ваша упряжка о прибавкѣ мнѣ жалованья. Тогда пожалѣли чужихъ денегъ, а теперь и отмигивайтесь.“

— Какъ вы смѣли, недождавшись разрѣшенія, выдавать хлѣбъ изъ общественныхъ хлѣбозапасныхъ магазиновъ?—грозно обратился къ старостамъ ихъ начальникъ.

— За разрѣшеніемъ я нарочно ходилъ въ земскую управу,—отвѣчалъ Рожокъ,—тамъ мнѣ сказали, что отъ васъ еще не получены приговора, почему и разрѣшенія выдать они не могутъ,—а мужики, дожидаясь меня съ разрѣшеніемъ, землю вспахали, и приступили ко мнѣ: „Что хощь дѣлай, а хлѣба намъ давай, не сушишь намъ землю, да и время уходитъ: поздно посеешь—хлѣбъ не вызрѣетъ, половину его не съмешь.“

— Если ужъ хлѣбъ такъ скоро нуженъ, ты долженъ былъ обратиться ко мнѣ, а потомъ нарочного послать въ земскую управу.

— Охъ, баринъ, вѣдь въ посѣвѣ время дорого: пока ходишь къ вамъ, да въ управу—пройдетъ болѣе недѣли, а весенній день пуще осенней недѣли. Я подумалъ: ржи нынче и ждать нечего, да еще какъ яровое не вызрѣетъ, то мужикамъ—бѣда, хоть одѣвай на руку корзину,—то пожалѣлъ ихъ и выдать хлѣбъ. Вотъ, Богъ дастъ, поростетъ яровое, я осенью полностью сберу розданный хлѣбъ—казнѣ не убытокъ, да и мужикамъ польза будетъ.

— Мало ли что ты захотѣлъ самовольно распорядиться для пользы мужиковъ, то все, думаешь и можно? Ты бы еще, [въ виду неурожая, даже не сталъ бы собирать подати, да и былъ бы правъ. Такъ, батенька мой, поступать нельзя: если каждый будетъ плясать по

своей дудѣ, то тутъ никакого толку не будетъ. Вы хорошо знаете, что по закону, безъ разрѣшенія земской управы, хлѣбъ выдавать нельзя, а поступаете противъ него. Вы, какъ принимавшіе присягу, должны соблюдать законъ, а не нарушать его. А чтобы вы на будущее время исполняли законъ, я подвергаю васъ аресту на четыре сутки cadaго.

— Мы такъ, баринъ, нисколько не виноваты,—отвѣчалъ за всѣхъ одинъ изъ остальныхъ старостъ:—мы сперва не выдавали хлѣба, говоря, что безъ приказанія начальника выдать нельзя, но мужики подступили къ горлу, да и кричатъ: „Какъ нельзя! Пироговскій староста роздалъ, ужъ половина у него засѣялись, а у насъ такъ нельзя, хошь оставайтесь поля незасѣянными!“ Дѣлать нечего, мы выдали. Рожокъ, баринъ, сперва выдалъ, а не мы, а потому мы не виноваты.

— Если бы онъ убилъ мужика и вы то же бы сдѣлили. да и были бы правы,—возразилъ земскій.—Вы должны знать одно: безъ разрѣшенія начальства не можете ни одного зерна выдать изъ хлѣбозапасныхъ магазиновъ. А за то что пироговскій староста показалъ вамъ примѣръ, я ему прибавляю за это двои сутки... Старшина, на Петровъ день чтобы старосты были отправлены въ полицейскія камеры,—обратился онъ къ старшинѣ.

— Слушаюсь, будетъ исполнено,—отвѣчалъ тотъ.

— Нельзя ли, баринъ, отсѣжывать намъ хоть послѣ сѣнокоса,—чуть не со слезами говорилъ одинъ староста.—Теперь подходитъ самое пущее время—сѣнокось, а мы потеряемъ около двухъ недѣль.

— Сами виноваты—жаловаться не на кого. А что я сказалъ—должно быть исполнено. Можете идти, а впе-

редъ такъ не поступайте,—наказаль онъ старостамъ въ слѣдъ.

— У насъ, ваше высокоблагородіе, 1-го іюля храмовой празникъ, Кузьмовъ день, пива наварятъ,—сказаль писарь, когда старосты вышли:—старостамъ-то больше отъ праздника не охота идти на выѣдку.

— И самое лучшее, пусть они празникъ посидятъ подъ арестомъ,—умнѣ будутъ: впередъ безъ разрѣшенія начальства не выдадутъ хлѣба. Я заставлю ихъ уважать законъ.

— Эхъ, братцы,—выходя изъ правленія, говорилъ одинъ староста, почесывая въ затылкѣ,—больно отъ праздника-то идти не охота: люди будутъ гулять, пиво, вино пить, а мы клоповъ кормить.

— Да чортъ съ нимъ и съ праздникомъ-то,—съ сердцемъ сказалъ другой,—у меня пуще косить некому: въ домѣ я одинъ мужикъ, а баба безъ меня немного надѣлаетъ, работа за работу у меня и будетъ забѣгать—арестъ и послѣ поскрипитъ еще на моей шеѣ... И все-то ты, Рожокъ, виновать: сунуло же тебя выдать хлѣбъ; не ты бы, не случилось такой оказіи.

— Все я,—возразилъ Рожокъ:—вольно же было вамъ выдать хлѣбъ: я вѣдь васъ не заставлялъ. А вотъ изъ-за васъ придется мнѣ двой сутки отсѣживать—это вѣрно. Своимъ наговоромъ себѣ пользы не сдѣлали, а натянули на меня только лишнія двой сутки. Никакой дьяволъ не толкалъ васъ въ нѣю. Лучше, хоть не досажали бы!

VI.

Осенью подъ окнами избъ крестьянъ деревни Пирогова ходилъ десятскій и стуча о стѣны палкой, вызывать хозяевъ.

Отворялось или отодвигалось окно, показывалась голова мужика или бабы и спрашивала:

— Что надо?

— Завтра въ правленіе на сходку о дорогахъ,—отвѣчалъ десятскій и шелъ къ слѣдующей избѣ.

На другой день къ правленію шли трое выборныхъ изъ деревни Назаровской:--Софронъ, Макаръ и Семень и толковали между собою:

— Вконецъ разорятъ насъ эти дороги—говорилъ дѣдъ Софронъ своимъ товарищамъ.—Сколько волокитъ однихъ мы приняли и не пересчитаешь, а все попусту—дороги не подаются. Съ самой этой путаницы никто на дорогѣ даже пальцемъ не пошевелить. Наживемъ мы изъ-за своей упрямки большую бѣду, а, кажется, можно бы поучиться—и безъ того не мало приняли: сколько разъ таскали насъ въ правленіе, къ земскому, сколько разъ штрафовали—и все неймется. Пора-бы взяться за умъ и править дорогу по старому. Старики не глупѣ насъ были, да всю дорогу правили, которая лежала въ ихъ волости.

— Ранѣе-то, дѣдко, вѣдь менѣ ѣздока было,—отвѣчалъ Макаръ,—народъ—то болѣе дома сидѣлъ, а нынѣ, какъ муравьи, только снуютъ взадъ и впередъ—и разбили дорогу, тутъ одного жердя не напасешься, а въ иномъ мѣстѣ его нѣтъ—надо версты за четыре за нимъ ѣхать, дорожка, станъ ее поправлять и намылить намъ шею.

— Что намъ попусту руки и ноги ломать, если дорогу волокамъ надо править не намъ, а толстопузымъ купцамъ,—проговорилъ Семень.—У нихъ карманъ потлице: отъ однѣхъ вывозокъ они што наживутъ—страсть; а мы за нихъ и ломи... Не за што я не стану править ихъ дорогу.

— Ты молодт, парень, вотт што я тебѣ скажу,— строго возразилъ дѣдъ.—Худо нашему брату съ купцами тягаться: сожмутъ они насъ въ бараній рогъ. Вѣдъ старики еще баяли: сила соломѣ ломить. У нихъ вездѣ рука: все начальство у нихъ въ гостяхъ бываетъ— ну и тинуть за нихъ. Худо намъ, маленькимъ людемъ, съ ними бороться—накличемъ мы себѣ бѣду.

— Заварили кашу, нечего жалѣть масла,—сказалъ Макаръ.—А тамъ что еще будетъ.

— Чтобы намъ не попасть въ эту кашу. Не больно тогда сладко придется.

— Богъ не допуститъ—свинья не съѣстъ,—ввернулъ Сементъ.—Вотъ и до правленія дошли.

Сходъ ужъ весь въ сборѣ. Вышелъ при знакѣ старшина и обратился къ сходу:

— Братцы, отъ исправника получена бумага, въ которой онъ пишетъ, что дороги нынче переходятъ на владѣльцевъ, т. е. въ чьемъ владѣніи проходитъ дорога, тотъ и долженъ ее править. Теперь вы призваны для того, чтобы постановить приговоръ о порядкѣ исправленія дорогъ.

— Слава Тебѣ, Господи,—крестились мужики,—хоть поубавилась наша тягота, вѣдъ болѣе трети дороги отошло отъ насъ. А шуточное ли это дѣло!.. Свою же дорогу мы согласны править: отъ нея никогда и не отказывались. Дорогу станемъ править такъ: владѣльцы, среди которыхъ проходитъ дорога, пусть сами править ее, какъ хотятъ, а гдѣ дорога лежитъ въ надѣлѣ, то станетъ ладить ее то самое общество, въ какомъ она находится, и пусть каждое общество свою дорогу дробить на участки по домохозяевамъ, наръзавъ каждому домохозяину по количеству дунѣ владѣемой земли, и пусть каждый домохозяинъ править свой участокъ—это

будетъ для всѣхъ лучше: всякій станетъ знать только свой участокъ дороги; хорошо или худо онъ будетъ править—для себя: онъ уже самъ за себя отвѣчаетъ.

Всѣ согласились на этомъ и составили новый приговоръ. Довольные мужики разошлись по домамъ.

Прошла недѣля: по одной сторонѣ дороги стояли столбы съ надписью на нихъ деревни, къ которой принадлежитъ исправленіе, а между столбиками торчали тычки, показывающія границы участковъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ домохозяевамъ. Мужики, парни и бабы съ лопатами и топорами вездѣ копошились на ней: рубили жердье и стлали на дорогу, копали канавы, выбрасывая землю на дорогу, которая принимала со всѣмъ неузнаваемый видъ.

— Давно бы заставить насъ править только свою дорогу и давно бы дорога была готова, а то только волочили насъ, да попусту тянули время,—говорили мужики, сидя на дорогѣ.

— Да, надо благодарить Господа Бога за то, что снялъ съ насъ эту тяготу—исправленіе всей дороги,—отвѣчали имъ другіе,—да хоть выѣзди изъ этой путаницы о дорогахъ. Всѣ думали, что не отбыть намъ ея, и никакъ не ожидали, что придется править только свою дорогу.

VII.

По перевопутку въ деревню Назаровскую пріѣхалъ староста Рожокъ съ писаремъ собирать подати. Онъ остановился у десятикаго. Черезъ часъ мужики одинъ за другимъ стали входить въ избу. Изъ тридцати домохозяевъ только пять, болѣе зажиточные уплатили подать, а остальные, въ числѣ которыхъ былъ и знакомый намъ солдатъ Макарь, просили подождать до Срѣтеньева дня.

— Мнѣ ждѣть-то нельзя,—отвѣчалъ староста:—къ Новому году я долженъ очистить всѣ подати; если я къ сроку ихъ не внесу, то меня за это накажутъ.

— Право, староста, теперь намъ взять-то негдѣ,—говорили мужики:—самъ ты знаешь, какое лѣто для насъ было несчастливое: всю озимь червякъ выѣлъ—пришлось пересѣвать, другія сѣмена въ землю бросать, а яровое градомъ выбило, такъ что, вмѣсто того, чтобы хлѣбъ на подати продавать, придется съ половины года самимъ на ѣзу покупать.

— Начальство-то не спрашиваетъ, что у васъ было или нѣтъ урожай, а строго приказываетъ, чтобы къ Новому году подати за вторую половину были внесены въ казначейство, а иначе грозить посадить меня въ кутузку.

— Что хощь ты, староста, съ нами дѣлай, да намъ не извернуться. Только и остается, что продавать по животинѣ; скотины у насъ на дворахъ вѣурѣзь—на двѣ и на три души по двѣ, по три коровы да по лошади. Если убавить скотины, то совѣмъ намъ придетъ бѣда: и безъ того мы худо упаземливаемъ поля, оттого и хлѣбъ плохо родится, а какъ пустить въ зиму корову да лошадь, то лѣтомъ почти нечего на поля везти назъму—и останемся мы безъ хлѣба.

— А мнѣ-то что дѣлать?

— Подожди, да и все. На Срѣтеньевъ день мы съ поклономъ тебѣ подати уплатимъ, а начальству объясни, какой урожай у насъ былъ. Вѣдь и они люди—повѣрять нашей нуждѣ.

— Ладно, когда попробую обещать начальству о вашей нуждѣ, но только, чтобы къ Срѣтеньеву дню подати у меня были приготовлены, и тогда не посмотрю ни на что—въ казamatку васъ посажу, послѣднюю корову

продамъ, да деньги взыщу.

— Объ этомъ и не беспокойся, что на срокъ не внесемъ: вѣдь податей намъ не отбыть--не сегодня такъ завтра придется ихъ платить. Чѣмъ скорѣе уплатимъ--тѣмъ для насъ же лучше: меньше волокиты будетъ. Ну, такъ, староста, намъ можно идти?

— Съ Богомъ.

—Славный у насъ староста,—говорили мужики на улицѣ,—совсѣмъ добрая душа. Другой бы на его мѣстѣ закричалъ, что звѣрь: возьми гдѣ хошь, вынь да положи ему подати. А онъ говорить все похорошему, розерочилъ намъ до Срѣтеньева дня, да и еще обѣщалъ замолвить за насъ слово передъ начальствомъ. Не найти такихъ старостъ! Дай, Богъ, ему добраго здоровья, да душа спасти.

За недѣлю до Николина дня пріѣхалъ въ правленіе уѣздный исправникъ, созвалъ старостъ... и давай ихъ пробирать:

— Всѣхъ я васъ подѣ арестомъ заморю,—кричалъ онъ:--смотрите, сколько вы недоимки накопили! За однимъ Пироговскимъ обществомъ числится тысяча триста рублей. Что вы, старосты, ничего не дѣлаете, только жалованье получаете—а работать вамъ не охота. Чтобы къ Новому году выкупные платежи были очищены, иначе я васъ заморю подѣ арестомъ.

— Нынче, баринъ, получка-то больно плоха,—сказалъ Рожокъ:--озимовое все червякъ выѣлъ, пришлось въ землю другія сѣмена бросать, а яровое во многихъ деревняхъ градомъ побилло. Да и то недоимки за мной числится только четыреста рублей, и я ихъ къ Новому году пополю, а остальные, девятьсотъ, я принялъ отъ стараго старосты: онъ накопилъ столько недоимки, и я тутъ нисколько не виноватъ.

— Никакихъ тамъ вашихъ расчетовъ я не знаю. Недоимка числится за Пироговскимъ обществомъ, а ты староста этого общества, то и долженъ эту недоимку пополнить. Смотри въ списокъ: у тебя въ одной деревнѣ Назаровской числится двадцать пять недоимщиковъ; видно по всему, что ты ничего не дѣлаешь.

— У Назаровскихъ крестьянъ градъ выбилъ весь хлѣбъ, и имъ, кромѣ лѣсной заготовки, денегъ взять негдѣ. Вотъ, Богъ далъ дорогу, наймутся они у купцовъ вырубать и вывозить лѣсъ, станутъ добывать денежку, исподовольно платить подати и къ Срѣтенскому дню очистятъ всю недоимку. Вы имъ дайте сроку до этого дня.

— Никакихъ сроковъ, кромѣ установленныхъ закономъ, давать я не могу. Принимайте всѣ мѣры взысканія податей: садите недоимщиковъ подъ арестъ, штрафуйте ихъ, продавайте лишнее имущество—все зависитъ отъ васъ: если толкомъ примитесь за взысканіе, то, небось, живо мужики подати уплатятъ.

— Тогда, баринъ, совѣмъ придется зорить мужиковъ,—сказалъ Рожокъ,—только и остается продавать у нихъ скотину—а безъ скотины крестьяне не жители. Отъ лишнихъ арестовъ, ужъ, баринъ, хоть избавьте мужиковъ, а то сборъ податей еще пойдетъ хуже: собирая подати, я сажу недоимщиковъ въ казематку, урядникъ придетъ—велитъ ихъ продержать подъ арестомъ, пристава какъ налетитъ—то недоимщики ужъ подъ арестомъ; вмѣсто того, чтобы мужикамъ на вывозкѣ на подати заработать, а они зря въ казематкѣ сидятъ...

— Ты еще мнѣ вздумалъ указывать!—крикнулъ на него исправникъ.—Ничего не дѣлаешь, да еще начальству смѣешь возражать. Немедленно же отправляйся на три дня подъ арестъ: впередъ умнѣ будешь—научишь-

ся, какъ обходиться съ начальствомъ!.. Слышите, старосты:—вотъ вамъ мой послѣдній сказъ: чтобы къ Новому году выкупные платежи были уплачены, а то вамъ ареста не миновать.

— Постараемся, баринъ, собрать. Можно идти?

— Ступайте.

Рожокъ подъ арестомъ три дня отсидѣть, выкупные платежи къ Новому году все вънести и у недоимщиковъ деревни Назаровской не описывать и не продавать никакого имущества: онъ деньги, собранныя въ земскій сборъ, помѣстить въ выкупные платежи, что практиковалось почти всеми старостами.

Хотя за отдѣльными лицами переходила изъ года въ годъ масса недоимки выкупныхъ платежей, а за сельскими обществами она не числилась: земскій сборъ собирався не такъ строго, то старосты, чтобы отдѣлаться отъ ареста, собранный окладъ земскаго сбора помѣняли въ недоимку выкупныхъ платежей.

УІІІ.

Быль въ деревнѣ Пироговѣ у Рожка пріятель торговецъ Максимъ, съ которымъ онъ жилъ, какъ говорится, душа въ душу: послѣдній кусокъ они разламывали пополамъ, да дѣлили другъ съ другомъ. Максимъ имѣлъ своихъ денегенокъ немного—какихъ нибудь рублей двѣсти. Товаръ для мелочной своей лавки онъ бралъ въ долгъ въ городѣ у купца, исправно ему выплачивая въ сроки платежи, а на свои деньги покупалъ ленъ, масло, яйца, перепродавалъ сейчасъ же, и опять деньги пускалъ въ оборотъ.

Нынѣшней зимой онъ ленкомъ позабрался: думая нажить деньги, съ осени купить много льну; на покупку издержалъ не только свои деньги, но рублей че-

тыреста, вырученныхъ отъ продажи товара, платежъ которымъ былъ весною. Съ осени ему за лень давали свои деньги, но, думая получить барыни, льна не продать, а къ веснѣ вмѣсто того ему стали давать убытку рублей триста. Приходитъ время платежа денегъ—и лень на рукахъ; а отдать въ убытокъ—значитъ надо самому оставаться безъ денегъ да и торговлю прекращать: если не уплатить онъ всѣхъ денегъ, больше ему купецъ не довѣритъ. Торговля у него почти единственное занятіе, такъ какъ земли было только на душу, и хлѣба для его семьи, восьми человекъ, едва хватало до половины зимы; тутъ совсѣмъ нечего было думать кормиться отъ земли.

Со своимъ горемъ онъ обратился къ пріятелю Рожку.

— Только бы мнѣ уплатить долгу, хоть рублей триста, опять мнѣ купецъ отпустить товару—лень оставилъ бы до проку,—говорилъ Максимъ Рожку, сидя вдвоемъ въ его избѣ:—такая малая цѣна не все будетъ,—дастъ Богъ, осенью продамъ лень хоть по своей цѣнѣ, то опять поправлюсь, заживу по старому. Нѣтъ такого доброго человека, у кого бы занять эти деньги.

— Были бы у меня деньги, я бы тебѣ на нужду далъ не только триста, но пятьсотъ рублей,—сказалъ ему Рожокъ.—Да вѣришь, не вѣришь, своихъ денегъ хоть бы копейка за душой, и радъ бы помочь—не чѣмъ.

— Вотъ что, староста, дай мнѣ триста рублей мірскихъ денегъ; вѣдь до учета никто не узнаетъ, а къ учету, который у тебя будетъ не ранѣе какъ въ концѣ ноября или въ началѣ декабря, я лень продамъ, тебѣ деньги съ поклономъ принесу... Не дай погибнуть мнѣ и моей семьѣ,—падая въ ноги, умолялъ Максимъ,—вѣдь если не найду я теперь денегъ, то мнѣ придется весь нѣтъ бѣдствовать,—хоть отправляй своихъ ребятъ по

міру. Не допусти меня до такого позору... Заставь вѣчно Бога молить!

— Невозможнаго ты просишь у меня, Максимъ: какъ же я могу дать тебѣ казенныя деньги? Они вѣдь не мои; вѣдь какъ узнають про это—подъ судъ меня отдадутъ.

— Никто не узнаетъ. Видитъ Богъ,—указывая на икону, говорилъ Максимъ,—что я тебѣ деньги на Веденевъ день уплачу. Будь благодѣтелемъ—не погуби меня и мою семью.

— Не надо бы такъ тебѣ зарываться, ты бы по одежкѣ протягивалъ ножки, торговалъ бы на свои денешки, довольствовался бы малымъ и былъ бы снокоенъ; а то, погнавшись за большими барышами, попалъ вонъ въ какую бѣду: того гляди—лишишься всего, что и имѣть.

— Охъ, староста, староста, съ кѣмъ не бываетъ бѣды и напасти; если бы зналъ гдѣ упасти, то соломки подослалъ бы; вѣдь не худа себѣ я желалъ, а добра; дѣлалъ какъ лучше, а вышло не то, ничего тутъ не подѣлаешь, на то видно воля Божія.

— Вотъ что, Максимъ, такъ и быть—я тебѣ триста рублей дамъ, но только смотри, на Веденевъ день мнѣ эти деньги уплати. Если ты обманешь, то погубишь меня.

— Неужели я забуду такое добро—вѣдь Богъ меня накажетъ, если я обману тебя. По гробъ жизни буду считать тебя моимъ благодѣтелемъ.

Староста отсчиталъ ему триста рублей и отдалъ безъ всякой расписки.

— Возьми хоть съ меня расписку,—говорилъ Максимъ.

— На что мнѣ ее: побоишься Бога и не захочешь брать грѣха на душу—и такъ отдашь.

— Спасибо тебѣ, староста, большое спасибо,—съ чувствомъ благодарилъ Максимъ.

Съѣздивъ Максимъ въ городъ, уплатилъ триста рублей: ему отпустили товару, и живетъ онъ, высчитывая, какъ продать осенью по дорогой цѣнѣ ленъ, какъ разсчитается до копеечки со старостой, какъ онъ заживетъ славно съ денежками, а впередъ ужъ въ та-кой просакъ не попадетъ.

Но не извѣстно по какой причинѣ, самъ ли Максимъ заронилъ въ амбарѣ огонь, или подожегъ его лихой челоѣкъ, амбаръ со всѣмъ добромъ и льномъ сгорѣлъ до тла.

Взвылъ бѣдняга отъ такого несчастья.

„По дѣломъ мнѣ такая бѣда, думалъ онъ самъ съ собою, но старосту то я погубилъ: онъ совсѣмъ напрасно будетъ страдать.“

Пришелъ онъ послѣ пожара къ старостѣ судить да рядить о лихой бѣдѣ, а староста сидитъ, голову повѣсилъ—лицо даже потемнѣло.

— Сгубилъ я тебя, староста, сгубилъ, проклятый,—началъ Максимъ:—все жадность моя виновата—захотѣлъ быть богатымъ. Такъ мнѣ и надо, но только ты то изъ-за меня погибъ.

— Нечего себя винить одного: тутъ я не меньше твоего неправъ. Общество ввѣрило мнѣ деньги, то я и не долженъ бы злоупотреблять его довѣріемъ; большой грѣхъ я сдѣлалъ, что далъ тебѣ деньги, и теперь за свой грѣхъ и приходится страдать: на вѣкъ опозореннымъ я буду передъ обществомъ, скажутъ: „Рожокъ растратилъ мірскія деньги;“ придется и лишиться купленной земли и двухъ коровъ, остаться при одной, да

еще вдобавокъ попасть подъ судъ, такъ какъ скоро будетъ сходъ для моего учета, а сейчасъ денегъ взять негдѣ. Пропадетъ моя бѣдная головушка!...

Долго сидѣли друзья, молча обдумывая свою бѣду и не находили даже словъ утѣнить другъ друга.

IX.

Въ сборной избѣ Пироговскаго общества усчитываютъ старосту Рожка. Въ избѣ душно и жарко; трое учетчиковъ сидятъ въ шубахъ, хотя потъ съ нихъ градомъ такъ и льетъ. Самъ не свой сидитъ Рожокъ, не знаетъ куда дѣвать свои глаза.

— По провѣркѣ всѣхъ суммъ, числится на рукахъ старосты триста рублей,—сказалъ старшина Дубовый,—признаешь, староста, вѣрность учета и гдѣ начтенныя деньги триста рублей?

— Учетъ сдѣланъ вѣрно—противъ этого я не спору,—отвѣтилъ глухимъ голосомъ староста.—Куда дѣвались у меня эти деньги—не знаю. Мѣрскихъ денегъ мнѣ не надо, до послѣдней нитки все продамъ, да расплачусь съ обществомъ.

Въ избѣ сдѣлалась тишина: хоть муха пролети—слышно. Всѣхъ озадачили эти слова старосты. Мѣряне считали Рожка за честнаго человѣка; отъ него никакъ не ожидали, чтобы онъ сталъ пользоваться мѣрскими суммами.

„И совсѣмъ не куда дѣвать ему эти деньги, думали они: самъ онъ человѣкъ толковый—не могъ просчитаться во время службы; жилъ очень скромно; вина не пилъ—потерять не могъ; въ хозяйствѣ прибыли никакой нѣтъ“... Просто они не знали чему приписать его растрату.

— Да какъ же такъ,—сказали мужики:—вѣдь съ насъ сейчасъ же потребуютъ эти деньги, а съ тебя жди, когда-то ты еще внесешь.

— Какъ хотите, братцы, такъ со мной и поступайте,—обратился къ сходу староста,—виновать я передъ вами, а денегъ взять вскорѣ негдѣ; если же помедлите, то я, погода, все внесу.

— Ну, какъ, братцы, хотите,—обратился къ мірянамъ Дубовый:—примемъ эти деньги и покажемъ, что они на рукахъ у старосты, или же занесемъ ихъ въ приговоръ какъ растрату, за что и долженъ отвѣчать староста, а себя выберемъ новаго?

— Подождемъ, ребята, на старостѣ: онъ мужикъ хорошій—уплатитъ деньги; не станемъ его позорить,—сказали пожилые серьезные мужики.

— Не мы его, а онъ самъ себя позоритъ,—закричали нѣсколько горлановъ:—онъ растратилъ наши кровные трудовыя деньги и правъ, мы и должны его за это миловать, да своимъ бокомъ отдѣлываться! Рожокъ деньги растратилъ, да мы его опять и въ старостахъ оставимъ, тогда онъ не столько напутаетъ. Нѣтъ, шалишь, насъ не проведешь, что заслужилъ, то и получай!

— Зачѣмъ садить его въ старосты,—сказалъ Дубовый,—мы выберемъ другого, а ему дадимъ только срокъ на уплату недостающей суммы.

— Ого-о, какъ мы каждому старостѣ будемъ прощать, то они у насъ все деньги распроторятъ,—не унимались горланы.—Вотъ одного старосту проучимъ, то это будетъ и другому наука—увидитъ какво расходовать мірскія деньги. Небось и Рожокъ намъ такъ не давалъ спуска: не хватить рубля, такъ, гдѣ хошь возьми, вынь да положи ему деньги, а не то сейчасъ и въ кутузку; а самъ цѣлыхъ триста рублей издержалъ нашихъ де-

негъ. Въ тюрьму его, подлеца!

— Вы, ребята, дѣло говорите, а нечего его ругать,—остановилъ Дубовый:—если онъ насидѣлъ, онъ и отвѣчаетъ, васъ отвѣчать не заставитъ, а ругать его подлецомъ не слѣдуетъ.

— Не токмо его ругать, но бить слѣдуетъ—не расходуи мірскія деньги!—высунулся изъ толпы знакомый намъ Макаръ изъ деревни Назаровской, которому дѣлая добро, староста сидѣлъ подъ арестомъ.

— Много будетъ—бить еще выдумалъ... возразилъ староста.

— Ты вѣдь и мою рублевку растратилъ, такъ вотъ тебѣ за это, безстыжіе глаза!—крикнулъ Макаръ и плюнулъ въ лицо старостѣ.

Староста утерся рукавомъ шубы и съ болью въ сердцѣ сказалъ:

— Слѣдовало бы тебя, подлеца, посадить подъ арестъ, но видно мнѣ сегодня все нужно потерпѣть за свою вину.

— Ты, Макаръ, языкомъ болтай, а такъ не безобразь; ты вѣдь сюда для дѣла пришелъ, а не безобразничать. Смотри, у насъ—не шали, а не то, какъ пробка, вылетишь отсюда!—пригрозили мужики.

— Онъ самъ-то любилъ дома чаекъ попивать, да по гостямъ ходить, то теперь и расплачивайся съ нами,—говорилъ Макаръ, пятакъ къ дверямъ и удирая изъ избы, чтобы арестомъ или боками не расплатиться за свою неумѣстную храбрость.

— Нечего тутъ спорить, безъ толку кричать и напрасно тянуть время; пишите приговоръ о томъ, что трехсотъ рублей, собранныхъ старостой мірскихъ денегъ, при учетѣ не оказалось, а тамъ, какъ онъ хочетъ, такъ съ начальствомъ и знайся. Что посѣялъ, то и пожнетъ,—сказали большая часть мірянъ—и порѣшили на этомъ.

Написали о растратѣ приговоръ и представили его къ земскому начальнику.

Мѣсяца черезъ два Рожокъ нашель покупателя и продалъ принадлежаную ему по купчей крѣпости землю за двѣсти пятьдесятъ рублей, двухъ коровъ за тридцать четыре и на шестнадцать рублей овса. Сколотивъ триста рублей, онъ внесъ ихъ въ казначейство въ счетъ недоимки за Пироговское сельское общество и квитанцію представилъ земскому начальнику, который ужѣ дѣло направилъ черезъ уѣздный съѣздъ къ судебному слѣдователю.

Цѣлый годъ жилъ Рожокъ въ ожиданіи суда, не зная какая участь постигнетъ его. Наконецъ онъ получилъ изъ окружнаго суда повѣстку. Скатать въ котомку пироги, онъ пѣшкомъ покатилъ на судъ.

Начался разборъ дѣла. Предсѣдатель спросилъ его:

— Признаете ли себя виновнымъ въ томъ, что, состоя на службѣ сельскимъ старостой Пироговскаго сельскаго общества, вы растратили собранныя вами общественныя деньги триста рублей?

— Признаю, — сдавленнымъ голосомъ отвѣчалъ Рожокъ.

— Что скажете въ свое оправданіе?

— Ничего.

— А куда вы дѣвали эти триста рублей?

— И самъ не знаю.

Въ своей обвинительной рѣчи еще молодой прокуроръ говорилъ.

„Пироговское сельское общество, состоящее изъ темныхъ людей, избрало изъ среды себя старосту, обвиняемаго Калинина, по прозванію Рожка, какъ человека грамотнаго, болѣе ихъ развитого, пользующаго чест-

ностью, и довѣрило ему собирать свои общественныя подати, чтобы вносить за нихъ въ казначейство. Такимъ почетнымъ полномочіемъ общества, Калининъ долженъ бы гордиться. и, какъ человѣкъ честный, обязанъ былъ оправдать довѣріе общества, чтобы, выйдя изъ старость, онъ могъ бы съ достоинствомъ сказать: не напрасно избирали меня въ сельскіе старосты—довѣріе общества я вполне оправдалъ! Что же мы видимъ? Обвиняемый, сельскій староста Калининъ, при послѣднемъ его учетѣ, заявилъ при всемъ сходѣ, что начтенныхъ на него общественныхъ денегъ, трехсотъ рублей, у него нѣтъ и вскорѣ заплатить денегъ онъ не можетъ. Чтобы при собраніи всего схода пришлось объявить, что я растратилъ триста рублей мірскихъ денегъ, я думаю, ни одинъ староста, сколько нибудь считающій себя за честнаго человѣка, допустить не могъ. Калининъ, признавая себя виновнымъ въ растратѣ общественныхъ суммъ, ни при учетѣ его, ни на предварительномъ слѣдствіи, ни здѣсь на судѣ не даетъ намъ указаній, куда дѣвались у него эти деньги. Это служить не въ пользу обвиняемаго, а противъ него: хотя предоставлено ему было посчититься съ себя пятно, наложенное на него растратой, чтобы оно было не такъ темно, но онъ самъ оставляетъ это черное пятно въ томъ видѣ, въ какомъ наложила на него растрата. Фактъ растраты вполне установленъ учетнымъ приговоромъ и признаніемъ обвиняемаго, почему виновность Калинина въ растратѣ вполне доказана. А чтобы сельскіе старосты не злоупотребляли даннымъ имъ обществомъ довѣріемъ и чтобы они не могли безнаказанно растрачивать общественныя суммы, я просилъ бы судъ, для примѣра другимъ, признать виновнымъ бывшаго сельскаго старосту Калинина въ растратѣ общественныхъ суммъ трехсотъ рублей и подвергнуть его наказанію.

Предсѣдатель еще разъ спросилъ обвиняемаго, что онъ имѣетъ сказать въ свое оправданіе.

Рожокъ отвѣчалъ свое— „ничего.“

Судъ, послѣ недолгого совѣщанія, приговорилъ его трехнедѣльному аресту при полиціи.

Рожокъ остался рѣшеніемъ суда очень доволенъ: онъ не ожидалъ, что такъ легко его осудятъ.

Отбывъ наказаніе, онъ толкомъ взялся за свою кормилицу-соху, и теперь, обрабатывая землю, беззаботно доживаетъ свой вѣкъ.

20-го ноября 1901 года

Волостной Старшина.

Р а з с к а з ъ .

Изъ себя Петръ Петровичъ,—говорилъ крестьянинъ Назаръ,—былъ настоящій старшина: видный, широкоплечій, красивый, съ окладистой на обѣ стороны бородой, волосы у него въ скобку, всегда приглажены на прямой проборъ; носилъ онъ суконный длинный сюртукъ, сапоги со скрипомъ, а въ жилетѣ лежали повѣшенные черезъ шею на серебряной цѣпочкѣ большіе серебрянные часы. Ходилъ онъ прямо.... Однимъ словомъ, любо было посмотрѣть на старшину.

Отецъ-то унего былъ богатый, торговалъ, попрожился: такъ что Петру Пртровичу пришлось уйти на чужую сторону—въ Питерь. Туда онъ уѣхать хотъ не глупымъ парнемъ, а еще сѣрымъ. Питерь-то его и потесалъ: совсѣмъ онъ сталъ походить на городского жителя. Возвратившись домой, онъ занялся хозяйствомъ.

Надо намъ было выбрать старосту. Кого? Толковыхъ грамотныхъ людей у насъ мало, а Петръ Петровичъ толковый мужикъ—мы его и выбрали. Староста удался—хотъ куда: дѣло велъ исправно, отчеты отдавалъ хорошо, не пьянствовалъ; ну и выбрали мы его въ старшины и дали ему жалованье двѣсти рублей въ годъ.

Въ первое трехлѣтіе и старшина онъ былъ хорошій, дѣла дѣлать толково и скоро, обходился съ нами лосково, никого не избивалъ. Мы выбрали его на второе трехлѣтіе—думали: онъ для насъ хорошъ, къ дѣлу попривыкъ, то па что намъ другого.

Но нашъ Петръ Петровичъ сталъ позабываться. Правленское дѣло онъ узналъ не хуже любого писаря, почему писарями не дорожилъ, а выбиралъ такого, который во всемъ его слушался, чтобы ему одному волостью править. Писарь жилъ у него въ на хлѣбахъ. Правленіе старшина перевелъ къ себѣ въ домъ: самъ помѣстился внизу, а правленіе было вверху. За правленіе онъ сталъ получать сто пятьдесятъ рублей въ годъ. Этого мало, онъ станцію на пару лошадей за триста рублей въ годъ взялъ за себя; про жалованіе заявилъ на сходѣ, что оно ему мало, и назначили ему двѣсти пятьдесятъ въ годъ, да отъ канцелярскихъ расходовъ ему оставалась небольшая толика: гдѣ его усчитаешь, сколько онъ издержать денегъ на книги, на бумагу и проч., такъ что нашъ старшина сталъ получать всего рубликовъ семьсотъ съ хвостикомъ въ годъ; а эти деньги въ крестьянскомъ быту большія. Кромѣ того, онъ завелъ большое хозяйство—и отъ неге была польза.

Но нашъ старшина не довольствовался такимъ доходомъ—онъ сталъ брать съ кого возможно взятки. Если данъ ему подарокъ, двигается дѣло, а то—и подачи нѣтъ.

Многіе жаловались на него уѣздному по крестьянскимъ дѣламъ присутствію, но все начальство ему было съ руку—онъ отписывался; ему болѣе вѣрили а не намъ, ничего изъ жалобъ не выходило, только еще болѣе сердили старшину, который метилъ за жалобы.

Съ нашимъ братомъ онъ сталъ грубъ. Толкомъ

мало съ кѣмъ поговорить, а все болѣе кричить, что то неладно, да другое неладно; съ начальствомъ же, то его ласковѣе, кажется, ни одного старшины въ нашемъ уѣздѣ не было; а такъ какъ у него всего было довольно, начальство онъ принималъ, какъ слѣдуетъ. Для начальства же онъ и услужливъ былъ: понадобится-ли кому свѣжаго масла, хорошей крупы, картофелю, или чего другого—старшина живо представить начальству. Въ городѣ у начальства вся прислуга ему задолжала, такъ что ему входъ къ начальству всегда былъ открытъ.

Мало стало старшинѣ своей должности, онъ для почета наладилъ дѣло такъ, что его выбрали въ попечители замскаго училища и въ предсѣдатели церковнаго попечительства. Тогда еще выше задралъ свой носъ нашъ старшина: учителю приходилось къ нему по нѣскольку разъ ходить за жалованіемъ за двѣ версты и униженно просить, какъ будто какой нибудь милости, а училищный сторожъ, занимавшійся еще и рыбной ловлей, безъ рыбки не смѣлъ и показаться за жалованіемъ къ старшинѣ.

Всѣхъ старость и весь народъ онъ въ нашей волости забралъ въ свои руки; жить онъ у насъ панъ паномъ, всѣ его боялись, почитали, вездѣ былъ онъ у насъ первымъ гостемъ.

Кончилось второе трехлѣтіе. Мы было не хотѣли его снова выбирать. Куда-тутъ--втерся опять въ старшины. Однихъ выборныхъ онъ угостилъ передъ выборами водочкой, другіе ему были пріятеля, для которыхъ онъ былъ хорошъ, а недовольные не смѣли съ нимъ спорить, чтобы онъ не посадилъ подъ арестъ или чѣмъ нибудь не навредилъ-бы. Нѣкоторые пробовали было на выбора жаловаться, что изъ-за водки выбрали старшину.

Пріѣхалъ членъ уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, остановился онъ у старшины, спросилъ выборныхъ, участвовавшихъ на сходѣ, какихъ нужно было старшинѣ. Выборные показали, что никакого винопитія на сходѣ не было, а болѣе смирные и умные непріатели старшины замолчали, чтобы онъ имъ не навредить. Старшину утвердили.

За свое усердіе къ службѣ старшина былъ представленъ къ наградѣ и получилъ серебряную медаль, съ которой не разставался.

И хитеръ же былъ нашъ старшина. Разъ случился лѣсной пожаръ. Онъ собралъ жителей и пошелъ тушить; но не дошелъ до мѣста пожара трехъ верстъ, какъ его извѣстили, что мѣстные жители пожаръ ужъ утушили. Онъ возвратился домой, донесъ начальству, какія энергичные мѣры имъ были приняты для тушенія пожара: убранъ былъ лишній хворостъ, окопано мѣсто кругомъ пожара канавой, разставленъ былъ народъ, тушившій пожаръ... И старшинѣ за принятіе энергичныхъ мѣръ при тушеніи пожара, вышло отъ начальства поощреніе.

Ввели земскихъ начальниковъ. Къ намъ назначили добродушнаго начальника изъ офицеровъ. Онъ съ дѣломъ былъ незнакомъ, а старшина нашъ на дѣлѣ собаку съѣлъ—и втерся къ нему въ довѣріе.

Все сходило ему съ рукъ. И мы выбрали опять на четвертое трехлѣтіе его въ старшины. Терпѣли такъ мы еще года два. Смѣнился этотъ земскій, послали намъ другого, болѣе строгаго.

Съ этимъ старшина не могъ поладить. Смекнули мы, что этотъ земскій болѣе съ руку намъ, чѣмъ старшинѣ—всѣмъ міромъ и навалились на старшину, обвиняя его во взяткахъ и въ растратѣ; да такъ было начали ловко, что насчитали на старшину волостныхъ денегъ

около двухъ тысячъ—и земскій приказаль у старшины за растраченныя волостныя деньги описать имущество.

Старшина на учетъ сталъ жаловаться, пошли учеты да переучеты; не скоро провѣринь старшину за четырнадцать лѣтъ службы, подавай только расходы учетчикамъ; бились, бились, да и свели къ тому, что за старшиной присчиталось только двадцать рублей, да и тѣ признавалъ онъ начтеннымъ неправильно; но учетчики стали ему говорить, чтобы онъ выдалъ эти деньги хотя на расходы имъ по учету, да хоть съ дѣломъ-то развязаться. Онъ выкинулъ двадцать рублей—и тѣмъ дѣло покончилось,—закончилъ Назаръ свой рассказъ.

5-го октября 1904 года,

—ИЗДАТЕЛЬ—

ПЕТРУША И ПАРАНЯ.

Р а з с к а з ъ .

І.

Рано утромъ на третій день Петрова дня, на берегу извилистой рѣчки косила молодая красивая дѣвушка изъ деревни Бакрыловки. Каріе веселые глаза ея и небольшие ямочки на круглыхъ щекахъ, придавали ей особую миловидность. Высокая грудь ея горой вздымала складки красного сарафана, туго стянутого голубымъ передникомъ; сбоку висѣлъ пестерекъ съ лопаткой для точенія косы. Изъ-подъ бѣлаго платочка выбивалась длинная коса и змѣй извивалась на стройномъ ея станѣ.

Подъ взмахами острой, какъ бритва, косы, ровными рядами ложилась трава. Но вотъ на бугорочкѣ косахватила песку, и Параня, такъ звали дѣвушку, выпрямилась, подняла косу вверхъ, вынула изъ пестерька лопатку и быстро и мѣрно стала водить по той и другой сторонѣ острія. Звучный лязгъ раздался далеко кругомъ.

Взглянувъ впередъ себя, дѣвушка невольно залюбовалась утромъ.

Воздухъ былъ чистъ и свѣжъ, и пріятно для тѣла его ощущеніе. Край золотистаго солнышка выглядывать изъ-за лѣса, разсѣивая густой туманъ окутавшій землю и освѣщая остроконечныя верхушки темнаго, вдали

видѣющагося, еловаго лѣса, окаймленнаго кужлявымъ оленьякомъ. Самые разнообразныя цвѣты усыпали берега рѣчки. Капли росы хрусталемъ блистали въ углубленіяхъ листочковъ.

Дѣвушка съ наслажденіемъ глубоко вдыхала въ себя чистый прохладный воздухъ, и на душѣ у нея было такъ легко, что въ этотъ мигъ она ничего не желала на свѣтѣ....

— Ужо, я тебя... Что ты тутъ стоишь и не косишь!—внезапно раздался недалеко отъ нея громкій мужской голосъ.

Дѣвушка вздрогнула и обернулась назадъ. Къ ней шелъ съ косою на плечѣ, въ красной рубашкѣ ея любовью. Петруша, изъ одной съ ней деревни. Это былъ высокій, здоровый, бѣлокурый парень лѣтъ двадцати.

— Вишь ты, какъ напугалъ—дани колѣнки затряслись,—сердитымъ голосомъ проговорила дѣвушка, а сама съ любовью такъ и смотритъ своими смѣющимися глазами въ открытое лицо парня.

— Ну, не сердись на меня. Здравствуй, Параня,—сказать тотъ, протягивая свою мускулистую руку.—И вѣдь только пошутилъ съ тобой.

— Здравствуй. Что поздно на сѣнокосъ идешь?

— Вчера я долго прогулялъ въ Заозерьѣ: едва къ двѣнадцати часамъ ночи попалъ домой. Только что въ самую лучшую уснулъ, какъ тятка и будить: „Вставай, Петрушка, ужъ разсвѣло.“ Я сквозь сонъ худо и слышу, что онъ мнѣ говоритъ. Думаю: отступитесь, дасть еще часикъ соснуть... Но вдругъ слышу: „Да вставай же, до чего тебѣ тутъ дрыхнуть; сегодня вѣдь всѣ на Рѣпное отправляются—не послѣдними же мы потанчимся туда.“ Какъ услыхалъ я про Рѣпное, то у меня весь сонъ, какъ рукой, сняло. Я вспомнилъ: вчера ты ут-

ромъ говорила, что сегодня будешь косить на Мысу. И думаю самъ съ собою: „Дорога на Рѣльное почти черезъ Мысь, и повернуть туда ничего не стоитъ; а теперь какъ разъ моя Паранька тамъ косить одна—мати навѣрно еще обряжется. Вотъ бы славно застать ее тамъ одну: какъ бы мы хорошо съ ней вдвоемъ потолковали бы“... И тотчасъ же я соскочилъ съ постели, плеснуть на лицо холодной воды и пошеть сюда...

— Но мнѣ тутъ толковать-то некогда: проговоришь съ тобой, мамка придетъ—заругаетъ меня, что мало накосила.

— Объ этомъ разговаривать не стоитъ: мы сначала поговоримъ, а потомъ я тебѣ подсоблю косить, смотришь, живо вдвоемъ время наверстаемъ.—Давай-ка лучше, Параня, посидимъ вонъ на бугорочкѣ подъ березой, вишь, она какая кужлявая—подъ тѣнюю ея славно будетъ отдохнуть.

— Ну, ладно когда, такъ и быть, посидимъ,—согласилась Параня, и со своимъ любимъ направилась къ березѣ.

Положивъ возлѣ себя косы, они расположились въ тѣни, съ любовью поглядывая другъ на друга.

— Каково погулять вчера?—спросила Параня.—Навѣрно весело было: поди отъ Андронишны не отходить.

— Охъ, Параня, Параня, все-тъ до сихъ поръ ты не вѣришь мнѣ.—качая головой, съ сожалѣніемъ говорилъ парень.—Не разъ ужъ ты слышала отъ меня, что мнѣ только тамъ весело, гдѣ ты есть; а гдѣ тебя нѣтъ, то будь для другихъ хоть того веселѣе, а мнѣ все не по себѣ. Хоть иногда безъ тебя на гуляныѣ и затянешь веселую пѣсню, и въ кругу пойдешь съ дѣвицамъ откалывать колѣна, но все на душѣ какъ-то неотраднѣе... И удивительное это дѣло: гуляешь ли ты, на работѣ

ли, ложншься ли спать, встаешь ли утромъ—одна ты у меня на умѣ. Кажется тебя краше и милѣ нѣтъ никого на свѣтѣ... Ты поди не такъ горячо любишь меня?

— Скажу по душѣ: по сердцу и ты, Петруша, пришелся мнѣ. Въ тотъ день только и отрадно, когда повидаю тебя; а то брожу какъ сама не своя: все думаю, какъ бы это повстрѣчать моего Петрушу, взглянуть на него хоть бы однимъ глазомъ, тогда гораздо легче сердцу бываетъ, а то все оно печалится и тоскуетъ по тебѣ.

— Да и ты то мнѣ больно любя. Ты для меня милѣ и дороже отца, матери и всѣхъ родныхъ. Если меня дома и бранятъ, что я съ тобой гуляю, то это несколько не печалитъ меня; но если родные, ругая меня, начнутъ хулить тебя, или услышаю, что тебя мати твоя ругаетъ изъ-за меня,—то у меня горько сдѣлается на душѣ и жаль тебя. „Сколько ей, бѣдной, приходится горя изъ-за меня терпѣть, подумаешь самъ съ собою,—кажется, всѣмъ бы сердцемъ радъ, чтобы моя Паранька жила въ покоѣ и счастливо и чтобы никто не оскорблялъ ея,—но при всемъ своемъ желаніи ничего не можешь сдѣлать.

— Наши родные косо смотрятъ на нашу съ тобой дружбу и стараются разлучить насъ съ тобою,—проговорила съ грустью Параня:—твои налаживаютъ тебѣ въ невѣсты Андронишну, потому что она невѣста богатая и порода у нея все хорошая, а меня какъ ужъ и ни честятъ; намердн твоя тетка и нищей, и потаскушей, и дѣвкиной дочерью обозвала за то, что ты дружень со мною. Какъ когда меня ни ругаютъ, я все терпѣливо переношу, но какъ назовутъ дѣвкиной дочерью, то такъ слезы на глаза и навернутся: мамка моя согрѣшила—она и виновата, а меня попрекать грѣхомъ матери, тогда какъ я ни въ чемъ этомъ неповинна, грѣшно.

Да и передь твоей родней я ни чѣмъ не провинилась: вѣдь я къ себѣ не приманиваю тебя, а ты самъ по доброй волѣ льнешь ко мнѣ. Право, тутъ съ моей стороны вины никакой нѣтъ... Моя мамка бранить меня за то, что я дружна съ тобою и что ты только соблазняешь меня, а замужъ никогда ее возмешь. Наши родные, да и всѣ сусѣды и знакомые, Богъ знаетъ, что думаютъ про насъ. а между тѣмъ мы другъ дружкѣ кромѣ хорошаго слова никогда ничего не пожелаемъ. Не знаю, Петруша, какъ у насъ пойдетъ дальше, а пока мы терпимъ однѣ невзгоды; развѣ впереди увидимъ когда нибудь счастье, но трудно ожидать его. Теперь я тѣмъ довольна, что когда съ тобой вдвоемъ посижу и поговорю: тогда позабудешь все на свѣтѣ, кажется, сидѣла бы все съ любимъ, да толковала бы.

— Вѣрь, не вѣрь мнѣ, — съ чувствомъ сказалъ Петруша: — а я Андронишну замужъ не возьму, хотя бы какъ родные ни принуждали бы взять ее. Вѣдь не имъ придется съ ней жить; а мнѣ на что такая рябая терка, да еще косая какъ заяцъ; наплюну я на нее и на ея богатство. Лучше уйду изъ дому въ одной рубашкѣ, а возьму себѣ любую; съ милой же рай и въ шалашѣ. Потомъ, я слышала, что къ тебѣ думаетъ свататься изъ Турова вдовецъ; но скажу тебѣ: все равно, если бы ты и пошла за него, а я не дамъ взять тебя, и его. жениха, изъ деревни такъ турну, что онъ никогда вперёдъ носу не покажетъ!

— Да я и сама лучше въ чужихъ людяхъ буду жить, а за такого старика не пойду; хоть будь онъ того богаче, а мнѣ его не надо... Вотъ что, Петруша, мы съ тобой больно долго засидѣлись: какъ-да мамка скоро придетъ, то заругаетъ меня, что мало накосила.

— Такъ давай-ка вмѣстѣ смахнемъ этотъ уголокъ, — сказала, вставая, Петруша.

Онъ, взявъ косу, крѣпко уперся о землю ногами и ровными широкими взмахами косы, неслышно подрѣзаетъ еще мокрую траву.

Параня, забирая прокосиво не меньше его и не отставая, пошла за нимъ.

Закипѣла работа въ двухъ здоровыхъ привычныхъ рукахъ. Намѣченнаго уголка почти какъ не бывало: трава лежала рядами....

— Я тебѣ, безпутому, задамъ!—закричала внезапно появившаяся мать Парани, увидавъ возлѣ нея парня.— Люди въ самолучшую косятъ, а онъ, ровно о праздникѣ, разгуливаетъ по дѣвкамъ. Самъ не работаетъ да и другимъ мѣшаетъ.

— Тетка, вѣдь я попутнымъ дѣломъ—только сейчасъ привернулъ сюда,—оправдывался парень.

— Иди, иди, пока я тебя, путаника, граблямъ не отхлестала.

Парень вскинулъ косу на плечо и быстро зашагалъ по тропинкѣ, насвистывая веселую пѣсню.

II.

На краю деревни Бакрыловки живетъ Агафья со своей дочерью Параней. Ея покровившая старая изба съ двумя окнами, почти касавшимися земли, крыта соломой, которая сгнила и требовала перемѣны; надъ избой возвышается деревянная труба; сзади избышки примыкаетъ дворикъ, гдѣ находилась корова и теленокъ. Внутри избышка тѣсная; черная, безъ трубы, печка, широкія около стѣнъ лавки, надъ ними полки, четырехугольный столъ, глиняный рукомойникъ, широкая деревянная лохань—составляли все убранство избышки и оставляли въ ней одинъ проходъ.

Вечеромъ, около зимняго Николина дня, сидѣла одна Агафья за пряслицей и много думъ тѣснилось въ ея головѣ,

„Трудно, трудно, одной бабѣ безъ мужика править хозяйствомъ. думала она про свою горькую долю. Что ни сдѣлають—за все подай денежки, а много ли вотъ ихъ добудешь на пряслицѣ? Горемышная я, бѣдное мое житье и никто меня не пожалѣетъ. Ну, добро бы была бы одна, а то вѣдь дѣвку надо было выпойть, выкормить, да все отъ однѣхъ своихъ бабьихъ рукъ. Хотя эти года четыре полегче—дѣвка стала мнѣ хорошая помощница, но опять не ладно, опять горе: не вѣчно ей жить со мной—надо ее опристраивать. Пока я жива, то и опристроить ее при себѣ, а то помру—не кому будетъ позаботиться объ ней: вѣдь пропадаетъ она совсѣмъ безъ меня; а опристроить мнѣ дѣвку—не шутка: съ деньгамъ это легко—дать приданое, закупить всего—и копчено; у меня же, даже не на что и свадебку сыграть... Тутъ и выдавай дѣвку замужъ“...

Вдругъ отворяются въ избѣ двери; входитъ въ избу пожилая баба. Перекрестившись передъ иконами, она садится вдоль половицъ. Агафья съ удивленіемъ посмотрѣла на нее. Хотя она и знала бабу, которая была изъ деревни Турова, верстъ за пять отъ нея, но та не бывала въ ея избѣ.

„Значить не спроста пришла гостя, если сѣла вдоль половицъ,“ смекнула Агафья и попросила гостью раздѣться. Та не замедлила.

— Ты ужъ извини меня,—обратилась Агафья:—я тебя здѣсь оставляю одну, а сама схожу къ сусѣду за самоваромъ. Принесу самоваръ, поставлю его, за чайкомъ мы съ тобой посидимъ и поговоримъ.

— Полно ты обо мнѣ беспокоиться-то: я и такъ посижу.

— Невелико беспокойство—я живо сбѣгаю.

Агафья мигомъ изготвила самоваръ, поставила его на столъ, собрала посуду и пригласила гостью пить чайку.

— Ну, Агафья,—начала за чаемъ гостя,—я вѣдь къ тебѣ пришла не с проста.

— Не с проста, такъ говори за чѣмъ.

— У тебя есть товаръ, а у меня покупатель. то не хонь ли сбыть съ рукъ свой товаръ.

— Коли покупатель хорошій, то отчего не сбыть товаръ.

— Про покупателя и говорить нечего: человекъ онъ трезвый, водки капли въ ротъ не беретъ, угоды у него много, одной купленной земли болѣе чѣмъ на тысячу будетъ; домъ—какъ гора, хлѣба вдоволь, огромные сусѣки такъ и ломятся подъ нимъ; скотины: двѣ лошади, семь коровъ, а мелкаго живота—и не пересчитаешь; по праздникамъ нарядится, что твой купецъ. Поищи у насъ такихъ богатыхъ жениховъ—не найдешь...

— А кто онъ такой есть?—спросила Агафья, хотя сама уже догадывалась, о комъ идетъ рѣчь.

— Женихъ недалній—съ Дубного вдовецъ Роговъ.

— Роговъ—вонъ кто,—протянула Агафья.—Жениха я не хаю: про самого не слыхала худого, знаю, что и всего у него много. Да и дѣвка-то у меня не изъ послѣднихъ: собой заглядѣнье, здоровая, въ работѣ мужику не уступитъ; на примѣръ, когда жнетъ, то все идетъ впереди всѣхъ; да и славы за ней никакой нѣтъ; небось, никто про мою Параньку худого не скажетъ,—и даромъ, что бѣдна, но на почетѣ у ребятъ. въ кругахъ наперехватъ плясать ее берутъ.

— Что и говорить, дѣвку не похулишь; если бы не

хороша была, то такой женихъ и не подумалъ бы къ вашему дому подъѣхать: вѣдь одежи хорошей у твоей дѣвки нѣтъ, о приданомъ и поминать не стоитъ; породой своей ты не похвастасишься—не разгуляется по твоей породѣ твой будущій зять,—вѣдь женихи и это разбираютъ... Да время тебѣ, Агафья, дѣвку опристраивать, болѣзнь Богъ такое счастье посылаетъ.

— Словъ не говоря, бѣдность заставитъ выдать дѣвку и за вдовца. Это-то еще ничего, да больно много ребятъ-то осталось отъ первой бабы: вѣдь легко только сказать—пять человѣкъ, а каково мачихѣ будетъ съ нимъ жить: всего тутъ она напринимается, можетъ быть, не рада будетъ и богатству. Мачихи дѣло плохое: пригрозить ребятъ нельзя—нажалуются отцу, а тотъ подумаетъ, что мачихѣ ребята чужіе—ей ихъ не жалъ, то избеживаетъ ихъ... и пойдутъ въ семьѣ ссоры, да раздоры, въ тягость станетъ и самая-то жизнь; особенно, какъ начнутъ ковыгся свои ребята, то тогда горя вдоволь напринимается. Да нынѣшнія дѣвки и года разбираютъ, а твоему жениху поди подь сорокъ стукнуло—уже у него большая плѣшь на головѣ, чего дѣвки больно не любятъ.

— Но, Агафья, еще плѣшь не изъянь, а напротивъ, нужно смотрѣть на нее какъ на похвалу для человѣка. Вѣдь отъ большого ума волосы лѣзутъ изъ головы: вонъ, ты бы посмотрѣла на секретаря съѣзда: голова, что твой лужонный горшокъ, только около ушей какіе-то клочки торчатъ, а между тѣмъ онъ всѣмъ съѣздомъ восторчается: въ головѣ ума палата. Въ городахъ нынче и все въ года моего жениха женятся: въ это время женихъ весь женихъ, со всѣмъ умомъ, хозяинъ будетъ хорошій, не то что наши безусые ребята баломыги: у нихъ въ головѣ еще вѣтеръ ходитъ, а не жить съ семьей и кормить ее въ потѣ лица. Да и то сказать тебѣ, Агафья:

не будь бы Роговъ вдовый, не имѣй онъ пятеро ребятъ, да будь годами помоложе, то онъ не подумалъ бы къ твоей дѣвкѣ свататься: за него въ нашей волости любую бы невѣсту отдали.

— Еще у моей Нараньки приданое не готово, и въ нынѣшнюю зиму мнѣ не сбиться на свадьбу.

— Объ этомъ-то и толковать не стоитъ; женихъ-то, посылая меня, сказалъ: „Если пойдетъ за меня эта дѣвка, то не только приданого ничего не попрошу, но даже еще отъ себя свадьбу сдѣлаю.“ Посуди ты сама: гдѣ ты лучше такого жениха отыщешь? Какого тебѣ еще праха надо? Ты лучше крестись, что за твою бѣдность, да за твое сиротство, къ твоей дочери Богъ такого жениха посылаетъ.

— Твоя правда, только за такого жениха, который ничего не спрашиваетъ, я и могу отдать Нараньку; а то объ мы съ ней бьемся, бьемся съ утра до вечера и не можемъ выбиться изъ нужды: вѣдь наше дѣло бабѣ—отъ своихъ рукъ кормимся; сыты, не на срамъ одѣты—и ладно: бабьими руками не много добудешь. Ну, коли женихъ ничего не проситъ, то я согласна за него мою Нараньку отдать. По крайней мѣрѣ, когда умирать стану, то покойна буду, что у меня дѣвка опристроена.

— А когда можно къ вамъ пріѣхать мѣсто смотрѣть?

— Хорошо, какъ бы женихъ насъ отъ этой очереди совѣмъ избавилъ: вѣдь я сказывала, что у моей невѣсты, кромѣ необходимой одежды, еще ничего не приготовлено, такъ што стыдно показывать ея скруту.

— Ну ужъ, этого ты и не говори: нужно очередь испровести какъ слѣдуетъ; мы свадьбу устроимъ не на смѣхъ людямъ. Если у твоей невѣсты скруты мало, такъ сама хороша—не стыдно будетъ ее жениху показывать.

— Што ужъ дѣлать—пусть когда пріѣзжаетъ въ

слѣдующее воскресеніе; къ этому времени хоть я немного поприготовлюсь.

— Ладно, когда къ этому времени ты приготовляйся—мы будемъ. Теперь и прощай, Агафья,—подымаясь съ лавки, сказала сватуныя:—пора мнѣ идти къ жениху—его вѣсточкой порадовать, а то, поди, сидитъ какъ на угольяхъ, дожидаясь отвѣта, и нигдѣ мѣста себѣ не находитъ.

Оставшись одна, Агафья раздумалась о своемъ горько-горькомъ житѣи и давай причитать:

„Не думала я, не гадала, што ' постигнуть меня такая тяжелая доля: вѣдь до девятнадцати лѣтъ я не знала никакой печали и нужды. Надо было приключиться такому горю—помереть моей мамкѣ; осталась я сиротинушкой безъ матушки своей родимыя. Отецъ день деньской за работою, а ночь, утомившись, спать сномъ непробуднымъ, некому поглядѣть за мной молодешенькой; жила, никого не боясь, я' въ полной своей волюшкѣ. Охъ, ужъ воля, эта волюшка, многихъ погубила она досадница; не будь бы этой волюшки, не извѣдала бы я такого горюшка. Надо было подвернуться лучезаушному Митькѣ Сѣрому; полюбился онъ пуще отца родного и родной матери: не могла я на него, красно-рожаго, насмотрѣться и съ нимъ наговориться. Лукавый попуталь—я согрѣшила: почувствовала въ себѣ дитятка. Пропали для меня вѣшніе дни и настала ненастная осень. И жила я одной надеждушкой—возьметъ замужъ мой Митенька. И не обманулъ бы онъ меня, да угнали его въ службу царскую—и не пришлось ему на мнѣ жениться: тамъ онъ сложилъ свою буйну-головушку. Сколько стыда и сраму напринималась я, вѣдаетъ одинъ только Богъ да Пресвятая Богородица. Всѣ смотрѣли на меня, какъ на окаленную, словно душу я загубила человѣческую, и всѣ женихи отъ меня отвер-

нулись. Отец билъ меня, не жалѣя рукъ своихъ, а родня и чужіе позорили, што хуже и ненадобно. Думала я, што не перенесу этого горюшка; много разъ хотѣла въ воду броситься или повѣситься, да жалъ было загубить себя: на этомъ то свѣтѣ мучилась, да и на томъ еще не будетъ милости; какъ стужу я двѣ душиньки—свою и младенчика, то посадятъ меня въ огонь къ злымъ дьяволамъ. Вотъ родилась у меня Паранюшка, свѣтъ закрыла глазамъ моимъ отъ людей добрыхъ, не знала я куда и дѣваться. Промучилась я съ годъ въ родной семьѣ со своей Паранюшкой: нѣту еще силы моченьки тутъ терпѣть своего горюшка. Сжалился родимый батюшка—выстроилъ мнѣ келейку, и стала я жить въ ней со своей Паранюшкой. Нужды, холоду и голоду напринималась я со своей крохоткой, и никто не пожалѣлъ меня, бѣдную. „Такъ и надо ей блудницѣ.“ говорили мнѣ люди добрые. Все перетерпѣла я, все вынесла, своимъ горбомъ дочку выкормила, ей одной утѣшалась, все свое горе забываячи. Приходитъ времячко разстаться съ моимъ ненагляднымъ дитяткомъ: не вѣкъ ему сидѣтъ подъ крылышкомъ матушки, пора свить и свое гнѣздышко. Останусь я одна-одинешенька мыкать жизнь свою горе-горькую. Да и дѣвку держать опасно, какъ бы что съ ней не приключилося, и не пришлось бы ей испить мою чашу не сладкую; не перенести мнѣ тогда горюшка, во гробъ вгонить меня кручинунка... Да и вотъ идетъ моя умница.“ Услыша стукъ, она закончила причитаніе, и будто сердитымъ голосомъ обратилась къ дочери:

— Што долго гуляла?

— Такъ долго была посидѣвка. Я хотѣла раньше уйти, да не отпустили. Всѣ сказали: „Што-ты одна пойдешь—уходить лучше вмѣстѣ съ людямъ чѣмъ одной.“ Ну, я и осталась.

— А безъ тебя приходила сватуныя—сватала тебѣ хорошаго богатаго жениха, который никакого приданого не спрашиваетъ; што есть, въ томъ беретъ, даже свадьбу отъ себя дѣлаетъ. Лучше намъ такого жениха не дожидаться.

— Кто онъ есть?

— Съ Турова Роговъ.

— Вотъ ужъ я, мамка, за него и не пойду: онъ вдовецъ, старикъ, вѣдь у него пятеро ребятъ—вѣкъ-то и бейся съ ними... Наплюну я на его и на богатство-то его.

— Паранька, кто же лучше-то тебя возьметъ? Молодые да богатые женихи спрашиваютъ приданое, хорошую скруту и выбираютъ, чтобы невѣста была изъ хорошаго дому... А мнѣ даже нѣ шутка свадьбу сыграть.

— Я лучше за бѣднаго, да за молодого пойду, а такой старикъ мнѣ не надо.

— Дура, какъ у бѣднаго-то ничего, да у тебя столько же, то какъ вы будете жить? Развѣ только нищихъ разводить. Или ты думаешь, што къ тебѣ посватается твоей любой Петрушка. Ты выкинь изъ головы эту дурь. Если бы онъ самъ-то умомъ и взялъ тебя, то родные ни почему не дадутъ взять тебя, нищую.

— Мамка, я кромѣ Петрушки ни за кого замужъ не пойду,—отрѣзала дочь,—а онъ обѣщался жениться на мнѣ.

— Охъ, ты, полоротая!—закричала мать,—онъ только, пуглазый, проводить тебя: обманетъ—а тамъ и хвостъ покажетъ; послѣ для него хоть трава не роси. Выкинь-ка лучше вонъ изъ головы всѣхъ вертоплясовъ и выходи за вдовца—славно вѣкъ проживешь... Жениху я наказала въ то воскресенье прѣзжать мѣсто смо-

трѣть.

— Выходи сама за вдовца, а я не пойду, — стояла на своемъ Параня. — Хоть ты и мать моя, а у меня воля своя: за кого хочу, за того иду. Если и худо буду жить, то я буду маяться, а не ты, и не на кого не буду жаловаться, что меня погубили.

Агафью взорвало. Она соскочила даже со скамьи и со сжатыми кулаками подступила къ дочери, которая, низко опустивъ голову, съ рѣшительнымъ покорнымъ видомъ сидѣла на скамьѣ.

— Что ты стала за самовольница, — кричала во все горло Агафья: — не хочешь родной своей матери слушаться! Вонъ она какую дурь вбила въ свою пустую башку: зарядила одно — не пойду, да не пойду, ровно и словъ у нея другихъ нѣтъ. Вѣкъ-то путаться ли што-ли будешь со своимъ Петрушкой! Меня, да и сама себя опозорить хочешь, чтобы потомъ всю жизнь маяться... Ей Богъ счастье посылаетъ, а она отъ него прочь бѣжитъ — въ такой богатый домъ не хочешь выходить полной хозяйкой... Какого еще тебѣ дьявола — прости меня Господи, согрѣшила я съ тобой грѣшная — еще надо? Вѣдь къ тебѣ не кунецъ въ золоченой каретѣ подъѣдетъ. Ты и не думай мнѣ перечить... Што велятъ — ты и должна слушаться: я тебѣ мать — не худа, а добра желаю!

— Иди сама, а я лучше въ чужихъ людяхъ стану жить, а за него замужъ не пойду, — твердила свое Параня.

— Вотъ еще ты вздумала — не слушаться матери. — советамъ вскипятилась Агафья, — такъ я тебѣ покажу!

И обѣими руками ухватившись за волосы, начала трепать дочь, приговаривая:

— Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ! Слунайся матери и не досажай ей!

Паравя заревѣла не столько отъ боли, сколько отъ обиды и говорила:

— Полно, мамка, отстань, ты вѣдь совѣмъ напрасно меня бьешь!

Но Агафья тогда только отстала, когда у нея устали руки, и долго она еще не могла успокоиться, ругая дочь на чемъ свѣтъ стоитъ.

III.

Въ воскресеніе вечеромъ Роговъ покатылъ къ невѣстѣ смотрѣть мѣсто. Самъ онъ ѣхалъ впереди, завернувшись въ волчью шубу. Сытый его меринъ, убранный подъ серебро въ сбрую, высоко поднявъ голову, бѣжалъ рысью. Съ женихомъ сидѣла сватунья и пожилой его братъ. Сзади ѣхала сестра со своимъ мужемъ.

— Поди-ка теперь у невѣсты какъ дожидаются насъ: навѣрно все глазоньки въ окнахъ присмотрѣли,—обратилась къ жениху сватунья.

— Я думаю, што поджидаютъ,—съ важностью проговорилъ женихъ.

— Ну и надо невѣстѣ и ея матери радоваться, што Богъ имъ такое счастье посылаетъ: вѣдь изъ тысячного дому ѣдетъ женихъ къ ихъ келейкѣ. Видно, за бѣдноту и сиротство ихъ такъ Господь награждаетъ.

— Я хочу осчастливить бѣдную дѣвушку. Думаю самъ съ собой: всего у меня въ домѣ довольно, не за чѣмъ я въ люди не хожу. то, дай, женюсь на бѣдной: по крайней мѣрѣ, жена изъ такой бѣдности въ моемъ домѣ будетъ счастлива и всегда будетъ благодарить меня, што вытянулъ ее изъ такой бѣдноты.

— Вѣстимо такъ, осчастливить ты хочешь Параню, сдѣлать ей добро.

— Небось, если бы невѣста была уродъ, то и не

подумаль бы къ ней свататься,—вмѣшался въ разговоръ братъ, которому женитьба его не очень нравилась,—а ты ѣдешь къ невѣстѣ, што будь она немножко побогаче, то любой бы молодой парень къ ней подѣхаль бы.

Жениху это не понравилось. Онъ сердито уткнулъ весь свой носъ въ шубу и предался сладкимъ думамъ о своей женитьбѣ...

— Стой, не смѣй дальше ѣхать!—внезапно раздался чей-то громкій голосъ.

И схваченная за подузды лошадь жениха вмигъ остановилась.

„Не разбойники ли напали.“ мелькнуло у Рогова въ умѣ, и весь дрожа отъ страха, онъ взглянулъ впередъ.

Они были въ двухъ верстахъ отъ деревни, въ прогонѣ, заваленномъ снѣгомъ. Глубокія канавы по ту и другую сторону дороги были давно знакомы ему. Какихъ-то трое рослыхъ парней загораживали дорогу; одинъ изъ нихъ держалъ лошадь. Кругомъ ни души.

— Што вамъ надо?—едва отъ страха выговорилъ женихъ.

— Заворачивай обратно, да проваливай туда, откуда прѣхалъ,—отвѣтилъ державннй лошадь.

Роговъ узналъ въ немъ любого невѣсты—Петрушку, и у него отъ души немного поотомло.

— На разбой ли што вы, ребята, вышли,—сказалъ онъ уже болѣе смѣлымъ голосомъ,—не даете пути проѣзжимъ людямъ.

— Безъ разговоровъ—поѣзжай назадъ,—стоялъ на своемъ Петрушка.—Все равно мы далѣе не пропустимъ вастъ: мы къ вамъ за невѣстамъ не ѣздимъ, то и сво-

ихъ дѣвокъ въ люди не отдадимъ.

— Гдѣ вы нашли такое право, чтобы изъ чужой деревни невѣсты нельзя было брать.

— А право-то у насъ съ собой, — показывая свой увѣсистый кулакъ, — отвѣтили Петруша. — Если не хочешь, чтобы тебѣ шею намылили, то лучше выбирайся-ка отсюда по добру, по здорову.

— Подъ судъ я васъ бездѣльниковъ упрячу, въ Сибирь на поселеніе сошлю....

— Полно тутъ съ нимъ попусту калякать, я вотъ сейчасъ съ озорникамъ раздѣлаюсь, — перебилъ его, вылезая изъ саней, братъ.

— Ну, отпускай лошадей, говорятъ тебѣ честию! — крикнулъ онъ на Петрушу.

— Забирайся-ка лучше въ сани, да заворачивай оглобли, — спокойно отвѣчалъ тотъ.

— Такъ я тебѣ, плуту, покажу, — замахнулся братъ на Петрушу, но былъ предупрежденъ здоровымъ ударомъ кулака по лбу, слетѣлъ съ дороги въ сторону, завязъ въ снѣгу и запутался въ своемъ широкомъ тулупѣ.

— Нечего съ нимъ больше, ребята, разговаривать — сваливай ихъ въ сторону! — крикнулъ Петруша.

И опрокинутыя сани закрыли жениха и всѣхъ гостей, которые увязнувъ въ снѣгу, на карачкахъ выползли на дорогу. Лошади, сдернутыя съ дороги, обрушились и покойно лежали на снѣгу. Ребята поджавъ бока, отъ души хохотали надъ крушеніемъ поѣзда жениха.

Между тѣмъ женихъ со своими сопровождаемыми, ругаясь, сняли шубы и по поясъ въ снѣгу, распрягали лошадей, которыя въ упряжи никакъ не могли выбиться

на дорогу. Вытащивъ на себѣ на дорогу сани и заворотивъ оглобли домой, женихъ, повѣсивъ ность, поѣхалъ обратно, а ребята со смѣхомъ, шумно разговаривая, пошли къ своей деревнѣ.

IV.

Въ просторной избѣ отца Петруши тускло мерцаетъ въ свѣтлѣ лучина, то вспыхивая яркимъ пламенемъ, то погружая избу въ непроглядную тьму.

— Ну, у насъ Петрушка гуляетъ и мѣры не знаетъ: вотъ уже скоро пѣтухи запоютъ, а его все-тъ еще нѣтъ,—проговорилъ съ полатей отецъ, облокотившись на локти своихъ могучихъ рукъ.

У свѣтца сидѣла мать Петруши и прязла лень. Въ ея крѣпкихъ рукахъ веретено жужжало какъ пчела. Она отвѣчала мужу:

— Въдь сегодня праздникъ—Крещеніе Господне, то отчего и не погулять. Состарѣется, какъ мы съ тобой, тогда даромъ будетъ и гулянка.

— Ты все заступаешься за Петрушку; избалуешь, кажется, его. Что ни праздникъ, что ни воскресеніе Христово, а его до первыхъ, нерѣдко и до вторыхъ пѣтуховъ нѣтъ. День-то я уработаюсь—не слышу, когда онъ придетъ, а ты и знаешь—мигъ не скажешь, чтобы я не выругать его. Потакаешь ты только ребятамъ.

— Нынѣшнюю еще зиму погуляеть, а тутъ женится—перемѣнится. Тогда не до гулянки будетъ: пойдутъ ребята, надо ихъ накормить, обути, одѣть, устроить—и всего съ ребятами напринимается. А теперь, всталъ, пошелъ—все одинъ. Покажеть молодъ—и погулять-то ему.

— Это такъ-то-такъ, но нынче ребята гулять-то не

умѣютъ. Послушаешь: напьются пьяные, на посидѣнкѣ раздерутся, выщелкаютъ у хозяина посидѣнки окна—только и слышно про ихъ драки. Хоть дрались бы однимъ кулакомъ, то ничего, а то все ладятъ коломъ, полѣномъ, камнемъ, ножомъ—долго-ли тутъ до грѣха. Про своего Петрушку я ничего худого не скажу: табакъ онъ у насъ курить, вина капли въ ротъ не беретъ и не ссорливъ, но боюсь, какъ-да въ кампаніи съ ребятами онъ ко всему пріучится и въ бѣду какую-либо попадетъ. Вонъ, въ прошлую масляницу въ Сысоныхъ убили мужика. Хоть драку-то началъ одинъ Семехинъ, потому что его стали сысоевскіе мужики тѣснить, но за него пристали два его товарища. Мужикъ-то ушелъ въ землю отъ однѣхъ Семехиныхъ рукъ, но его товарищи за кампанію угодили въ каторжную работу. Какъ подумаешь про это, то и взбредетъ на умъ: надо намъ Петрушку женить, пока онъ не догулялъ до чего худого.

— Ты, пожалуй, правду, старикъ, толкуешь. У меня у самой сердце не на мѣстѣ, когда Петрушки долго нѣтъ. Если и лягу спать, то только ворочаюсь съ боку на бокъ—не могу уснуть. Не выходитъ изъ головы моей дума: какъ-то нашъ паренъ гуляетъ, все ли тамъ ладно. Гораздо покойнѣе бы я была, если бы дома онъ побольше сидѣлъ. Но какъ ни уговариваю его побыть въ праздникъ дома хоть одинъ вечерокъ—нѣтъ-такъ-нѣтъ, удеретъ такъ удеретъ куда нибудь на посидѣлки. А тутъ мати тоскуй и горюй, дожидаясь его.

— Да и твои годы стали ужъ не прежніе, а работы приходится дѣлать много. Вѣдь у насъ съ тобой скотины полонъ дворъ: двѣ лошади, восемь коровъ, три теленка, пятнадцать овецъ—надо руки, чтобы обрядить ихъ, и тебѣ ужъ одной становится не подъ силу.

Съ невѣсткой же все будетъ полегче: да и но лѣтамъ, чѣмъ держать работницу и платить ей деньги, лучше какъ у насъ будетъ свой человѣкъ; вѣдь нельзя сравнивать свою и чужую работницу. Чужая—что? Кой-какъ исполнить работу, свалить ее съ рукъ, а тамъ, хоть для нея и трава не расти; своя же совсѣмъ не то дѣло—все дѣлаетъ про себя и ни какъ хуже, а какъ лучше. Чѣмъ долго, старуха, мерекать, подберемъ сегодня Петрушкѣ подходящую невѣсту и пошлемъ завтра сватунью. А? Какъ ты думаешь?

— Ты больно и круть—ужъ завтра. Вѣдь это дѣло не маленькое: надо хорошенько подумать, поразобратъ невѣсть, которая получше, а то возьмешь зря, то и напетаешься съ ней. Намъ-то еще ничего, а парню-то каково будетъ съ нетолковой возыкаться. Да што и говорить: хорошая, умная и для насъ любѣе—полегче будетъ съ ней жить.... Ну, а въ невѣсты кого ты ладишь своему Петрушкѣ?

— По моему, на што ему лучше Андронишны—дѣвка хоть куда: собой дородна, работяца, изъ хорошаго богатаго дому, и порода та у ней все хорошая, есть гдѣ будетъ Петрушкѣ погостить—вездѣ примутъ его на славу.

— И я не хаю дѣвку: помыслѣ и мнѣ она. Одного приданого за ней пойдетъ—страсть: платьевъ такъ не пересчитаешь, а про бѣлье и говорить нечего... Вотъ подумаемъ немного, да къ ней сватунью съ легкой руки и пошлемъ, въ это межгovenіе свадебку и скрутимъ.

— Тянуть не будемъ: въ обѣихъ сторонахъ за деньгамъ дѣло не встанетъ, а намъ даже за невѣстой рубликовъ пятьдесятъ приданого дадутъ.

— Это само собой: у насъ вѣдь парень не худой—работящій, непыющій и собой пригожій, да не кой отъ

какого дому. Въ нашей волости любая дѣвка за него замужъ пойдетъ... Вонъ чуешь—и самъ женихъ нашъ катить.

Въ двери сѣней раздавался легкій стукъ. Мать положила на лавку пряслицу и съ ворчаніемъ, что долго прогулялъ, пропустила сына.

— Хоть ести?—спросила она сына, когда тотъ раздѣлся.

— А што есть?

— Еще въ печкѣ стоятъ щи и каша, да молока я тебѣ принесу—вотъ и хлебай.

— Ладно когда, давай.

Мать живо собрала ему ужинать. Парень съ аппетитомъ съѣлъ всю, поставленную передъ нимъ похлебку. Помолившись послѣ ужина передъ иконами, онъ улегся на полатахъ рядомъ съ отцомъ и громко храпѣвшимъ братишкой лѣтъ пятнадцать.

Мать убрала со стола, загасила лучину, долго молилась передъ сномъ и нянча: „Господи, помилуй меня грѣшную,“ легла на печку. Въ избѣ настала тишина.

V.

Черезъ недѣлю отецъ съ матерью рѣшили:—безпремѣнно въ нынѣшнюю зиму Петрушку женить. Отецъ, выбравъ удобный случай, когда они остались втроемъ въ избѣ—онъ, мать и сынъ—обратился къ Петрушкѣ:

— Петрушка, знаешь ли што?

— А што?

— Мы съ матерью хотимъ тебя женить.

— Воля ваша, батюшка.

— И невѣсту тебѣ припасли—Андронишну. Дѣвка славная: работающая, изъ хорошаго дому и всего много

за ней дадутъ. Лучше невѣсты тебѣ не подыскать.

При одномъ только упоминаніи объ Андронишнѣ, уяло сердце у парня. „Какъ же моя-то Паранька останется безъ меня, да и мнѣ жаль ее,“ промелькнуло у него въ умѣ. Вѣдь мнѣ безъ нея не пожить... А ужъ жениться, тамъ на Паранькѣ, а больше ни на комъ“, рѣшилъ онъ.

— Ну, што молчишь?—спросилъ отецъ.

— Да што сказать тебѣ, батюшко. Ты мнѣ отецъ, отецъ хороній,—печальнымъ голосомъ началъ сынъ.—конешно, худа не пожелаешь своему сыну; и я согласенъ съ тобой, што Андронишна дѣвка не худая, но повѣрь мнѣ: кромѣ нашей Параньки я ни на комъ жениться не могу. Одна она любя мнѣ и безъ нея мнѣ жизнь не мила.

Этотъ отвѣтъ сына озадачилъ отца. Онъ ни какъ не ожидалъ, чтобы его сынъ, ранѣе во всемъ безпрекословно повиновавшійся, сталъ бы перечить ему.

— Што ты, Петрушка, съ ума ли што ли спятилъ,—съ удивленіемъ сказалъ отецъ:—хочешь жениться на нищей, на нагуляной; да и порода-то у нее все таковская.

— Все это я, батюшко, хорошо знаю, и отъ всего бы еердца радъ исполнить твою волю. Ты самъ знаешь, што ранѣе, если могъ, я слушался тебя, а теперь, не знаю, што со мной дѣлается. и не въ моей волѣ сладить съ самимъ съ собою, потому што Паранька ужъ больно мнѣ любя, и она, неговоря о пригожествѣ, ни въ чемъ не хуже Андронишни: въ работѣ не уступитъ любому мужику; за ней нѣтъ никакой славы; всѣ отъ мала до велика хвалятъ ее; вотъ живетъ она у насъ въ деревнѣ восемнадцать лѣтъ, вѣдь выросла въ ней, а слыхалъ ли ты, штобы она съ кѣмъ разсорилаь и

кого чѣмъ нибудь обидѣла; ведетъ себя она такъ, што про нее никогда даже муха не пропицить.

— Параньку и я не хую. Што ты про нее сказалъ, то правда. Но только знай: отъ худой породы, нагуляную мнѣ въ домъ не надо.

— Батюшко, повѣрь мнѣ, што я ни жить, ни быть безъ нея не могу,—говорилъ Петруша.—Будь добрый, дай мнѣ свое родительское благословеніе жениться на ней, сдѣлай для меня такое великое добро, и я вѣкъ не забуду этого.

— Ну, коли такъ—если тебѣ Паранька любя, и дороже отца и матери, то я тебѣ перечить не стану, штобы ты опосля не избивался на меня, што разстроилъ твое счастье—бери ты замужъ и Параньку. Не лишу я тебя родительскаго благословенія, сыграю свадьбу, дамъ Сивка со всей сбруей, корову, теленка, на душу земли, на поскѣвъ и на прокормъ до осени хлѣба—и больше ничего. Но только какъ женишься, ступай жить въ тещину келью, а тамъ устраивай, какъ хочешь, себѣ новый домъ; лѣсу у насъ много—руби сколько хочешь... а больше на меня ни въ чемъ не надѣйся.

— Благодарю, батюшко и на этомъ,—съ чувствомъ сказалъ сынъ.

— Ну, старуха, свадьбы тянуть намъ долго не для чего,—обратился отецъ къ женѣ:—завтра ты сходи за своей сестрой и пошли ее къ Паранькѣ сватуньей. Про приданое говорить нечего—поди все у нее въ охабкѣ унесешь; да мы сами почти все знаемъ: не за сто верстъ невѣсту беремъ, а у себя подъ окномъ.

Съ радостнымъ сердцемъ Петруша легъ спать и веселые думы долго тѣснились въ его головѣ. „Вотъ-то моя Паранька обрадуется, какъ я скажу ей, што бать-

ко согласенъ меня женить на ней“... и съ этой думой спать парень крѣпко заснулъ.

На другой день, вечеромъ, провожая Параню съ носидѣлки, Петруша спѣшилъ подѣлиться съ ней со своею радостью, и обратился къ ней:

— Знаешь ли, Параня,—я тебѣ новенькое хорошенькое скажу?

— Ну, скажи.

— А угадай?

— Да гдѣ угадать: вѣдь я не Анна Пророчица, меня даже зовутъ-то не Анной, а Парасковьей,—пошутила дѣвушка.

— Примѣрно хоть попробуй угадать?

— Не знаю, право, что тебѣ и сказать... Поди себѣ хорошую шубу заводишь.

— Одни только у васъ, у дѣвокъ, наряды на умѣ, ровно другихъ разговоровъ никакихъ нѣту,—даже избидился Петруша такому отвѣту.

— Когда что?

— Отецъ меня хочетъ женить.

— Врешь.

— Ну, вотъ стану тебѣ врать.

— Поди къ Андронишнѣ онъ хочетъ сватунью посылать.

— Первоначально онъ ладилъ мнѣ въ невѣсты Андронишну, наваливалъ мнѣ ее и ему хотѣлось, чтобы я взяла ее; но я уперся на своемъ и твержу ему одно: „ни почему мнѣ не надо Андронишны и я больше ни на комъ, какъ на Паранькѣ, не женюсь.“ Батько сначала заупрямился, сталъ говорить мнѣ то и се, но я уперся на своемъ—и кончено.

— А что тебѣ отецъ отвѣтилъ на это?

— Онъ посемалъ, посемалъ, да и говоритъ: „Коли такъ—если тебѣ Паранька любя, и дороже отца и матери, то я тебѣ не перечу—бери замужъ и Параньку. Не липу я тебя;—онъ говорилъ,—родительскаго благословенія, сыграю свадьбу, дамъ Сивка со всей сбруей, корову, теленка, на одну душу земли, на посѣвъ и на прокормъ до осени хлѣба—и больше ничего. Но только какъ женишься, ступай жить въ тещину келью, а тамъ устраивай, какъ хочешь, себѣ новый домъ. Лѣсу у насъ много, руби его на домъ, сколько хочешь, и больше на меня ни въ чемъ не надѣйся.“

— Ужли это правда?—съ недовѣріемъ говорила Параня.

— Ну, вотъ, стану я тебя обманывать. Коли ранѣе про женитьбу никакихъ разговоровъ не было, то я тебѣ ничего не говорилъ, а теперь, когда у насъ въ домъ это дѣло рѣшеное, то я тебя нарочно и ловилъ, чтобы радостью наединѣ подѣлиться съ тобою.

— Спасибо тебѣ, Петруша, за все большое спасибо,—съ чувствомъ сказала дѣвушка.

— А какъ ты хочешь, Параня, а по случаю такого счастья тебѣ слѣдуетъ крѣпко поцѣловать меня.

— О-о, ты мой дорогой, за это я тебя десять разъ поцѣлую. Ты вѣдь у меня добрый, хорошій, ненаглядный. Ну, цѣлуй же, цѣлуй поскорѣй...

И въ ночной тишинѣ стали звучно раздаваться поцѣлуи влюбленной парочки.

VI.

Вскорѣ сыграли свадьбу Петруши и Парани. Гости, какъ водится на свадьбахъ, перепились, поругались, нѣкоторые даже подрались между собою и въ концѣ концовъ, ратцѣловавшись въ знакъ большой

дружбы, разѣхались по домамъ.

На первой недѣлѣ Великаго поста Петруша со своей молодой перебрался въ келейку тещи.

Петруша сидитъ вдвоемъ съ Параней и они думаютъ крѣпкую думу, какъ бы лучше устроить свое хозяйство.

— Штобы тяткѣ-то дать со мной изъ дому побольше, — говорилъ Петруша, — то гораздо бы легче было мнѣ обзаводиться своимъ домкомъ. И проситъ его взаимно дать мнѣ денегъ и кое-чего на прибавку хозяйства, но онъ наотрѣзъ мнѣ отказалъ; што онъ обѣщалъ, то выдалъ, поэтому и просить у него нечего. Если бы онъ помогъ, большое бы облегченіе мнѣ сдѣлалъ, а я бы ему исподовольно съ благодарностью бы выплатилъ. Теперь вотъ приходится заводиться вдругъ и отъ однѣхъ крестьянскихъ рукъ.

— Ничего, потихоньку Богъ поправитъ, — утѣшала его Параня. — Покамъ мы поживемъ здѣсь, у мамки, а тамъ — исподовольно пообзаведемся да поустроимся — переберемся и въ свой домъ.

— Какъ ты не мерекай, а пуще всего намъ надо свой домъ съ дворомъ какъ можно скорѣе заводить: земли у насъ съ тобой довольно — два надѣла, тещинъ и свой, то много и надо назъму повалить на нее, чтобы получить хорошій урожай; худо-худо придется держать пяти коровъ, не считая мелкаго скота, чтобы жить землей по настоящему; здѣсь же во дворъ столько скотины не пустишь: едва вотъ вбили во дворъ лошадь, двухъ коровъ и двухъ телятковъ. Да мнѣ самому больно не охота изъ такого богатаго дому жить въ этой кельешкѣ.

— Теперь еще поправляться намъ легко — ребятъ нѣтъ, то мы и будемъ работать, не покидая рукъ своихъ и

заколачивать деньги.

— Ну, Параня,—тяжело вздохнуть, сказала Петруша,—трудно придется намъ съ тобой, прежде чѣмъ, что-не-что поустроимся своимъ домкомъ; хватимъ мы нужды, голода и холода, если захотимъ попасть поскорѣе въ свой домъ. Но мы надѣемся на Бога—Онъ поможетъ намъ. Дѣла откладывать мы не станемъ. На-дняхъ я поѣду на вывозку лѣса изъ дачи купца Микрюкова и поработаю тамъ, пока будетъ держаться дорога, и Богъ дастъ здоровья, добуду рублей двадцать. Смотришь—начало и есть. Лѣтомъ, кромѣ своего помытка, станемъ въ свободное время работать въ людяхъ.

— Если Господь да добрые люди не оставятъ, то не погибнемъ мы съ тобой, Петруша. При Божіей помощи устроимся и своимъ домкомъ. Вотъ-то любо будетъ намъ, какъ въ своемъ домѣ заживемъ. И, право, не знаю какъ дожидаться этого времени.

— Живы да здоровы будемъ, скоро доживемъ,—время незамѣтно пролетитъ. Мы дѣло съ тобой откладывать не станемъ: ты завтра собери меня въ дорогу и я въ ночь поѣду на вывозку, утромъ туда прикачу и стану денежки зарабатывать.

— Ты ужъ больно и скоро хочешь собраться—завтра. Хотя поживи здѣсь немножко, приосмотрись, поустройся, поуспокойся, а тамъ и за работу принимайся. А то не прожилъ постѣ свадьбы трехъ недѣль и ѣдешь отъ меня на чужую сторону, можетъ быть, на весь постѣ,—проговорила чуть не со слезами на глазахъ Параня.

— До тѣхъ поръ я не успокоюсь, пока не попаду въ свой домъ, а теперь, какъ ни живи, какъ ни работай, все у тебя домъ чужой. Хорошо, если все будетъ по согласью съ тещей, то ничего, а иначе, чуть что—стунай вонъ и живи, гдѣ хочешь. Да ты и ра-

ботай хоть того лютѣе, но все у тебя изба не своя, а чужая; къ чужой же избѣ душа ужъ не такъ лежитъ какъ къ своей.

— Вѣрно ты толкуешь: хорошо бы поскорѣе выстроить свой домикъ и забратъся въ него.

— Такъ ты и не откладывай дѣла, а лучше завтра снаряжай-ка меня въ путь.

— Ну, ладно, когда я и такъ согласна; сегодня вечеромъ растворю пироговъ, а завтра напеку тебѣ подорожниковъ: ты и поѣзжай съ Богомъ.

VII.

Всю слѣдующую зиму Петруша возить лѣсъ для своего дома. При заготовкѣ лѣса ему часто помогала Царяня: она въ свободное время привозила домой и сваливала срубленный и очищенный мужемъ бревно. Благодаря этому, у нихъ работа спорилась вдвое скорѣе: Петруша, наваливъ бревно на дровни, успѣвалъ, пока Царяня отвозила, къ ея возвращенію приготовить уже другое бревно.

Около масляницы стояли мятели. Петруша не обращалъ на нихъ никакого вниманія и каждый день ѣздить за бревнами въ свою дачу, находившуюся въ шести верстахъ отъ деревни. Такъ и сегодня далеко до свѣту, еще было совсѣмъ темно, онъ поѣхалъ въ лѣсъ и около одиннадцати часовъ утра привезъ бревно, свалилъ его; не роспрягая, далъ лошади сѣна и самъ пошелъ обѣдать.

На улицѣ усиливалась страшная мятель. Свѣтъ такъ сверху и валилъ хлопьями. Сильный вѣтеръ совсѣмъ заметалъ дорогу.

Петруша, несмотря на такую погоду, послѣ обѣда сталъ въ другой разъ собираться въ лѣсъ.

— Полно, не їзди болѣе сегодня: вишь, какая пурга поднимается—даже зги не видать,—разговаривала его Параня.—Самъ мало отдохнулъ, Сивка худо выкормить и їдешь въ лѣсъ по бревна въ такую мятьель.

— Ничего, Параня, не сдѣлается: я еще засвѣтло успѣю сѣздить. Чего мнѣ дома-то зря сидѣть.

— Ну, когда, какъ хочешь. Потѣжай съ Богомъ.

Петруша заворотилъ Сивка, сѣлъ на дровни и легкой рысцой покатилъ въ лѣсъ по узкой лѣсной дорогѣ, замеченной снѣгомъ. Лошадкѣ тяжело было бѣжать и она, пурхая ногами снѣгъ, пошла шагомъ.

Параня, стоя на крыльцѣ въ одномъ сарафанѣ, долго провожала глазами мужа. Но вотъ онъ скрылся въ лѣсу; тяжело вздохнувъ, она вернулась въ избу и сѣла за пряслицу.

Петруша доѣхалъ до мѣста рубки. „Срублю-ка я сегодня то толстое дерево, которое наедни видѣлъ, когда бродилъ по лѣсу и разыскивалъ для рубки подходящій лѣсъ,“ подумалъ онъ, и по чуть замѣтной дорожкѣ, почти всей засыпанной снѣгомъ, потащился впередъ. Дорожка шла полянкой, боковой вѣтеръ почти сглаживалъ ее, такъ что даже опытный въ тореніи дорожъ Сивко, по временамъ, одной ногой сбивался съ дороги. Съ лѣсной дорожки Петруша свернулъ въ сторону. Сивко сталъ кубархаться въ глубокомъ снѣгу и весь мокрый, проторивъ новую дорожку сажень въ сто, добрался до намѣченной хозяиномъ толстой хмурой ели. Чтобы обмять хорошенько новую дорогу, Сивку пришлось со своимъ хозяиномъ пропутешествовать по ней назадъ и впередъ три раза, такъ что отъ него даже паръ пошелъ.

Петруша, проложивъ дорогу, снялъ холстинный сѣрый армякъ, синюю шубенку, и оставшись въ одной коротенькой холодной холстинной поддевочкѣ, обмялъ

ногами около ели снѣгъ, взять топоръ и, поправивъ на головѣ шапку, сталъ со всего плеча рубить ель.

Глухо стучалъ топоръ: шумъ и свистъ бури заглушалъ стукъ. Щепки далеко отлетали въ сторону. За-стонала вѣковая ель, хлопьями полетѣли съ нея слезы на причинявшаго ей горе мужика, такъ что отъ снѣга да отъ пота смокла спина его рубанки и поддевички. Подрубленная ель затрещала и съ глухимъ стономъ, ломая по пути сучья и тонкія дерева, грохнулась о землю. Петруша очистилъ дерево отъ сучьевъ, отрубилъ вершину, снялъ кору—и бревно готово.

„Слава Богу, проговорилъ онъ, теперь можно и домой ѣхать.“ Подвелъ Сивка къ бревну, наладилъ слезги, взялъ толстый коль, и своими крѣпкими руками мигомъ бревно взвалилъ комлемъ на дровни, а вершиной на подсанки; чтобы оно не скатилось, привязалъ его веревкой къ дровнямъ и къ подсанкамъ.

— Ну, Сивко, не знаю какъ мы съ тобой доберемся до дому: ужъ стемвало, а какая поднялась погодунка!—говорилъ Петруша, глядя на разыгравшуюся мятель.

Да, дѣйствительно, было надъ чѣмъ и призадуматься. Сильный порывистый со свистомъ вѣтеръ шумѣлъ и гудѣлъ по лѣсу, ломая вѣковыя деревья, и загладилъ совѣтъ дорогу, такъ что днемъ трудно было ее отличить отъ стороны. Темъ сдѣлалась страшная: въ десяти шагахъ человѣкъ казался какъ тѣнь.

Страхнувъ съ шубенки и халата снѣгъ, Петруша надѣлъ ихъ, подносялся кушакомъ, заткнулъ за него топоръ, и, ухватившись обѣими руками, мызнулъ на лошадь. Сивко, натянувшись, сдвинулъ бревно съ мѣста и пошелъ пурхаться въ снѣгу; но не оттащилъ онъ бревна и пятнадцати сажентъ, остановился: со вѣтъ выбился изъ силъ. Вновь проложенной дороги не знать было: боковой вѣтеръ замелъ ее, пока Петруша возилъ

ся съ бревномъ.

Послѣ нѣсколькихъ отдыховъ, Петруша замѣтилъ, что они ѣдутъ по цѣлому мѣсту. Онъ пошелъ отыскивать проложенную имъ дорогу; но сколько ни бродилъ—не могъ наткнуться на дорогу. Далеко же отлучиться отъ лошади боялся. „Какъ да заплутаю, да потеряю ее изъ виду, то Сивко мой пропадетъ, думалъ онъ: или замёрзнетъ онъ въ ночь, или волкъ похититъ его; да я и самъ безъ лыжъ по такому снѣгу не далеко отсюда подамся.“ Покружившись немного, онъ пришелъ къ Сивку. Видя, что съ бревномъ болѣе невозможно ѣхать, онъ развязалъ веревку и освободилъ дровни отъ бревна; сѣлъ на дровни и отпустилъ лошадь, думая не найдетъ ли она дорогу. Но сколько она ни кружилась, выбиваясь изо всѣхъ силъ своихъ, но все-таки не могла выбратъся на дорогу.

Наконецъ Петруша убѣдился, что покаместъ погода не успокоится и лошадь, которая уже едва волочила ноги, не отдохнетъ, ему нечего было попусту изнурять ее и себя,—подѣхалъ къ большой ели, постановилъ лошадь отъ вѣтру, выгребъ изъ подъ ели снѣгъ и усѣлся подъ нея, въ ожиданіи переменъ погоды.

Въ поискахъ дороги ему было тепло: въ движеніи онъ разогрѣвался, но теперь сильная дрожь начала его прохватывать: онъ весь почти былъ мокрый.

„Вотъ бы на этотъ разъ да привелись бы съ собою спички, то славно было бы, думалъ онъ: я бы развелъ теплинку и грѣлся бы около нея; а то, пожалуй, теперь недолго и замёрзнуть... Помирать вѣдь еще рано. Ну, хоть бы пожить въ новомъ домѣ, тогда бы и умереть можно; а то бился, бился, напасалъ на постройку дома лѣсу и денегъ—и напрасно: моей Паранѣ ужъ не по силамъ выстроить новый домъ. Вѣдная она: не пришлось ей пожить въ покоѣ: все, сердешная, мая-

лась въ нуждѣ, въ горѣ, не видала она красныхъ дней... Поди-ка теперь какъ она тревожится обо мнѣ, не зная на што и подумать, што меня такъ долго нѣтъ... Ну, если бы и умереть, то хотъ бы своею смертию, но-христіански, съ дару да съ покаянія, а не замерзнуть бы здѣсь, не покаившись во грѣхахъ своихъ“...

Параня его, сидя у окна, всё глаза присмотрѣла, дожидаясь, не ѣдетъ ли онъ. Стемнало—Петруши нѣтъ, а время давно ему пріѣхать. Нѣсколько разъ она выходила на крыльцо и глядѣла—но все его не было видно. „О, Мати, Пресвятая Богородица, спаси его отъ всякія бѣды и напасти, молилась она, набожно крестясь, глядя на бушующую мятель, Все ли у него ладно, не приключилось ли што съ нимъ.“ И самыя тяжелыя думы лѣзли въ голову: то ей представлялось, что деревомъ убило мужа, то, что заплутавшись, онъ замерзъ и лежитъ теперь гдѣ нибудь въ снѣгу; то, что напали на него волки и растерзали его... И чего ужъ только не передумала она, не находя нигдѣ себѣ покоя.

„Нѣтъ ужъ силы-моченьки мнѣ болѣе ждать, говорила она сама съ собою: пойду сама разыскивать его; можетъ быть, что приключилось съ нимъ, а то давно пора пріѣхать ему.“

На всякій случай она взяла съ собою мужу пирога и кузовокъ съ сѣномъ для Сивка. „Можетъ быть они ослабли,“ думала она,—и пошла одна въ лѣсъ въ такую-то мятель!

Она знала около котораго мѣста мужъ рубить бревна, и, по колѣно въ снѣгу, направилась туда. Не доходя до заготовки лѣса, она останавливалась, едва переводила духъ отъ усталости и громко кричала своего мужа. Но никто не откликался ей; одинъ только вѣтеръ бушевалъ и вылъ по лѣсу.—Параня подвигалась все дальше и дальше въ лѣсъ...

„Што это такое, ровно мнѣ почудилось, што кто-то кричить, очнувшись отъ дремоты, сказалъ Петруша. Да не блазнить ли мнѣ?... Што-то больше не слышать“... Порывъ вѣтра опять донесъ до него крикъ. „И впрямъ, да еще никакъ моя Параня это кричить; дай-ка я откликнусь ей“... съ радостью промелькнуло у него въ умѣ. И выйдя изъ-подъ ели, онъ крикнулъ, что есть духу:

— „Эге-ей! Параня, это ты?!

— Э-е-е-ей!—слабо донеслось до него.

Петруня сѣлъ на дровни и, крикнувъ на лошаадь, поѣхалъ на голосъ. Сивко, весь продрогній, услышавъ бодрое понуканіе хозяина, напрягая послѣднія свои силы, пурхался въ снѣгу, медленно подвигаясь впередъ. Черезъ нѣсколько времени показалось очертаніе чело-вѣка... и Петруня выѣхалъ на дорогу.

— Ну, Параня,—узнавъ ее, съ чувствомъ сказалъ онъ,—какъ бы не ты, то, кажется, замерзъ бы я въ лѣсу. Ни почему бы оттуда не выбраться.

— Да и я то вся притужилась, што тебя долго нѣтъ. Изъ терпѣнія дани выбило дожилаться тебя—я и пошла сама разыскивать.

— Спасибо тебѣ.

— Поди проголодался. Я тебѣ принесла пирога, поѣшь его: хоть немножко подкрѣпишься.

— Пожалуй, давай сюда; ѣсти больно охота: едва волоку ноги.

— Теперь мы на дорогѣ, а ты иззябъ, то бѣги домой: на ходьбѣ скорѣе разогрѣешься,—а я дамъ сѣнца Сивку: вишь, онъ, бѣдный, какъ измучился, дани бока провалились. Онъ перехватитъ сѣнца и я слѣдомъ при-тащусь за тобой.

— Ты одна-то не боишься здѣсь!

— Что доспѣется? Одна сюда шла, не боялась, а теперь мнѣ съ Сивкомъ будетъ весело. А ты вѣдь совсѣмъ замерзнешь, какъ станешь дожидаться меня. Бѣги-ка лучше съ Богомъ.

Петруша послушался и поплелся домой. Параня отвязала поводъ, спустила черезсѣдельникъ, поставила передъ Сивкомъ кузовокъ съ сѣномъ, который, проголодавшись, съ жадностью принялся хватать сѣно, а сама, вложивъ руки въ рукава надѣтого на нее шубнаго полупшубка, сѣла преспокойно на дровни.

„Однакоже, жутко здѣсь, думала оза, слушая завываніе вѣтра. Говорятъ, что въ эдакую погоду лѣшій болѣе всего пугаетъ; но я буду читать: Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его, то онъ не посмѣетъ подступиться ко мнѣ... Ну, если что и приключится со мной, то хоть закричусь, никто не услышаетъ: кругомъ нѣтъ живой души... Да и то сказать: гдѣ Господь приведетъ умереть, то тамъ и помрешь... Поди Сивко немного подкрѣпился—надо забираться домой..“

Понукая Сивка, который и самъ, думая скорѣе добратся до теплаго крова, бодро шагаль, она уже около полуночи дотанцилась до своей избы.

Сама распрягла лошадь, пустила ее въ хлѣвъ, принесла изъ колодца воды, положила въ ясли сѣна, и, забравъ сбрую, чтобы она къ утру согрѣлась, вошла въ избу.

— Ты, Параня, поди всѣ иззябла,—обратился къ ней съ печки мужъ.

— Нѣтъ, ничего. А ты ужиналъ безъ меня?

— Мнѣ хотѣлось ѣсти, да одному невесело сидѣть за столомъ—я и дожидался тебѣ.

— Ладно, когда, я сейчасъ соберу.

Она поставила на столъ блюдо съ постными щами, и ваши молодые большими ложками стали дружно

уписывать ихъ. Опорожнивъ еще чашку съ тяпушкой—толокно съ квасомъ—они усердно помолились Богу, легли на раскинутую на иоль солому и вскорѣ уснули безмятежнымъ крѣпкимъ сномъ.

VIII.

Прошло два года. На краю деревни былъ наваленъ огромный костеръ бревень: это Петруша все нарубилъ своими руками и вывезъ въ двѣ зимы на своемъ Сивкѣ. Много труда было положено, много поту было пролито, много нужды было принято имъ при заготовкѣ этого лѣса; но онъ переносилъ все это съ терпѣніемъ, видя, какъ быстро подвигается дѣло къ постройкѣ дома.

У него было скоплено на постройку деньгами двѣсти рублей. Оба лѣта онъ вставалъ съ Параней еще до солнышка, а ложился, когда оно уже закатывалось, работая, какъ говорится, не покладая рукъ своихъ. Не то что каждымъ днемъ, но каждымъ часомъ дорожили они, чтобы задаромъ время не пропадало. Только одни воскресные и праздничные дни служили отдыхомъ: они считали грѣхомъ работать въ эти дни. Отъ работы они оба даже осунулись: на самомъ дѣлѣ, чтобы въ крестьянскомъ быту, а особенно въ такомъ положеніи, въ какомъ находились наши молодые, гдѣ приходилось заводить все вновь, заработать мужику и бабѣ въ два года двѣсти рублей кромѣ содержанія и необходимыхъ расходовъ, то нужно имѣть желѣзные—энергію, мускулы и выносливость. Солонны достались нашимъ молодымъ эти деньги, но они съ радостью клали въ свою кассу каждую, трудомъ добытую копейку.

Благодаря вотъ такимъ ихъ трудамъ, къ осени того же года ими и былъ выстроенъ на краю деревни пять оконъ по лицу двухъэтажный домъ съ примыкавшимъ

къ нему длиннымъ дворомъ, а на Воздвиженіевъ день они перебрались уже въ свой новый домъ.

Прошло семь лѣтъ. Въ Покровъ Петруша проснулся рано, умылъ лицо холодной водой, усердно помолился передъ иконами Богу и отправился къ заутрени къ своей приходской церкви, находившейся въ восьми верстахъ отъ его деревни.

Нараня затопила печку, обрядила скотину, напекла пироговъ и приготовила для мужа самоваръ. Когда Петруша возвратился отъ обѣдни, они сѣли за столъ пить чай и закусывать горячихъ пшеничныхъ пироговъ, испеченныхъ изъ своей муки.

За послѣднее время оба они пополнѣли—здоровьемъ такъ и дышали ихъ загорѣлыя смуглыя лица. По полу уже бѣгали въ однихъ длинныхъ рубашенкахъ два босоногихъ бѣленькихъ мальчика. Старшій изъ нихъ таскалъ на ниткѣ бумажку, за которой прыгаль котенокъ, а младшій бѣгаль сзади и отъ радости хохоталъ, прыгаль и хлопалъ рученками по своимъ бокамъ. Такъ они занялись игрой, что даже забыли про чай и горячіе пшеничные пироги, поставленные на столъ.

— Вы што, ребята, развѣ не хотитѣ ѣсти?—спросилъ ихъ отецъ.

— Хотимъ,—оба вдругъ отвѣтили они.

— А хотите, такъ нечего тутъ баловаться: помолитесь Богу и садитесь за столъ.

Ребята, устремивъ глаза на иконы, перекрестили себя нѣсколько разъ, низко при этомъ кланаясь, усѣлись за столъ и съ аппетитомъ стали уписывать мягкіе пироги.

— Смотри-ка, Нараня, до какого мы житія съ тобой дожили,—обратился къ женѣ Петруша:—всего у насъ довольно: домъ хорошій, двѣ лошади, шесть коровъ, три теленка, семь овецъ; хлѣба нонѣ намолотили

много: ржи десять, овса пятнадцать, пшеницы три четверти; подати уплачены—никто насъ не потревожитъ; въ домѣ сами хозяева—сами большіе, сами маленькіе; когда хотимъ—поработаемъ, устали—отдохнемъ, въ праздникъ—погуляемъ, никто намъ не укажетъ и насъ не забранить, потому што мы все дѣлаемъ для себя, а себѣ, при умѣ, никто худа не пожелаетъ... Право, мнѣ кажется, што нашего житья съ тобой нѣтъ лучше на свѣтѣ!

— Хоть мы теперь, Петруша, немного вздохнемъ, а то работали, не видя свѣту Вожяго.—говорила Параня.—Вѣдь нелегко все это намъ съ тобой досталось: все нажито трудомъ, отъ своихъ крестьянскихъ рукъ. Помнишь-ка: сколько разъ мы безъ ужина ложились спать, закусивъ одного хлѣба послѣ тяжелой работы; мы берегли каждую копейку, боясь ее израсходовать на лишній ириварокъ, сколько ночей подъ рядъ мы для прилику ложились: только забуденься немного, надо вставать на работу. Иногда ночью ляжешь, долго рукъ не можешь успокоить: такъ и ноютъ они отъ непосильной работы... Но все пережили, все переиспытали, все вытерпѣли—и теперь ровно ничего никогда не бывало. Остается намъ съ тобой, Петруша, благодарить Господа Бога за посланное намъ добро,—съ чувствомъ закончила разговоръ Параня.

IX.

Такъ жили счастливо Петруша со своей Параней вполне довольные своею жизнью. Въ сѣнокосѣ, неизвѣстно отъ какой причины, загорѣлся домъ, сосѣдній съ Григорьемъ Бакаевымъ... и двѣ трети деревни выгорѣли. Григорій Бакаевъ съ женой были на сѣнокосѣ, находившемся далеко отъ деревни. Когда они приближались домой, то нашли отъ всего добра только горящія

головни да угли. Домъ же Петруши, какъ находившійся на краю деревни и не близко отъ строеній, уцѣлѣлъ. Петруша отъ души благодарилъ Господа Бога, что Онъ сохранилъ его добро.

— Батюшко,—обратился Петруша къ отцу, который безпомощно, низко опустивъ голову, стоялъ и глядѣлъ, какъ догораетъ его тяжелымъ трудомъ добытое имущество,—на то видно воля Божья: Онъ далъ тебѣ добро. Онъ и взял,—утѣшалъ сынъ.—Ты не горюй, переходи съ мамкой—братъ былъ въ солдатахъ—ко мнѣ въ домъ и живи съ Богомъ, мы тебя не обидимъ. Богъ дастъ здоровье—сыты будемъ.

— Да, Петруша, не думалъ я што придется мнѣ садиться на твою шею,—тяжело вздохнувъ, проговорилъ Бакаевъ,—но впередъ не узнаешь, какъ проживешь. Если бы я зналъ это, то при отдѣлѣ не обидилъ бы тебя; можетъ-быть за это мнѣ и приходится терпѣть такое несчастье. А теперь ужъ дѣлать нечего: я тебя обидѣлъ—мнѣ старого не воротить, ты же меня въ несчастьи пріюти.

—Чего тутъ, батюшко, толковать-то; переходи къ намъ въ домъ безъ всякихъ разговоровъ—потъ и все,—проговорила Параня.—Ты вѣдь намъ не чужой, а свой; мы вотъ на время и сусѣдей пустимъ пожить, а неужели тебя, своего, мы на улицѣ оставимъ. Вѣдь грѣшно намъ будетъ за это.

— Если мы всей семей станемъ жить вмѣстѣ, то намъ еще будетъ веселѣе,—говорилъ Петруша.—Къ тому же вы стали работники плохіе—уже устарѣли, надо все обрабатывать черезъ чужія руки, а чужія руки—не свои; вмѣстѣ-то, всей семьей, дѣло скорѣе пойдетъ у насъ—у всѣхъ-то у насъ работа будетъ спориться, смотришь, своими-то руками мы и поправимся съ обоими попытками. У насъ до брата и не будетъ въ

хозяйствѣ ни какого упущенія—все пойдетъ своимъ чередомъ. Ты этого и не дѣлай, чтобы не идти ко мнѣ.

И старикъ со старухой поселились у сына. Старуха вскорѣ умерла, а старикъ спустя лѣтъ пять заболѣлъ, и вотъ уже восьмую недѣлю лежитъ на лавкѣ подъ шубой, не вставая съ постели.

Еще съ утра Петруша уѣхалъ за сѣномъ. Параня возится около печки, гдѣ у нея нагрѣвается въ огромныхъ чугунахъ для скотины вода. Четверо ребятишекъ кричатъ, играя на полу. Подъ поломъ блеютъ овцы и мычатъ телята. Старика прихватило; онъ стонетъ, надрывая грудь.

— Не надо ли тебѣ, батюшко, испить,—ласково обращается къ нему Параня.

— Дай—въ горлѣ больно пересохло,—слабымъ голосомъ сказалъ старикъ.

— Ты, поди давно хочешь, а мнѣ не скажешь,—подавая ковшъ воды, говорила невестка.—Тебѣ какъ захочется, то попроси, я тебѣ сейчасъ принесу; а то я не знаю, чего тебѣ и надо.

— И то ужъ я часто тебя тревожу, а у тебя не только работы, што возится со мной: вѣдь ребята, скотина у тебя на рукахъ—будетъ хлопотъ и съ нимъ... На одно горе я тебѣ навязался. Помирать мнѣ пора: по крайней мѣрѣ развязать бы тебя.

— Што ты, батюшко, Богъ съ тобой, и не говори этого. Ты вѣдь намъ не чужой, а родной, то какъ мнѣ за тобой, за больнымъ и не походить-то. Живи съ Богомъ, да поправляйся въ добрый часъ: ты у насъ не лишній.

— Ну ужъ я не чаялъ, што Богъ пошлетъ мнѣ такую невестку: вѣдь лучше ты для меня родной дочери... А я еще тебя ранѣе-то обидѣлъ... Бить меня, стараго надо, да и по дѣломъ...

— И-и, батюшко, прежняго ты и не поминай,—оставила его невѣстка.—Што было, то прошло,—того не воротить. И за то тебѣ большое спасибо, што не разстроилъ наше счастье: далъ сыну согласье жениться на мнѣ... Не хошь ли чего пойсъ?

— Нѣтъ, не надо.

— Што ты ни чего не иси—вѣдь это худо: ѣшь больше, то скорѣе поправишься.

— Радъ бы я исти, да не могу.

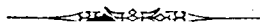
— Што то огъ тебя душно, дай-ка я тебя переоболоку.

— Нѣтъ, не надо; я дождусь Петруши—онъ меня переоболочеть.

— Затвердилъ ты одно: нѣтъ не надо, да нѣтъ не надо, будто у тебя другихъ словъ нѣтъ. Не мокрому же тебѣ лежать до того времени, когда Петруша воротится. Вѣдь такъ, если ты меня не будешь слушаться, то совсѣмъ доведешься,

— Ну, ладно когда, переоболокивай меня.

Нараня подостлала подъ старика свѣжей соломой, выбросивъ вонъ старую, накрыла сухую подстилку, сняла со свекра бѣлье, надѣла на него чистую рубашку и порты, поправила подушку, положила поудобнѣ старика, окутала его шубой и сама, какъ ни въ чемъ не бывало, стала продолжать свои обряды.

Въ КАДНИКОВѢ у автора продаются книги

1. Сельскій Учитель. 75 коп.
2. Торговцы и Земскій Фельдшеръ. . . . 65 коп.
3. Волостной Инсаръ 25 коп.
4. Что необходимо крестьянину 15 коп.

